

**ТАЙНАЯ
ДОКТРИНА**
ПРОРОЧЕСТВО
О СЕДЬМОЙ РАСЕ

«ДУХОВНЫЕ УЧЕНИЯ»

- « Небесные Пророки
Человечества
- « Число Творения
- « Рудольф Хайе
- « Евангелия Огня
- « Золотая Сфера
- « Золотой Век
- « Едино Ассими

Теософия

Елена Блаватская

Тайная доктрина. Том III

«Автор»

1888

Блаватская Е. П.

Тайная доктрина. Том III / Е. П. Блаватская — «Автор»,
1888 — (Теософия)

«Тайная доктрина» – масштабнейшее и таинственнейшее из произведений Елены Блаватской, одного из величайших теософов, философов и мистиков второй половины XIX – начала XX в., женщины, долгие годы изучавшей эзотерические учения самых разных народов – и создавшей на основе этих учений свое собственное – всеобъемлющее, уникальное, очень необычное – и удивительно логичное в своей явной неортодоксальности. Кто мы? Зачем пришли в этот мир? Куда уйдем после смерти? Существует ли вообще тот самый «смысл бытия», который веками, тысячелетиями ищут ученые, философы, маги? Возможно, ответы на эти «проклятые вопросы человечества» найдутся в странной, загадочной Книге Дзиан, тайна которой открывается лишь избранным.

© Блаватская Е. П., 1888

© Автор, 1888

Содержание

Предисловие	7
Введение	9
Часть I	19
ОТДЕЛ I	20
ОТДЕЛ II	32
ОТДЕЛ III	37
ОТДЕЛ IV	43
ОТДЕЛ V	52
ОТДЕЛ VI	60
ОТДЕЛ VII	67
ОТДЕЛ VIII	71
ОТДЕЛ IX	79
ОТДЕЛ X	84
ОТДЕЛ XI	89
ОТДЕЛ XII	92
ОТДЕЛ XIII	94
ОТДЕЛ XIV	98
ОТДЕЛ XV	102
ОТДЕЛ XVI	105
ОТДЕЛ XVII	107
ОТДЕЛ XVIII	113
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Елена Блаватская
Тайная доктрина
Том III
Эзотерическое учение

Тайная доктрина

синтез науки, религии и философии

Е.П. БЛАВАТСКОЙ

автора «Разоблаченной Изиды»

SATYÂT NÂSTI PARO DHARMAH

НЕТ РЕЛИГИИ ВЫШЕ ИСТИНЫ

The Secret Doctrine

The Synthesis Of Science, Religion

And Philosophy

BY H. P. BLAVATSKY

VOLUME III

8 May 1891

The Secret Doctrine by H. P. Blavatsky, First printing, London, 1897

Следует принимать во внимание, что третий том «Т. Д.» был издан после смерти Е. П. Б. и в него включены многие ранние статьи ее, которые она,

конечно, не поместила бы, не просмотрев *вновь* и не *пополнив их добавочными объяснениями*.

... третий том «Т. Доктрины» собран был без корректуры самой Е. П. Б. Кроме того, нельзя относиться с полным доверием к записям учеников, часто непроверенных самой Е. П. Б.

Из Писем Е. И. Р.

Предисловие

Задача приготовления этого тома к печати была сложным и беспокойным заданием, и поэтому необходимо ясно сказать, что в самом деле было сделано. Рукописи, переданные мне Е. П. Б., не были подобраны и не имели заметную систему: поэтому я взяла каждую рукопись в качестве отдельного Отдела и расставила их насколько возможно последовательно. За исключением исправления грамматических ошибок и удаления очевидно неанглийских идиом, рукописи остались такими же, какими Е. П. Б. их оставила, если не указано о противоположном. В нескольких случаях я заполнила пропущенные места, но каждое такое добавление заключено в квадратные скобки, чтобы его можно было отличить от текста. В «Тайне Будды» возникло дополнительное затруднение: некоторые части были переписаны четыре или пять раз и в каждом варианте заключалось по несколько фраз, которых не было в других; я собрала все эти варианты, взяв самый полный в качестве основы, и поместила туда все, добавленное в остальных вариантах. Однако не без некоторых колебаний я включила эти отделы в «*Тайную Доктрину*». Вместе с некоторыми весьма многозначительными мыслями в них содержатся многочисленные ошибки в фактах и многие утверждения, обоснованные на экзотерических писаниях, а не на эзотерическом знании. Они были переданы в мои руки для опубликования, как части третьего тома «*Тайной Доктрины*», и поэтому я не чувствую себя вправе становиться между автором и публикой ни внесением изменений в утверждения, чтобы сделать их соответствующими фактам, ни изыманием этих Отделов. Она сказала, что поступает, целиком руководствуясь собственным решением, и каждому осведомленному читателю станет очевидно, что она (возможно умышленно) излагает многие сообщения настолько путано, что они суть просто маскировка; другие же сообщения (возможно нечаянно) так, что в них нет более ничего, как только экзотерическое, неправильное понимание эзотерических истин. Поэтому здесь, как и везде, читатель должен пользоваться своим собственным суждением; но, чувствуя себя обязанной опубликовать эти Отделы, я не могу это сделать без предостережения, что многое в них несомненно ошибочно. Несомненно, если бы автор сама издала эту книгу, она бы целиком переписала эти разделы; в таком же состоянии, самым лучшим казалось опубликовать все, что она сказала в различных версиях, и оставить это в незаконченном виде, так как изучающие лучше предпочтут иметь то, что она сказала, в таком виде, как она это сказала, хотя может быть в этом случае им придется углубиться в него больше, чем пришлось бы, если она сама закончила свой труд.

Приведенные цитаты отыскивались, поскольку это было возможно, и к ним давались точные ссылки; в этой трудоемкой работе добровольными помощниками мне послужила целая плеяда самых серьезных и старательных исследователей под руководством м-с Купер-Окли. Без их помощи не было бы возможно давать точные ссылки, так как часто приходилось просматривать целую книгу, чтобы отыскать цитату всего из нескольких строчек.

Настоящий том завершает собою оставшиеся после Е. П. Б. материалы, за исключением нескольких разбросанных статей, которые еще остались и будут опубликованы в ее журнале «*Люцифер*». Ее ученики хорошо знают, что мало найдется в нынешнем поколении таких, которые воздадут должное оккультным познаниям Е. П. Б. и ее изумительному полету мысли, но как она может ждать до будущих поколений для оправдания ее величия, как учителя, так и ее ученики могут позволить себе подождать оправдания их доверия.

Анни Безант

Что касается того, что ты слышал от других, которые убеждают массы, что душа, будучи от тела, не страдает... от зла и бессознательна, — я знаю, что ты слишком хорошо сведущ в уче-

ниях, полученных нами от наших предков, и в священных таинствах Диониса, чтобы поверить им, ибо мистические символы хорошо знакомы нам, принадлежащим к Братству.

Плутарх

Проблема жизни – человек. Магия или, вернее, мудрость есть развитое знание сил внутреннего существа человека, – эти силы являются божественными эманациями, – так как интуиция есть восприятие их начала, и посвящение – наше введение в это знание... Мы начинаем с инстинкта, кончаем – всезнанием.

А. Уайлдер

Введение

«Власть принадлежит тому, кто обладает знанием»; это очень старая аксиома. Знание – первым шагом к которому является способность постижения истины, отличие действительного от ложного – существует только для тех, кто, освободившись от всех предрассудков и победив свое человеческое самомнение и эгоизм, готовы принять каждую и любую истину, если она была им показана. Таких очень мало. Большинство судит о каком-либо труде в соответствии с аналогичными предрассудками его критиков, которые в свою очередь больше руководствуются популярностью или непопулярностью автора, чем недостатками или достоинствами самого труда. Поэтому вне круга теософов этому тому обеспечен еще более холодный прием со стороны широкой общественности, чем предыдущим двум. В наши дни никакое утверждение не может рассчитывать на честное суждение или даже на выслушивание, если его аргументы не последуют по линиям узаконенных и общепринятых исследований, строго придерживаясь границ официальной науки или ортодоксального богословия.

Наш век – это парадоксальная аномалия. Он преимущественно материалистический и настолько же набожный. Наша литература, наша современная мысль и так называемый прогресс – оба идут по этим двум параллельным линиям, настолько нелепо несходным, и все же так популярным и так ортодоксальным, каждая по своему. Тот, кто осмелится проводить третью линию, как соединительную черточку примирения между ними, – должен целиком приготовиться к самому худшему. Обозреватели будут искажать его труд; подхалимы от науки и церкви будут его высмеивать; оппоненты будут неверно цитировать, и его отвергнут даже благочестивые библиотеки. Абсурдно неправильные представления, возникшие в так называемых культурных кругах общества по поводу древней религии мудрости (буддизма) после появления восхитительно ясных и научно изложенных объяснений в *«Эзотерическом буддизме»*, являются хорошим примером к этому. Они могли бы послужить предостережением даже тем теософам, которые, закаленные почти в пожизненной борьбе служения своему Делу, не боятся выступить со своим пером и ничуть не уstraшаются догматического предположения или научного авторитета. И все же, как бы не старались теософические писатели, ни материализм, ни доктринальный пиетизм не станут честно выслушивать их философию. Их доктрины будут систематически отвергаться и их теориям не дадут места даже в рядах научных однодневок, вечно сменяющих одна другую «рабочих гипотез» наших дней. Для сторонника «анималистической» теории наши космогенные и антропогенные теории в лучшем случае только «волшебные сказки». Ибо тем, кто хотели бы уклониться от какой бы то ни было моральной ответственности, несомненно гораздо более удобно признать происхождение человека от общего обезьяньего предка и видеть своего брата в бессловесном, бесхвостом бабуине, нежели признать отцовство питри, «Сынов Бога», и опознать в качестве своего брата голодающего из трущоб.

«Назад, не подходите!» – кричат в свою очередь пиетисты. «Из почтенных, посещающих церковь христиан, вы никогда не сделаете эзотерических буддистов!»

По правде говоря, мы ничуть не стремимся совершить эту метаморфозу. Но это не может и не должно предотвратить теософов от высказывания того, что они должны высказать, особенно тем, кто, противопоставляя нашему учению современную науку, делают это не ради ее самой, но только для того, чтобы обеспечить успех своим собственным влечениям и личному прославлению. Если мы не можем доказать многих наших положений, то не более могут и они; все же мы можем показать, как, вместо указания исторических и научных фактов – для назидания тех, кто зная меньше чем они, рассчитывают на ученых, чтобы они продумали и помогли бы им сформировать их мнения, – большинство наших ученых, кажется, исключительно направляют свои усилия на уничтожение древних фактов или на искажение их с целью

их превращения в подпорки своим собственным особым взглядам. Это будет совершенно не в духе злобных нападок или даже критики, так как пишущая эти строки охотно признает, что большинство из тех, в ком она обнаруживает ошибки, стоит неизмеримо выше ее самой по учености. Но большая ученость вовсе не исключает пристрастия и предрассудков и также не служит защитной стеной против самомнения, а скорее наоборот. Кроме того, только во имя законной защиты наших собственных утверждений, т. е. ради реабилитации древней мудрости и ее великих истин мы намереваемся испытать наши «великие авторитеты».

Действительно, если не принять предосторожности ответить заранее на некоторые возражения на основные положения настоящего труда – возражения, которые несомненно будут выдвинуты на основании утверждений того или другого ученого по поводу эзотерического характера всех архаических и древних трудов по философии – то нашим утверждениям еще раз будут возражать и их даже будут дискредитировать. Один из главных моментов в этом Томе заключается в указании присутствия в трудах древних арийцев, греков и других выдающихся философов, так же как и во всех священных писаниях мира, глубоко эзотерической аллегории и символизма. Другой целью является доказать, что ключ к толкованию, в таком виде, как он дается восточным индо-буддийским каноном оккультизма, подходящий к христианским евангелиям так же, как и к архаическим египетским, греческим, халдейским, персидским и даже еврейским *Моисеевым* книгам – должен быть общим для всех народов, как бы не различались их соответственные методы и эзотерические «маскировки». Эти наши претензии встречают яростный отпор со стороны некоторых передовых ученых нашего времени. В своих Эдинбургских Лекциях проф. Макс Мюллер отбросил это основное утверждение теософов, указывая на индусские *Шастры* и пандитов, которые ничего не знают о таком эзотеризме.¹ Этот ученый санскритолог в столь многих словах заявил, что нет никакого эзотерического элемента, нет скрытого значения или «маскировок» ни в «*Пуранах*», ни в «*Упанишадах*». Принимая во внимание, что слово «*Упанишада*» означает при переводе «Тайная Доктрина», такое утверждение, мягко говоря, странное. Сэр М. Моньер Уильямс опять придерживается такого же мнения о буддизме. Послушать его, значит признать, что Гаутама Будда был враг любой претензии на эзотерические учения. Сам он никогда их не преподавал! Все такие «претензии» на оккультное знание и «магические силы» обязаны своим происхождением позднейшим архатам, последователям «Света Азии»! Проф. Б. Джовет, в свою очередь, так же презрительно обходит молчанием «абсурдные» толкования «Тимея» Платона и *Книг Моисея* неоплатониками. В платоновских «Диалогах» нет и дуновения какого-либо восточного (гностического) духа мистицизма или какого-либо приближения к науке, говорит региус-профессор греческого языка. Наконец, в довершение всему этому, ассириолог проф. Сейс, хотя он не отрицает присутствия сокровенного значения в ассирийских табличках и клинописной литературе —

Многие из священных текстов... написаны так, что понять их могут только посвященные —

все же настаивает на том, что «ключи и толкования» к ним теперь находятся в руках ассириологов. Современные ученые, утверждает он, обладают ключами к истолкованию эзотерических записей,

Какими не обладали даже посвященные жрецы (халдеи).

Итак, по научной оценке наших современных востоковедов и профессоров, в дни египетских и халдейских астрономов наука находилась в своей младенческой стадии. Ианини,

¹ В наше время большинство пандитов ничего не знают об эзотерической философии, так как они утратили ключ к ней; все же ни один из них, если честен, не станет отрицать, что «*Упанишады*», и в особенности «*Пураны*», аллегоричны и символичны; также и того, что в Индии все еще остались несколько великих ученых, которые могли бы, если захотели, дать им ключ для таких истолкований. Также они не отрицают действительного существования махатм – посвященных йогов и адептов – даже в этом веке калиюги.

величайший грамматик в мире, не был знаком с искусством писания. Также и Владыка Будда и все другие в Индии вплоть до 300 г. до Р. Х. Величайшее невежество царствовало в дни индийских риши и даже в дни Фалеса, Пифагора и Платона. Действительно, теософы должны быть суеверными невеждами, чтобы говорить так, как они говорят перед лицом такого ученого доказательства о противном.

Поистине, это выглядит так, как будто бы от сотворения мира всего был один век истинного знания на земле – это наш век. В мгlistых сумерках, на серой заре истории стоят бледные тени мудрецов древности, прославленных на весь мир. Они безнадежно доискивались истинного смысла их собственных мистерий, дух которых покинул их, не раскрывшись иерофантам, и остался латентным в пространстве вплоть до пришествия посвященных современной науки и исследований. Полуденная яркость света познаний только теперь пришла к «Всезнайке», который, греясь на ослепительном солнышке индукции, занимается своим Пенелоповым трудом «рабочих гипотез» и во всеуслышание заявляет о своем праве на всеохватывающее знание. Может ли тогда кто-либо удивляться, что, по нынешним воззрениям, ученость древнего философа, а иногда и его непосредственных преемников в прошлых веках, всегда была бесполезна для мира и нестояща для него самого? Ибо, как уже неоднократно и ясно было объяснено, в то время как риши и древние мудрецы далеко шагнули за пределы засушливых полей мифов и суеверий, средневековый ученый и даже средний ученый восемнадцатого века всегда были более или менее стеснены их «сверхъестественной» религией и верованиями. Правда общепризнано, что некоторые древние и также средневековые ученые, такие как Пифагор, Платон, Парацельс и Роджер Бэкон, за которыми последовал сонм прославленных имен, действительно, оставили не мало вех на драгоценных рудниках философии и неисследованных залежах физической науки. Но затем, действительное раскапывание их, плавка золота и серебра, шлифовка содержащихся в них драгоценных камней – всем этим мы обязаны упорным трудам современного человека науки. И разве не его непревзойденному гению мы обязаны тем, что невежественный и до сих пор обманываемый мир теперь находится в долгу перед ним за верное знание истинной природы космоса, действительного происхождения вселенной и человека, как это раскрыто в автоматических и механических теориях физиков, в согласии со строго научной философией? До нашей культурной эры наука была лишь названием; философия – заблуждением и западной. Согласно этим скромным претензиям современных авторитетов на обладание настоящей наукой и философией, Древо Познания только теперь выросло из мертвых сорных растений суеверия, подобно тому, как из безобразной куколки появляется прекрасный мотылек. Поэтому нам не за что благодарить наших праотцов. В лучшем случае, древние только приготовили плодородную почву, но именно современники стали теми сеятелями, которые посадили семена знания и тщательно вырастили те прекрасные растения, имя которым тупое отрицание и бесплодный агностицизм.

Однако воззрения теософов не таковы. Они повторяют то, что было сказано двадцать лет тому назад. Недостаточно говорить о нелепых концепциях некультурного прошлого» (Тиндаль); о «*parler enfantin*» ведических поэтов (Макс Мюллер); об «абсурдностях» неоплатоников (Джовет); и невежестве халдео-ассирийских посвященных жрецов в отношении своих собственных символов по сравнению со знанием тех же символов британскими востоковедами (Сейс). Такие высказывания должны быть доказаны чем-то более существенным, чем голые слова этих ученых. Ибо никакое количество хвастливого высокомерия не может скрыть тех интеллектуальных рудников, из материалов которых выточены представления столь многих современных философов и ученых. Как много тех, из числа наиболее выдающихся европейских ученых, кто приобрели почет и уважение за одно только переодевание идей этих древних философов, к которым они всегда готовы относиться с пренебрежением – об этом представляется судить беспристрастному потомству. Поэтому совсем недалеким от истины кажется утверждение в «*Разоблаченной Изиде*» о некоторых востоковедах и ученых теперь неупотреб-

ляемых языков, что в своем беспредельном высокомерии и самомнении они скорее утратят логику и способность рассуждать, нежели согласятся, что древние философы знали что-либо такое, чего не знают наши современники.

Так как часть настоящего труда трактует о посвященных и тайном знании, сообщаемом во время мистерий, то в первую очередь следует рассмотреть утверждения тех, кто вопреки факту, что Платон был посвященный, заявляют, что в его трудах невозможно отыскать какого-либо скрытого мистицизма. Среди нынешних ученых по греческой и санскритской литературе слишком много таких, которые склонны отказываться от фактов в пользу своих собственных предвзятых теорий, обоснованных на личном предрассудке. При каждой возможности они удобно забывают не только многочисленные изменения в языке, но также и то, что аллегорический стиль писаний философов древности и секретность мистиков имели свое *raison d'être*; что, как дохристианские, так и послехристианские классические писатели – во всяком случае, большинство их – дали священное обязательство никогда не выдавать торжественных тайн, которые сообщались им в святилищах, и что уже этого одного достаточно, чтобы досадно вводить в заблуждение своих переводчиков и профанов критиков. Но, как вскоре выяснится, эти критики ничего подобного не признают.

Более чем в течение двадцати двух веков каждый, кто читал Платона, осознавал, что он, подобно большинству других выдающихся греческих философов, был посвященным; что поэтому, будучи связан Содальской Клятвой, он мог говорить о некоторых вещах только посредством завуалированных аллегорий. Его уважение к мистериям безгранично; он открыто признается, что пишет «загадочно» и мы видим, как он прибегает к величайшим предосторожностям, чтобы скрыть истинное значение своих слов. Каждый раз, когда предмет речи касается высших тайн Восточной мудрости – космогонии вселенной, или идеального предсуществующего мира – Платон окутывает свою философию в глубочайшую тьму. Его «Тимей» настолько запутан, что никто, кроме посвященного, не поймет его сокровенного смысла. Как уже сказано в «Разоблаченной Изиде»:

Рассуждения Платона в «Пире» о сотворении, или скорее, об эволюции первых людей, и очерк по космогонии в «Тимее» должны приниматься аллегорически, если мы вообще их принимаем. Именно, этот сокровенный пифагорейский смысл «Тимея», «Кратила», и «Парменида», и нескольких других трилогов и диалогов представляет то, что неоплатоники отважились излагать, поскольку это им позволял их теургический обет соблюдения тайны. Пифагорейская доктрина о том, что Бог есть Вселенский Разум, распространяющийся во всем сущем, и догмат бессмертия души – являются основными характерными чертами в этих, кажущихся нелепыми, учениях. Его благочестие и великое уважение, какое он испытывал по отношению к мистериям, являются достаточными ручательствами, что Платон не позволил бы неосторожности восторжествовать над тем глубоким чувством ответственности, которое испытывает каждый адепт. «Постоянно самоусовершенствуйся в совершенных мистериях, человек только в них становится истинно совершенным», – говорит он в «Федре».

Он не скрывал своего недовольства, что мистерии стали менее сокровенными, чем прежде. Вместо профанирования их допущением туда множеств, он бы охранял их собственной рьяностью от всех, кроме самых серьезных и достойных своих учеников.² В то время как он на каждой странице упоминает богов, его монотеизм остается вне сомнений, так как вся нить его рассуждений указывает на то, что под термином «боги» он подразумевает класс существ, более низких, чем божества, и стоящих лишь степенью выше человека. Даже Иосиф ощутил и признал этот факт, несмотря на прирожденную предрассудочность его племени. В своей зна-

² Это утверждение ясно подтверждено самим Платоном, который писал: «Вы говорите, что в моих прежних рассуждениях я недостаточно объяснил вам сущность Первого. Я умышленно говорил загадочно, чтобы, в случае, если с табличкой что-нибудь случится на суше или на море, то человек без предварительных познаний по этому предмету не был бы в состоянии понять ее содержание». (Платон, «Ер.», II, 312; Кори, «Ancient Fragments», стр. 304.)

менитой атаке на Апиона этот историк говорит: «Однако те среди греков, которые философствовали в соответствии с истиной, не были невеждами в чем-либо... также они не преминули ощутить потускневшие поверхности мифических аллегорий, вследствие чего они справедливо их презирали... Чем будучи затронут, Платон говорит, что нет надобности допускать кого-либо из других поэтов в „Государство“, и он категорически отбрасывает Гомера после того, как увенчал его и воскурил перед ним фимиам, и это, в самом деле, для того, чтобы тот *своими мифами* не разрушил ортодоксального верования в единого Бога».³

И это есть «Бог» всех философов. Бог бесконечный и безличный. Все это и гораздо больше, что мы не можем здесь цитировать из-за отсутствия места, приводит к несокрушимой уверенности, что, (а) так как все науки и философии находились в руках храмовых иерофантов, то Платон, как посвященный ими, должен был знать их, и (б) что уже одного только логического вывода отсюда вполне достаточно, чтобы признать правоту любого человека в том, что он рассматривает сочинения Платона как аллегории и «темные высказывания», завуалировавшие истины, которые он не имел права высказать.

Раз это установлено, то как получается, что один из лучших знатоков греческой литературы в Англии проф. Джовет, современный переводчик трудов Платона, старается доказать, что ни один из диалогов – включая даже «Тимея» – не содержит в себе никаких элементов восточного мистицизма? Те, кто в состоянии различить истинный дух платоновской философии, едва ли будут убеждены теми аргументами, которые глава Бэлиол-колледжа выкладывает перед своими читателями. Для него, несомненно, «Тимей» может быть «неясным и отталкивающим», но также несомненно и то, что эта неясность не возникла, как профессор говорит своей публике, «в младенчестве физической науки», но скорее в дни ее сокровенности; не из «спутывания теологических, математических и физиологических понятий», или же «из желания охватить всю природу, не обладая соответствующим знанием ее частей».⁴ Ибо математика и геометрия были спинным хребтом оккультной космогонии и, следовательно, также «теологии», и физиологические понятия древних мудрецов каждый день подтверждаются наукой нашего века, по меньшей мере для тех, кто знает, как читать и понимать древние эзотерические сочинения. «Знание частей» помогает нам мало, если это знание ведет нас лишь к большому невежеству о Целом или о «природе и разуме Всеобщего», как Платон называет божество, и заставляет нас совершать величайшие ошибки наиболее вопиющим образом вследствие применения наших расхваленных индуктивных методов. Платон мог быть «неспособным на применение индуктивного метода или обобщения в современном смысле»;⁵ он мог быть и неосведомленным о циркуляции крови, которая, как нам говорят, «была абсолютно неизвестна ему»,⁶ но нет ничего, чем можно бы опровергнуть, что он знал, что такое кровь *есть*, и это больше, чем то, на что может претендовать любой современный физиолог или биолог.

Хотя проф. Джовет отводит «физическому философу» более щедрый удел знания, чем какой-либо другой современный комментатор и критик, тем не менее его критика значительно перевешивает его восхваления, – можно процитировать его собственные слова, чтобы ясно показать его пристрастность. Так, он говорит:

Поставить чувства под контроль разума; отыскать какой-либо путь в лабиринте или хаосе видимостей, будь-то столбовая дорога математики или более отклоняющиеся пути, подсказываемые аналогией между человеком и миром, миром и человеком; понимать, что все имеет свою причину и все

³ «Разоблаченная Изиды», I, гл. 8.

⁴ «Диалоги Платона», перевод Б. Джовета, региус-профессора греческого языка Оксфордского университета, III, 523.

⁵ Там же, стр. 561.

⁶ Там же, стр. 591.

стремится к своему завершению – это дух древнего физического философа.⁷ Но мы не воздаем высокой оценки условиям познавания, которым он был подчинен, также и идеи, за которые цеплялось его воображение, не имеют такого же влияния на нас. Ибо он витает между материей и разумом; он находится под властью абстракций; его впечатления берутся почти наугад из внешней природы; он видит свет, но не видит тех предметов, которые открываются светом; и он сближает вплотную вещи, которые нам кажутся так далеки друг от друга, как два полюса, так как между ними он ничего не находит.

Предпоследнее утверждение, очевидно, не по вкусу современному «физическому философу», который видит «предметы» перед собою, но не видит света Вселенского Разума, открывающего их, т. е. поступает диаметрально противоположным образом. Поэтому ученый профессор приходит к заключению, что древний философ, о котором он теперь судит по платоновскому «Тимею», должно быть, поступал совсем не по-философски и даже действовал неразумно. Ибо:

Он внезапно переходит от лиц к идеям и числам, и *от идей и чисел к лицам*,⁸ он путает субъекта с объектом, *первую и конечную* причины и, замечтавшись о геометрических фигурах,⁹ теряется в приливе чувств. И теперь с нашей стороны требуется усилие ума *для того, чтобы его двоякий язык понять*, или постичь *неясный характер знания* и гений древних философов, который при таких условиях (?), кажется, божественною силою во многих случаях предвидел истину.¹⁰

Подразумевается ли под «при таких условиях» наличие невежества и ментальной тупости в «гении древних философов», или что-то другое, – мы не знаем. Но для нас совершенно ясно значение подчеркнутых нами фраз. Верит или не верит региус-профессор греческого языка в сокровенное значение геометрических фигур и в эзотерический «жаргон», он тем не менее признает присутствие «двоякого языка» в писаниях этих философов. Отсюда следует, что он допускает существование сокровенного значения, которое должно было иметь свое истолкование. Почему же он тогда решительно сам себе противоречит на следующей странице? И почему он должен отказывать «Тимею» – этому преимущественно пифагорейскому (мистическому) диалогу – в каком-либо оккультном значении, и так стараться убедить своих читателей, что

⁷ Это определение (разумеется неумышленно) ставит древнего «физического философа» на много локтей выше его современного «физического» *confrère*, так как *ultima thule* последнего заключается в том, чтобы заставить человечество поверить, что ни вселенная, ни человек не имеет какой-либо причины – разумной, во всяком случае – и что они обязаны своим возникновением слепому случаю и бессмысленному кружению атомов. Которая из приведенных двух гипотез более разумна и логична – это предоставляется решению беспристрастного читателя.

⁸ Выделено мною. Каждый новичок в Восточной философии, каждый каббалист усмотрит причину такой ассоциации личностей с идеями, числами и геометрическими фигурами. Ибо число, как говорит Филолай, «есть преобладающая и самосозданная связь вечной продолжительности вещей». Единственно современный ученый остается слепым к этой великой истине.

⁹ Здесь опять древний философ, кажется, опередил современного. Ибо он только «путает... первую и конечную причины» (какое путание отрицается теми, кто знают дух древнего учения), тогда как его современный наследник, по общему признанию и абсолютно, не знает обоих. М-р Тиндаль показывает, что наука «бессильна» разрешить хотя бы одну из заключительных проблем природы и «дисциплинированное (читать – современное, материалистическое) воображение отстает в замешательстве от размышления над проблемами» материального мира. Он даже сомневается, обладают ли нынешние люди науки «теми интеллектуальными элементами, которые сделали бы их способными постичь первичные структурные энергии природы». Но для Платона и его учеников низшие типы были только конкретными образами высших абстрактных типов; бессмертная Душа имеет арифметическое начало так же, как тело имеет геометрическое. Это начало, как отражение великого вселенского Архея (*Анима Мунди*), самодвижущееся, и из центра распространяется по всему телу Макрокосма.

¹⁰ «Диалоги Платона», перевод Б. Джовета, стр. 523.

Влияние, которое «Тимей» оказал на последующие поколения, частично обязано недоразумению.

Нижеследующая цитата из его Введения находится в прямом противоречии с предшествующим абзацем, который был приведен выше:

В предполагаемых глубинах этого диалога неоплатоники находили сокровенные значения и связи с еврейскими и христианскими священными писаниями, и вывели оттуда доктрины, совсем расходящиеся с духом Платона. Полагая, что он был вдохновлен Святым Духом или же получил свою мудрость от Моисея,¹¹ они, кажется, обнаружили в его писаниях христианскую Троицу, Слово, Церковь... и у неоплатоников был метод истолкования, которым они могли извлечь любое значение из каких угодно слов. В самом же деле, они не были способны отличить мнения одного философа от другого, или отличить серьезные мысли Платона от его мимолетных фантазий.¹² ... (Но) не существует опасности, что современные комментаторы «Тимея» повторят абсурдность неоплатоников.

Никакой опасности, разумеется, нет по той простой причине, что у современных комментаторов никогда не было ключа для оккультных исследований. Но прежде чем сказать иное слово в защиту Платона и неоплатоников, следует почтительно спросить ученого главу Бэлиол-колледжа, что он знает или может знать об эзотерическом каноне истолкования? Под термином «канон» здесь подразумевается ключ, который передавался устно, «рот к уху», Учителем своему ученику или иерофантом кандидату на посвящение; так делалось в течение веков с незапамятных времен, когда внутренние – не публичные – мистерии были наиболее священным установлением в каждой стране. Без такого ключа никакое правильное истолкование ни «Диалогов» Платона, ни любого священного писания, начиная с Вед до Гомера и от «*Зенд-Авесты*» до *Книг Моисея*, невозможно. Откуда же тогда достопочтимый доктор Джовет узнал, что истолкования различных священных книг народов, сделанные неоплатониками, представляют собою «абсурдности»? И опять – где же он получил возможность изучать эти «истолкования»? История нам говорит, что все такие труды были уничтожены отцами христианской церкви и их фанатиками-новообращенными, где только они им попадались. Сказать, что такие люди, как Аммоний, гений и святой, чья ученость и святая жизнь принесла ему титул Теодидакта («богом-обученного»), или Плотин, Порфирий и Прокл были «неспособны отличить мнения одного философа от другого или отличить серьезные мысли Платона от его фантазии», значит поставить себя, как ученого, в нелепое положение. Это равносильно утверждению, что а) десятки наиболее знаменитых философов, величайших ученых и мудрецов Греции и Римской империи были тупоумными глупцами и б) что все другие комментаторы, любители греческой философии, некоторые из них – проницательнейшие умы нашего века, которые не соглашались с д-ром Джоветом, – также являются глупцами и ничуть не лучше тех, кем они восхищаются. Покровительственный тон вышеприведенного абзаца говорит о весьма наивном высокомерии, замечательном даже в нашем веке самопрославления и клик взаимовосхищения. Мы должны сравнить взгляды этого профессора со взглядами некоторых других ученых.

Профессор Александр Уайлдер из Нью-Йорка, один из лучших платоноведов нашего времени, касаясь Аммония, основателя школы неоплатоников, говорит:

¹¹ В такой нелепости неоплатоники нигде не провинились. Ученый профессор греческого языка, должно быть, имел в виду два подложных сочинения, приписываемых Евсевием и Св. Иеронимом Аммонию Саккасу, который ничего не написал; или же он спутал неоплатоников с Филоном Иудей. Но Филон жил более чем за 130 лет до рождения основателя неоплатонизма. Он принадлежал к школе Ариостоула Еврея, который жил во время Птолемея Филометра (150 лет до Р. Х.), и считают, что он провозгласил движение, которое стремилось доказать, что платоновская и даже перипатетическая философия произошли из «откровения» *Моисеевых Книг*. Валкенер пытается доказать, что Ариостобул, лизоблюд Птолемея, не был автором «*Комментариев к книгам Моисея*». Но кем бы он ни был, он не был неоплатоником, но жил или раньше его в течение дней Филона Иудея, так как последний, по-видимому, знает его груди и придерживается его методов.

¹² Таким был только Климент Александрийский, христианский неоплатоник и очень фантастический писатель.

Его глубокая духовная интуиция, его обширная ученость, его знакомство с отцами христианской церкви, Пантенем, Климентом и Афенагором, и с наиболее знающими философами того времени – все делало его наиболее пригодным для того труда, который он так тщательно выполнил.¹³ Ему удалось привлечь к своим воззрениям величайших ученых и общественных деятелей Римской империи, которые мало были склонны тратить время на диалектические изощрения или суеверные обряды. Результаты его деятельности до сих пор ощутимы во всех странах христианского мира; каждая выдающаяся система доктрины теперь носит на себе отпечатки его ваяющей руки. Каждая древняя философия имела своих приверженцев среди наших современников: и даже иудаизм... совершил в себе изменения, подсказанные ему «богом-обученным» александрийцем... Он был человеком редко встречающейся учености и дарований, вел безупречную жизнь и был очень привлекателен. Его почти сверхчеловеческий кругозор и многие превосходства принесли ему титул Теодидакта, но он последовал скромному примеру Пифагора и принял только титул Филалетейнина, или любителя истины.¹⁴

Это было бы счастьем для истины и факта, если наши современные ученые так же скромно ступали бы по стопам своих великих предшественников. Но они – не филалетейне! Кроме того, мы знаем, что:

Подобно Орфею, Пифагору, Конфуцию, Сократу и самому Иисусу,¹⁵ Аммоний ничего не изложил письменно.¹⁶ Вместо этого он... передавал свои наиболее важные доктрины надлежащим образом, подготовленным и дисциплинированным лицам, возлагая на них обязательство соблюдения тайны, как это делалось до него Зороастром и Пифагором, а также в мистериях. За исключением нескольких трактатов, написанных его учениками, мы имеем только заявления его противников, по которым можем удостовериться, чему он в самом деле учил.¹⁷

По-видимому, именно по этим пристрастным изложениям таких «противников» ученый оксфордский переводчик «Диалогов» Платона пришел к заключению, что:

¹³ Труд примирения различных религиозных систем между собой.

¹⁴ «*New Platonism and Alchemy*» Александра Уайлдера, стр. 74.

¹⁵ Хорошо известно, что Аммоний, хотя его родители и были христианами, отказался от вероучений христианской церкви – вопреки Евсевию и Иерониму. Порфирий, ученик Плотина, который жил вместе с Аммонием в течение одиннадцати лет и который не был заинтересован в сообщении неправды, решительно заявляет, что он полностью отказался от христианства. С другой стороны, мы знаем, что Аммоний верил в светлых богов, Покровителей и что философия неоплатоников была настолько же «языческой», насколько она была мистической. Но Евсевий, наиболее бессовестный поддельщик и фальсификатор древних текстов, и Св. Иероним, несомненный фанатик, которые оба были заинтересованы в отрицании этого факта, возражают Порфирию. Мы предпочитаем верить последнему, который оставил потомству безупречное имя и широкую известность своею честностью.

¹⁶ Два сочинения ложно приписываются Аммонию. Одно, ныне утерянное, под названием «*De Consensu Mousis et Jesu*», упоминается тем же «заслуживающим доверия» Евсевием, епископом Цезареи и другом христианского императора Константина, который все же умер язычником. Все, что известно об этом псевдотруде, заключается в сведении, что Иероним очень расхваливал этот труд («*Vir. Illust.*» § 55, и Евсевий, «*H. E.*», VI, 19). Другая поддельная продукция называется «*Diatesseron*» или «Гармония Евангелий». Она частично уцелела. Но опять-таки она существует только в латинской версии Виктора, епископа Капуи (шестой век), который сам приписывал ее Тапиану, и вероятно так же ошибочно, как позднейшие ученые приписывали «*Diatesseron*» Аммонию. Потому нельзя сильно полагаться ни на нее, ни на ее «эзотерическое» толкование Евангелий. Мы хотели бы знать, не это ли сочинение заставило проф. Джовета рассматривать неоплатонические истолкования, как «абсурдности»?

¹⁷ «*New Platonism and Alchemy*» Александра Уайлдера, стр. 7.

То, что было действительно великим и действительно характерным для него (Платона), его усилие понять и связать абстракции, совсем *не было понято* ими (неоплатониками) (?).

Он довольно презрительно выражается по поводу древних методов интеллектуального анализа, что:

В нынешнее время... древнего философа следует истолковывать с собственной точки зрения и по современной истории мысли.¹⁸

Это равносильно высказыванию, что древнегреческий канон пропорций (если его когда-либо найдут) и Афина Промаская работы Фидия в нынешнее время должны рассматриваться с точки зрения современной истории архитектуры и скульптуры, по Альберт-холлу и Мемориальному Монументу, и безобразным мадоннам в кринолинах, разбросанным по прекрасной Италии. Проф. Джовет замечает, что «мистика не критика». Нет: но также критика не всегда представляет собою беспристрастное и здоровое суждение.

La critique est aisée, mais l'art est difficile.

И такого «искусства» нашему критику неоплатоников, несмотря на его греческую ученость, не хватает от А до Я. Также он, весьма очевидно, не обладает ключом к истинному духу мистицизма Пифагора и Платона, так как он даже в «Тимее» отрицает элемент восточного мистицизма и стремится доказать, что греческая философия воздействовала на Восток, забывая, что истина как раз заключалась в обратном, т. е. что «более глубокий и более пропитывающий дух ориентализма» – через Пифагора и его собственное посвящение в мистерии – проник в самую глубину души Платона.

Но д-р Джовет этого не видит. Также он не подготовлен, чтобы допустить, что что-нибудь хорошее и разумное – в соответствии с «современной историей мысли» – могло когда-либо появиться из этого Назарета языческих мистерий; также он не допускает, что в «Тимее» или в каком-либо другом диалоге имеется что-либо сокровенное, что следовало бы истолковывать. Для него:

Так называемый мистицизм Платона чисто греческий, возникший из его несовершенного знания¹⁹ и высоких устремлений, и есть порождение века, в котором философия еще не освободилась целиком от поэзии и мифологии.²⁰

Среди некоторых других подобно ошибочных утверждений особое место занимают заявления, а) что Платон в своих писаниях совершенно свободен от каких-либо элементов восточной философии и б) что каждый современный ученый, не будучи сам ни мистиком, ни каббалистом, может претендовать на право выносить суждения о древнем эзотеризме, – против чего мы будем бороться. Чтобы это делать, нам надо предъявить более авторитетные утверждения, чем наши, и привести свидетельства других ученых, таких же великих как д-р Джовет, если не более великих специалистов по своим предметам, чтобы они уничтожили аргументы оксфордского региус-профессора греческого языка.

Что Платон бесспорно был горячим обожателем и последователем Пифагора, этого никто не станет отрицать. Также в равной степени неоспоримо, как об этом сказал Маттэр, что Платон, с одной стороны, унаследовал его доктрины, а с другой, извлекал свою мудрость из тех же

¹⁸ «Диалоги Платона», перевод Б. Джовета, 524.

¹⁹ «Несовершенное знание» чего? Что Платон не знал многих из современных «рабочих гипотез» – не знал их так, как эти гипотезы современности не будет знать наше непосредственное потомство, после того как они, в свою очередь взорвавшись, присоединятся к «великому большинству» – это, пожалуй, замаскированное благословение.

²⁰ «Диалоги Платона», перевод Б. Джовета, стр. 524.

источников, что и Самосский философ.²¹ А доктрины Пифагора – восточные до мозга костей и даже брахманические, ибо этот великий философ всегда указывал на далекий Восток, как на источник, откуда он получил свою информацию и свою философию; и Кольбрук показывает, что Платон делает то же самое признание в своих Письмах и говорит, что он взял свои учения «из древних и священных доктрин».²² Более того, как идеи Пифагора, так и Платона слишком хорошо совпадают с системами Индии и Зороастризмом, чтобы допустить какое-либо сомнение по поводу их происхождения у кого-либо, обладающего некоторым знакомством с этими системами. И опять:

Пантен, Афенагор и Климент были тщательно обучены платоновской философии и понимали ее существенное единство с восточными системами.²³

История Пантена и его современников может дать ключ к платоническим и в то же время восточным элементам, которые так поразительно преобладают в *Евангелиях* над еврейскими священными писаниями.

²¹ «*Histoire Critique du Gnosticisme*», труд М. Дж. Матгэра, профессора Государственной Академии Страсбурга. «У Пифагора и Платона мы находим, в Греции, первые элементы (восточного) гностицизма», заявляет он (том I, стр. 48 и 50.)

²² «*Asiat. Trans.*», I, 579.

²³ «*New Platonism and Alchemy*», стр. 4.

Часть I Скрытность Посвященных

ОТДЕЛ I ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР

Посвященных, которые приобрели силы и трансцендентальные знания, можно проследить с нашего века назад до четвертой коренной расы. Так как множественность предметов, которые придется обсудить, не позволяет вводить сюда такую историческую главу, которая, как бы ни была исторически правдивой, будет отвергнута *a priori*, как кощунство и выдумки и церковью и наукой, – мы только коснемся этого предмета. Наука вычеркивает, как ей вздумается и как подсказывает ей фантазия, дюжинами имена древних героев просто потому, что в их биографиях слишком много мифического элемента: церковь же настаивает, чтобы библейские патриархи рассматривались, как исторические личности, и называет свои семь «ангелов звезд» «историческими каналами и посредниками Творца». Обе стороны правы, так как у каждой имеется сильная партия, которая ее поддерживает. Человечество в лучшем случае представляет собою жалкое Панургово стадо овец, слепо идущее за водителем, попавшемся ему в данный момент. Человечество – во всяком случае большинство его – не хочет само думать. Оно рассматривает как оскорбление самое смиренное приглашение шагнуть на мгновение за пределы старых избитых дорог и, судя самостоятельно, вступить на новую дорогу в новом направлении. Дайте ему для решения незнакому задачу и если его математикам не понравится, как она выглядит, и они откажутся взяться за ее решение, то незнакомая с математикой толпа будет глазеть на неизвестную величину и, безнадежно запутавшись в различных иксах и игреках, обернется, стремясь разорвать на куски незваных нарушителей ее интеллектуальной нирваны. Этим, наверное, можно объяснить легкость и чрезвычайную успешность, с какой Римская церковь обращает в свою веру номинальных протестантов и свободомыслящих, имя которым легион, но которые никогда не давали себе труда самим думать об этих наиболее важных и потрясающих проблемах внутреннего естества человека.

Тем не менее, если на свидетельство фактов, записей, сохранившихся в истории, и непрерывных анафем церкви против «черной магии» и магов проклятого Каинова рода, не обратить внимание, то наши усилия действительно окажутся очень слабыми. Когда почти в течение двух тысячелетий какая-то группа людей никогда не переставала возвышать свой голос против *черной* магии, то отсюда неоспоримо вытекает вывод, что если черная магия существует как реальный факт, то где то должно существовать ее противоположение – *белая* магия. Фальшивые серебряные монеты не могли бы существовать, если бы не было настоящих серебряных монет. Природа двойственна, что бы она ни предпринимала, и одно это преследование со стороны церкви должно было давно открыть глаза публике. Сколько бы не старались путешественники исказить каждый факт, касающийся аномальных сил, которыми одарены некоторые люди в «языческих» странах; как бы они не стремились создавать фальшивые настройки на таких фактах и – по старой поговорке – «называть белого лебедя черным гусем» и убить его, все же свидетельства хотя бы римско-католических миссионеров следовало бы принять во внимание, раз они в полном составе клятвенно подтверждают определенные факты. Также не следует пренебрегать их свидетельскими показаниями относительно существования таких сил лишь потому, что они предпочитают видеть в проявлениях определенного рода руку Сатаны. Ибо, что они говорят о Китае? Те миссионеры, которые прожили в этой стране долгие годы и серьезно изучали каждый факт и верование, которое могло оказаться препятствием в их успехах по обращению, и кто ознакомился со всеми экзотерическими обрядами как официальной религии, так и сектантских верований, все клянутся, что существует некоторое объединение людей, до которых никто не имеет доступа, кроме императора и отобранных высших сановников. Несколько лет тому назад, перед войной в Тонкине, архиепископ Пекина, по донесениям нескольких сотен миссионеров – христиан, писал в Рим, передавая идентичное повествование,

какое было послано двадцать пять лет назад и было широко распространено в церковных газетах. Они раскрыли, было сказано, тайну известных официальных депутатов, которые во время опасности посылались императором и правящими властями к своим Шеу и Киуай, как их называют в народе. Эти Шеу и Киуай, они пояснили, были Духи гор, наделенные самыми чудодейственными силами. «Невежественными» массаами народа они рассматривались как покровители Китая, а добрыми и «учеными» миссионерами – как воплощение сатанинской силы.

Шеу и Киуай суть люди, относящиеся к другому состоянию бытия, чем состояние обычного человека, или состояние, которым они пользовались, пока были покрыты телесной оболочкой. Они – развоплощенные духи, призраки и ларвы, но тем не менее они пребывают на земле в своих объективных формах и живут в горной глуши, недоступные для всех, кроме тех, кому они разрешают посещать их.²⁴

В Тибете неких аскетов также называют Лха, Духами, называют те, с которыми они не хотят общаться. Шеу и Киуай, которые пользуются глубочайшим почитанием со стороны императора, философов и конфуцианцев, которые не верят ни в каких «духов» – это просто лоханы, адепты, которые живут в величайшей уединенности в своих неизвестных другим убежищах.

Но кажется, тут китайская обособленность и природа обе ополчились против европейского любопытства и – как искренне считают в Тибете – осквернения. Марко Поло, знаменитый путешественник, пожалуй, был тем европейцем, кто проникнул дальше всех во внутрь этих стран. Можно повторить то, что было сказано о нем в 1876 г.

Область Гобийской глухомани, фактически, вся площадь независимой Татарии и Тибета ревниво охраняется от иностранного вторжения. Те, кому разрешается пересекать ее, находятся под особым наблюдением и водительством агентов, назначаемых высшими властями, и они не должны сообщать внешнему миру никакой информации о местах и лицах. Если бы не было этого ограничения, то даже мы могли бы дать на этих страницах много описаний о исследованиях, открытиях и приключениях, которые читались бы с интересом. Рано или поздно настанет время, когда страшные пески пустыни выдадут свои давным-давно захороненные тайны, и тогда наше современное тщеславие испытает неожиданное унижение.

«Люди страны Пашай»,²⁵ – говорит Марко Поло, отважный путешественник XIII века, – «являются великими адептами в колдовстве и в *дьявольских* искусствах». И его ученый редактор добавляет: «Этот Пашай, или Удиана, была родиной Падма Самбхавы, одного из главных апостолов ламаизма, то есть тибетского буддизма, и великого мастера чарований. Доктрины Сакья, когда они были преобладающими в *старину*, вероятно, носили сильные следы шиваистской магии, и тибетцы рассматривают эту местность, как классическую землю колдовства и чарований».

«Старина», точно такая же, как и «новые времена» – ничто не изменилось в отношении пользования магией, за исключением того, что это пользование стало еще более эзотеричным и засекреченным по мере возрастания любопытства различных путешественников. Хуан-Цзан, этот благочестивый и храбрый человек, говорит о тамошних обитателях:

«Эти люди... любят учение, но не отдаются ему с увлечением. *Наука магических формул стала для них регулярным профессиональным делом*».²⁶

Мы не будем опровергать сказанного преподобным китайским паломником по этому поводу и охотно допускаем, что в седьмом веке *некоторые* люди превратили магию в «доход-

²⁴ Этот факт и другие можно найти в донесениях миссионеров Китая и в труде монсеньора Делапласа, епископа в Китае. «*Annales de la Propagation de la Foi*».

²⁵ По мнению полковника Гула, редактора и переводчика повествований Марко Поло, это область где-то около Удиана и Кашмира (т. I, с. 173).

²⁶ «*Voyage des Pelerins Bouddhistes*», vol. I: «Histoire de la Vie de Hiouen-Thsang etc., traduit du chinois en francais, par Julien.

ное дело»; точно также поступают *некоторые* люди и теперь, но так не поступают истинные адепты. И не Хуан-Цзан, благочестивый отважный человек, рискосавший сотню раз своей жизнью, чтобы приобщиться к блаженству узреть тень Будды в Пешаверской пещере, являлся тем человеком, который стал бы обвинять святых лам и обезьянничавших тавматургов, что они, демонстрируя магию путешественникам, превратили ее в «доходную профессию». Наверное, Хуан-Цзан ни на минуту не забывал приказа Будды, заключающегося в его ответе царю Пра-сенагиту, своему покровителю, который посетил его, чтобы требовать совершения чудес.

«Великий царь», – сказал Гаутама, – «я не преподаю закона моим ученикам, говоря им, – „идите, вы, святые, и совершайте, пользуясь нашими сверхъестественными силами, перед брахманами и домохозяевами чудеса, превосходящие все, что какой-либо человек может совершить». Я говорю им, когда учу закону – «живите, вы, святые, *скрывая свои добрые деяния и обнажая ваши грехи*“».

Пораженный повествованиями о магических проявлениях, засвидетельствованных и записанных путешественниками всех веков, посетивших Татарию и Тибет, полковник Гул приходит к заключению, что обитатели тех стран, должно быть, имеют «в своем распоряжении всю целиком энциклопедию современных «спиритуалистов». Дахолд в числе их волшебств упоминает умение вызывать *появление в воздухе* фигур Лаоцзу²⁷ и их божеств, а также *умение заставить карандаш писать ответы, на вопросы без прикосновения рук*».²⁸

Первое – вызывание фигур – относится к религиозным мистериям их святилищ; если такие вызывания совершаются с *корыстолюбивыми целями*, то они считаются *колдовством*, некромантией и строго воспрещаются. Второе искусство – способность карандаша писать *без прикосновения рук* – было известно и практиковалось в Китае и в других странах за многие века до христианской эры. Это является азбукой магии в тех странах.

Когда Хуан-Цзан захотел поклониться тени Будды, то он не прибежал к услугам «профессиональных магов», но обратился к силе вызывания своей собственной души, к мощи молитвы, веры и созерцания. Все было мрачно и тоскливо у пещеры, где, как уверяли, чудесное явление иногда происходило. Хуан-Цзан вошел в пещеру и начал творить свои молитвы. Он совершил сотню обращений, но ничего не увидел и не услышал. Тогда, считая себя слишком грешным, он горько плакал и пришел в отчаяние. Но когда он уже стал терять всякую надежду, он заметил на восточной стене слабый свет, но он исчез. Он возобновил свои молитвы, на этот раз уже полный надежд, и опять увидел свет, который то вспыхивал, то опять исчезал. После этого он дал себе торжественный обет: не уходить из пещеры до тех пор, пока не испытает восторга лицезрения тени «уважаемого в веках». После этого ему пришлось ждать дольше прежнего, так как только после 200 молитв темная пещера вдруг залилась светом, и тень Будды сияющего белого цвета величественно поднялась на стене, точно сразу разорвались облака, дав место дивному изображению «Горнего Света». Хуан-Цзан весь погрузился в созерцание дивного явления и не мог отвести своего взора от возвышенного и несравненного видения. Хуан-Цзан в своем дневнике «Си-ю-цзи» добавляет, что это возможно лишь тогда, когда человек молится с искреннею верою и получает свыше сокровенное воздействие – лишь тогда можно видеть эту тень ясно, но нельзя насладиться этим лицезрением столько, сколько хотелось бы (Макс Мюллер, «*Buddhist Pilgrims*»).

С одного конца до другого эта страна полна мистиков, религиозных философов, буддийских святых и магов. Вера в духовный мир, полный невидимых существ, которые в некоторых случаях объективно являются смертными, – распространена повсюду. «По поверью народов Центральной Азии», – замечает И. Дж. Шмидт, – «земля и ее недра так же, как и окружающая атмосфера наполнены духовными существами, которые оказывают влияние, частью благодет-

²⁷ Лао-цзы – китайский философ.

²⁸ «*The Book of Ser Marco Polo*», I, 318.

тельное, частью зловредное на всю органическую и неорганическую природу... В особенности пустыни и другие дикие или необитаемые местности, или области, где воздействия природы проявляются в гигантских или в устрашающих масштабах, считаются главными обиталищами или местами сборищ злых духов. Поэтому степи Турана и в особенности песчаные пустыни Гоби рассматриваются, как места пребывания зловредных существ со времен седой древности».

Сокровища, вырытые из земли доктором Шлиманом в Микенах, пробудили всеобщую жадность, и глаза авантюристических спекулянтов обращены к тем местностям, где, по предположениям, захоронены богатства древних народов – в тайниках или в пещерах, под песком или аллювиальными наносами. Но нет другой местности, не исключая даже Перу, к которой относилось бы так много традиций, как к пустыне Гоби. В независимой Татарии эти, под завывающим ветром, перемещающиеся пески, если повествования правильны, представляли собою богатейшие империи, какие когда-либо видел мир. Говорят, что под поверхностью пустыни лежат такие богатства, заключающиеся в золоте, ювелирных изделиях, скульптуре, оружии, сосудах и всем, что относится к человеческой роскоши и изящным искусствам, что ни одна из ныне существующих столиц христианского мира таким не обладает. Гобийские, ужасающим ветром гонимые, пески регулярно движутся с востока на запад. Временами некоторые из этих скрытых сокровищ обнажаются, но ни один туземец не осмеливается прикоснуться к ним, ибо вся эта область под запретом мощных чар – смерть была бы наказанием. Бахти – уродливые, но верные гномы, охраняют сокрытые сокровища доисторических народов, дожидаясь того дня, когда вращение циклических периодов снова раскроет людям их историю в назидание человечеству.²⁹

Мы умышленно приводим вышеприведенную цитату из *«Разоблаченной Изиды»*, чтобы освежить память читателя. Один из циклических периодов только что закончился и нам не придется дожидаться конца маха-кальпы, чтобы узнать что-либо из истории таинственной пустыни назло всем бахти и даже ракшасам Индии, не менее «отвратительным». Никакие сказки или выдумки не были помещены в наших предыдущих томах, несмотря на их хаотическое состояние, в каковом хаосе автор, совершенно свободный от тщеславия, публично признается со многими извинениями.

Теперь общепризнано, что с незапамятных времен дальний Восток, в особенности Индия, был страной познаний и всякого рода учености. Несмотря на это, нет другой страны, которой настолько отказывали в происхождении всех ее искусств и наук, как стране первых арийцев. По решению востоковедов, всякая наука, достойная этого названия, начиная с архитектуры и кончая Зодиаком, была принесена греками, таинственными яванами! Поэтому это только логично, что Индии отказывают даже в знании оккультной науки, так как о ее применении в этой стране известно меньше, чем в отношении какого-либо другого древнего народа. Это просто потому, что:

У индусов магия была и есть более эзотерична, возможно – даже более эзотерична, чем у египетских священнослужителей. Настолько она считалась священной, что ее существование едва допускалось и ею пользовались только при крайней общественной необходимости. *Дело магии считалось чем-то большим, чем дело религии, ибо ее считали божественной.* Египетские иерофанты, несмотря на их суровую чистую нравственность, ни на миг не могли быть сравнимы с аскетическими гимнософистами ни по святости жизни, ни по чудодейственным силам, развитым в них сверхъестественным удалением от всего земного. Со стороны тех, кто их знали, они пользовались большим уважением, чем халдейские маги. Отказывая себе в простейших удобствах жизни, они обитали в лесах и вели жизнь наиболее уединившихся отшель-

²⁹ «Разоблаченная Изида», I, гл. 15.

ников,³⁰ тогда как их египетские братья, по крайней мере, собирались вместе. Несмотря на пятно, бросаемое историей на занимающихся магией и предсказаниями, она провозгласила их обладателями величайших тайн в медицинских познаниях, непревзойденными в их применении на практике. Многочисленные тома, сохранившиеся в индийских монастырях, где приведены доказательства их учености. Попытка сказать о том, были ли гимнософы действительными основоположниками магии в Индии, или же они только пользовались тем, что было им передано, как наследство от самых ранних риши³¹ – первых семи мудрецов – будет рассматриваться как простая спекуляция представителей точных наук.³²

Тем не менее эта попытка должна быть совершена. В «Разоблаченной Изиде» все, что можно было сказать о магии, было изложено под маскировкой намеков; и таким образом, вследствие большого количества материала, разбросанного по двум большим томам, много значительного не дошло до читателя, в то время как неудачное распределение материала тем более отвлекало его внимание. Но намеки теперь могут превратиться в объяснения. Невозможно слишком часто повторять – *магия так же стара, как человек*. Ее больше нельзя называть шарлатанством или галлюцинациями, когда ее меньшие ветви, такие как месмеризм, ныне неправильно названный «гипнотизмом», «чтением мыслей», «действием под внушением» и еще многим другим, только бы не назвать это его настоящим и законным именем, – в настоящее время подвергаются тщательным исследованиям со стороны наиболее знаменитых биологов и физиологов как в Европе, так и Америке. Магия неразрывно слита с религией каждой страны и неотделима от ее происхождения. История не в состоянии назвать времена, когда ее не было, также как и эпохи, когда она появилась, если не будут приняты во внимание доктрины, сохраненные посвященными. Также наука никогда не разрешит проблему происхождения человека, если она отвергнет свидетельства древнейших записей в мире и откажется от ключа всеобщего символизма, имеющегося в руках законных Хранителей тайн природы. Каждый раз, когда какой-либо писатель пытается связать первое основоположение магии с какой-либо особой страной, или с каким-либо историческим событием или лицом, дальнейшие исследования показывали, что его гипотеза необоснована. По этому пункту у символистов существуют самые прискорбные расхождения. Некоторые хотели бы, чтобы введение применения магии было приписано скандинавскому жрецу и монарху Одину приблизительно за 70 лет до Р. Х., хотя о ней неоднократно говорится в Библии. Но когда было доказано, что таинственные обряды жриц Валас (*Voilers*) намного предшествовали веку Одина,³³ тогда взяли за Зороастра, на том основании, что он основатель магианских обрядов; но Аммиан Марцеллин, Плиний и Арнобий совместно с другими историками древности показали, что Зороастр был только реформатор магии того вида, который практиковался халдеями и египтянами, а вовсе не ее основатель.³⁴

Кто же тогда из тех, кто постоянно отворачивался от оккультизма и даже спиритуализма, как «нефилософских» и поэтому нестоящих научной мысли, имеет право сказать, что он изучал древних, или, если он их изучал, то понял все, что они сказали? Только те, кто претендуют на то, что они умнее своего поколения, кто думают, что они все знают, что знали древние и, таким образом, зная сегодня гораздо больше, воображают, что они вправе хохотать над про-

³⁰ *Ammianus Marcellinus*, XXIII, 6.

³¹ Риши – первая группа числом в семь – жили в дни, предшествовавшие ведическому периоду. Теперь они известны как мудрецы и почитаются как полубоги. Но теперь можно доказать, что они были нечто большее, чем просто смертные философы. Существуют и другие группы числом в десять, двенадцать и даже двадцать один. Хауг показывает, что в брахманической религии они занимают место, которое соответствует двенадцати сыновьям Иакова в еврейской Библии. Брахманы претендуют на то, что они произошли непосредственно от риши.

³² «Разоблаченная Изиды», I, гл. 3.

³³ См. Мюнтера «О самых древних религиях Севера до Одина». *Memoires de la Societe des Antiquaires de France*, II, 230.

³⁴ *Ammianus Marcellinus*, XXVI, 6.

стодушием и суеверием древних; те, которые воображают, что они раскрыли великий секрет, когда объявили, что древний, ныне не содержащий своего королевского посвященного царский саркофаг представляет собою «закром для зерна»; а пирамида, в которой саркофаг находится – просто зернохранилище или даже винный погреб!³⁵ Современное общество, основываясь на авторитете некоторых ученых, называет магию шарлатанством. Но на нашем земном шаре имеется восемьсот миллионов людей, которые верят в нее до сегодняшнего дня; и говорят, что имеется двадцать миллионов совершенно здравомыслящих и часто очень интеллектуальных членов того же общества, мужчин и женщин, которые верят в ее феномены, но под названием спиритуализма. Весь древний мир со своими учеными и философами, со своими мудрецами и пророками верил в нее. Где та страна, где не практиковали ее? В каком веке она была изгнана хотя бы из нашей собственной страны? В Новом Свете так же, как и на Старой Земле (последняя намного моложе первого) эту науку наук знали и применяли со времен самой отдаленной древности. У мексиканцев были свои посвященные, свои жрецы-иерофанты и маги, и свои святилища посвящения. Из двух статуй, откопанных в тихоокеанских штатах, одна изображает мексиканского адепта в позе, предписанной индусскому аскету, а другая – ацтекскую жрицу в головном уборе, который мог быть взят с головы индийской богини; тогда как «Гватемальская медаль» изображает «Древо Познания» – с его сотнями глаз и ушей, символизирующих видение и слышание – обвитое «Змием мудрости», нашептывающим в ухо священной птицы. Бернард Диаз де Кастилла, последователь Кортеса, дает нам некоторое представление о чрезвычайной утонченности, уме и цивилизации, а также о магическом искусстве народа, который испанцы покорили грубой силой. Их пирамиды – это пирамиды Египта, построенные по тем же самым сокровенным канонам пропорций, как и пирамиды фараонов; и ацтеки, по-видимому, получили свою цивилизацию и религию более чем одним путем из того же самого источника, что и египтяне, а до них – индийцы. Среди всех этих трех народов сокровенная натурфилософия, или магия, была доведена до очень высокой степени.

Что это было натур-, а не сверхъестественной философией, и что древние так и рассматривали ее, доказывается тем, что говорит Лукиан о «смеющемся философе», Демокрите, который, как он говорит своим читателям,

Не верил ни в какие (чудеса)... но занимался тем, что старался раскрыть способ, посредством которого теурги могли их совершать: одним словом, его философия привела его к заключению, что магия целиком заключалась в применении и в подражании законам и действиям природы.

Кто после этого все еще может называть магию древних «суеверием»?

В этом отношении мнение Демокрита приобретает для нас величайшую важность, так как маги, оставленные Ксерксом в Абдере, были его наставниками и, кроме того, он еще в течение долгого времени изучал магию у египетских священнослужителей.³⁶ Почти девяносто лет из своей стодевятилетней жизни этот великий философ производил опыты и записывал их в книгу, которая, согласно Петронию,³⁷ *трактвала о природе* – факт, который проверил он сам. И мы находим, что он не только верил и совершенно не отрицал *чудеса*, но, наоборот,

³⁵ «Время возникновения сотен пирамид в долине Нила невозможно установить никакими способами европейской науки, но Геродот сообщает нам, что каждый из царей воздвигал одну пирамиду в ознаменование своего царствования, которая также служила его усыпальницей. Но Геродот не сказал всего, хотя он знал, что *настоящая* цель воздвижения пирамид весьма отличалась от той, которую он им приписывал. Если бы не его религиозная шепетильность, он мог бы добавить, что внешне пирамида символизирует творящее начало природы, а также иллюстрирует принципы геометрии, математики, астрологии и астрономии. Изнутри это был величественный храм, в мрачной глубине которого совершались мистерии, и стены его часто были свидетелями сцен посвящения членов царской семьи. Саркофаг из порфира, низведенный проф. Пиаччи Смитом, королевским астрономом из Шотландии, до ларя для зерна, был *купелью крещения*, выходя из которой неосфит «вновь рождался» и становился *адентом*. («Разоблаченная Изида», I, гл. 14)

³⁶ Диоген Лаэртский, в «Democrit. Vit.».

³⁷ «Satyric», IX, 3.

утверждал, что те чудеса, которые удостоверены показаниями очевидцев, происходили и могли происходить; даже наиболее *невероятные*, последние были произведены с помощью «*сокровенных законов природы*»³⁸ ... Добавьте к этому, что Греция, «последняя колыбель искусств и наук», и Индия, колыбель религий, были, а одна еще и теперь преданы ее изучению и применению – и кто отважится дискредитировать ее достоинство, как предмета изучения, и ее глубину, как науки?³⁹

Ни один истинный теософ этого никогда не сделает, ибо, как член нашего великого Восточного объединения, он несомненно знает, что Тайная Доктрина Востока содержит в себе альфу и омегу универсальной науки; что в ее затемненных текстах под пышным, хотя пожалуй слишком разросшимся, аллегорическим Символизмом лежат прикрытыми угловые и ключевые камни всех древних и современных познаний. Тот камень, снизведенный божественным Строителем, теперь отвергается слишком человеческим работником, и это происходит потому, что в своей смертоносной материальности человек утерял все воспоминания не только о своем святом детстве, но и о самой своей юности, когда он сам был одним из Строителей; когда «утренние звезды пали вместе, и Сыны Бога восклицали от радости», после того, как – выражаясь многозначительным и поэтическим языком Иова, аравийского посвященного – ими были установлены измерения оснований земли. Но те, кто все еще в состоянии дать место в глубинах себя самого для божественного Луча и которые поэтому принимают данные тайных наук убежденно и смиренно, те хорошо знают, что именно в этом Камне схоронено абсолютное в философии, что является ключом ко всем тем затемненным проблемам Жизни и Смерти, из которых некоторые, во всяком случае, могут получить объяснение в этих томах.

Пишущая эти строки ясно представляет себе огромные трудности, которые возникнут при обработке таких глубоких вопросов, и все опасности этой задачи. Хотя унижительно для человеческой натуры клеймить истину названием обмана, тем не менее мы видим, что это делается ежедневно, и миримся с этим. Ибо каждая оккультная истина должна пройти через такое отрицание, а ее поддерживатели – через мученичество, прежде чем ее окончательно примут: хотя даже и тогда это слишком часто оказывается —

Венцом,
Золотым на вид, но все же венцом терновым.

Истины, которые покоятся на оккультных тайнах, будут иметь на одного читателя, способного их оценить, тысячу читателей, которые заклеят их, как обман. Это только естественно, и единственное средство оккультиста, чтобы избежать этого, это приносить пифагорейский «обет молчания» и возобновлять его каждые пять лет. Иначе культурное общество – две трети которого считают своей обязанностью думать, что со времени первого появления первого адепта одна половина человечества занималась обманом и надувательством другой половины – несомненно подтвердит свое наследственное и традиционное право забросать камнями незваного гостя. Те благожелательные критики, которые с большой охотой провозглашают теперь знаменитую аксиому Карлейля, что его сограждане являются «большой частью дураками» – предварительно позаботившись включить себя в единственное исключение из этого правила – наберутся в настоящем труде новых сил и еще более убедятся в том грустном факте, что человеческая раса состоит просто из мошенников и прирожденных идиотов. Но это имеет очень мало значения. Реабилитация оккультистов и их архаической науки медленно, но упорно прокладывает себе путь в самое сердце общества ежечасно, ежедневно и ежегодно в виде двух чудовищных ответвлений, двух отбившихся от ствола магии побочных

³⁸ Плиний, «*Hist. Nat.*».

³⁹ «Разоблаченная Изида», I, гл. 13.

ветвей, а именно – спиритуализма и Римской церкви. Факт очень часто прокладывает себе путь посредством вымысла. Подобно громадному удаву, Зablуждение во всех видах обвивает человечество, пытаясь задушить в своих смертельных объятиях каждое устремление к свету и истине. Но Зablуждение властно только на поверхности, так как оккультная природа не пускает его глубже, ибо та же оккультная природа окутывает весь земной шар по всем направлениям, не оставляя даже самый темный угол неосвещенным. И то ли феноменом, то ли чудом – но оккультизм должен победить прежде, чем нынешняя эра дойдет до «тройного сентенария Жани (Сатурна)» Западного Цикла в Европе, иными словами – до конца двадцать первого века «после Р. X.».

Правда, почва давно прошедшего прошлого не мертва, ибо она только отдохнула. Остатки священных дубов друидов древности все еще в состоянии выпустить свежие побеги из своих высохших ветвей и возродиться к новой жизни подобно той горсточке зерна в саркофаге мумии 4000-летней древности, которая, будучи посеянной, дала ростки, выросла и «принесла прекрасный урожай». Почему бы нет? Правда сильнее, чем вымысел. В любой день и совершенно неожиданно она может реабилитировать свою мудрость и продемонстрировать зазнайство нашего века, доказав, что тайное братство, в самом деле, не угасло вместе с филалетянами последней эклектической школы; что гнозис все еще процветает на земле и его последователей много, хотя их и не знают. Все это может быть сделано одним или более из великих учителей, посещающих Европу и в свою очередь разоблачающих завязатых разоблачителей и клеветников на магию. Такие тайные братства были упомянуты несколькими известными авторами, и о них говорилось в «Королевской масонской энциклопедии» Маккензи. Пишущая эти строки теперь перед лицом миллионов тех, кто отрицает, смело повторяет то, что было сказано в «Разоблаченной Изиде»:

Если их [посвященных] рассматривали только как выдумку романистов, то этот факт только помогал «братьям-адептам» еще лучше сохранять свое инкогнито....

Сен-Жермены и Калиостро нынешнего века, наученные горьким опытом поношений и преследований в прошлом, теперь придерживаются других тактик.⁴⁰

Эти пророческие слова были написаны в 1876 году и оправдались в 1886. Тем не менее, мы говорим опять,

Но существует большое количество таких мистических братств, которые не имеют никакого отношения к «цивилизованным» странам, и именно в их неизвестных общинах скрыты останки прошлого. Эти «адепты» могли бы, если бы они захотели, претендовать на странные родословные и предъявить проверяемые документы, которые внесли бы ясность во многие таинственные страницы как священной, так и светской истории.⁴¹ Если бы ключи к иератическому письму и тайне египетского и индусского символизма были бы известны христианским отцам, они бы не оставили неискаленным ни одного памятника древности.⁴²

Но существует в мире еще один класс адептов, также принадлежащий к одному братству, причем даже более могущественному, чем какое-либо другое братство, известное профанам. Многие среди этого братства лично добры, благожелательны, даже чисты и временами святы,

⁴⁰ «Разоблаченная Изиде», II, гл. 8.

⁴¹ Это как раз и есть то, что некоторые из них собираются делать, и на страницах этой книги затронуто много «таинственных страниц» священной и светской истории. Будут ли приняты их объяснения или нет – это другой вопрос.

⁴² Там же.

как личности. Однако, так как они коллективно и как корпорация преследуют эгоистическую одностороннюю цель с безжалостным упорством и решительностью, – их следует приравнять к адептам Черного Искусства. Это – наши современные римско-католические «отцы» и духовенство. Большинство иератических писаний и символов было расшифровано ими со времен средних веков. Будучи во сто раз более сведущим по сокровенному символизму и древним религиям, чем когда-либо будут наши востоковеды, являясь олицетворением хитрости и ловкости, каждый такой адепт этого искусства крепко держит ключи к нему зажатými в руке и позаботится о том, чтобы тайна не выскользнула легко из рук, если он сможет. В Риме и по всей Европе и Америке существует больше глубоко ученых каббалистов, чем обычно предполагают. Так что открыто публичные «братства» «черных» адептов являются более мощными и опасными для протестантских стран, чем какой-либо сонм восточных оккультистов. Люди смеются над магией! Ученые, физиологи и биологи высмеивают силу и даже самую веру в существование того, что на языке простого народа называют «колдовством» и «черной магией»! У археологов есть свой Стоунхендж в Англии с его тысячами тайн и его братом-близнецом Карнаком в Бретани, и все же среди них нет ни одного, кто хотя бы подозревал, что происходило в его подземных святилищах, в его закоулках и углах за последний век. Более того, они даже не знают о существовании таких «магических залов» в своем Стоунхендже, где происходят любопытные сцены каждый раз, когда имеется в виду новый новообращенный. Сотни экспериментов проделаны и проделываются ежедневно в Салпетриэ и также в своих частных домах учеными гипнотизерами. Теперь доказано, что некоторые сенситивы – как мужчины, так и женщины – которым в состоянии транса было приказано на них воздействующим практиком совершать определенные действия – от выливания стакана воды до имитированного убийства – после возвращения в нормальное состояние теряют всякую память об инспирированном приказе – «внушенном», как это теперь называет наука. Тем не менее в назначенный час и момент этот человек, хотя при полном сознании и полностью наяву, побуждается какою-то неодолимою силою внутри его самого совершить то деяние, которое ему был внушено его месмеризатором; и при том: что бы то ни было и в какой бы то ни было период времени, указанный ему тем, кто контролирует субъекта, т. е. держит его под властью своей воли, как змея держит птицу под своими чарами и наконец заставляет ее прыгнуть прямо в раскрытую пасть. Еще хуже этого, ибо птица сознает угрожающую ей гибель; она сопротивляется, хотя и безнадежно, в своих окончательных усилиях, тогда как загипнотизированный человек не восстает, но кажется следующим указаниям и голосу своей собственной свободной воли и души. Кто из наших европейских ученых, верящих в такие *научные* эксперименты – а таких, которые сомневаются в них и по сей день не чувствуют себя уверенными в их действительности, осталось очень мало – кто из них, спрашивается, готов признать, что это есть черная магия? И все же, это есть самое *подлинное*, неоспоримое и действительное *очарование* и *колдовство* древности. Мулу Курумбы из Нильгири не пользуются ничем другим в своих *envouements*, когда хотят уничтожить врага, также и дугпы Бутана и Сиккима не знают более могущественного посредника, как их *воля*. Только у них эта воля не действует урывками, но действует с уверенностью; она не зависит от большей или меньшей восприимчивости или нервной впечатлительности «субъекта». Избрав свою жертву и поставив себя *en rapport* с ним, «флюид» дугпы проложит себе дорогу наверняка, ибо его воля неизмеримо сильнее развита, чем воля европейского экспериментатора – самодельного, необученного и *бессознательного* колдуна ради науки, – у которого нет представления (также веры) о разнообразии и мощности старых как мир методов, употреблявшихся для развития этой силы *сознательным* колдуном, «черным магом» Востока и Запада.

А теперь открыто и прямо задается вопрос: почему бы фанатическому и ярому священнику, жаждущему обратить в свою веру какого-либо избранного богатого и влиятельного члена общества, не использовать для достижения своей цели те же самые средства, которые французский врач и экспериментатор использует в своих опытах со своим субъектом? Совесть рим-

ско-католического священника, вероятнее всего, останется совершенно спокойной. Ведь он *лично* трудится не для какой-то эгоистической цели, но с целью «спасения души» от «вечного проклятия». На его взгляд, если тут и есть магия, то это святая, достойная награды и божественная магия. Такова власть слепой веры.

Поэтому, когда нас уверяют заслуживающие доверия и почтенные люди, занимающие высокое общественное положение, люди безупречной репутации, что существует много хорошо организованных обществ римско-католических священников, которые под предлогом и прикрытием современного спиритуализма и медиумизма устраивают seances с целью обращения в свою веру посредством внушения, непосредственного и на расстоянии, – мы отвечаем: мы знаем это. И когда, кроме того, нам рассказывают, что каждый раз, когда эти священники-гипнотизеры жаждут приобрести влияние над каким-либо лицом или лицами, избранными ими для обращения, то они удаляются в подземное помещение, специально отведенное и освященное ими для таких целей (т. е. церемониальной магии), и там, образовав круг, бросают свою объединенную силу воли в направлении того лица и таким образом, путем повторения этого процесса, приобретают полную власть над своей жертвой, тогда мы снова отвечаем: весьма вероятно. Фактически мы знаем, что это так, совершается ли этот род церемониальной магии и *envoutement* в Стоунхендже или другом месте. Мы говорим, что знаем это по личному опыту; а также и потому, что несколько лучших и наиболее любимых друзей пишущей эти строки были вовлечены в Римскую церковь и поставлены под ее «милостивое» покровительство именно таким путем. И поэтому мы можем только улыбаться с сожалением над невежеством и упрямством тех введенных в заблуждение ученых и культурных экспериментаторов, которые, веря в способность д-ра Шарко и его учеников «*envoute*» своих субъектов, не находят ничего лучшего, как презрительно улыбаться каждый раз, когда в их присутствии упоминается черная магия и ее мощь. Элифас Леви, аббат-каббалист, умер до того, как наука и факультет медицины Франции приняли гипнотизм и влияние *par suggestion* в число своих научных экспериментов, но вот что он сказал двадцать пять лет тому назад в своей «*Dogme et Rituel de la Haute Magie*», об «*Les Envouements et les Sorts*»:

То, чего колдуны и некроманты больше всего домогались в своих вызываниях Злого Духа, была та магнетическая сила, которая является законным достоянием истинного адепта и которой они хотели завладеть для злых целей... Одной из главных их целей была власть насылать чары или вредные влияния... Эта сила может быть приравнена настоящему отравлению посредством потока астрального света. Они взвинчивают свою волю с помощью церемоний до такой степени, что она становится ядовитой на расстоянии... Мы рассказали в нашей «*Догме*», что мы думаем о магических чарах, и насколько эта сила чрезвычайно реальна и опасна. Истинный маг набрасывает чары без всякой церемонии и одним только своим неодобрением на тех, чьим поведением он недоволен и кого он считает заслужившим наказание, он набрасывает чары – даже своим прощением – на тех, кто причиняет ему вред, и враги посвященных никогда долго не остаются безнаказанными за свои злодеяния. В многочисленных случаях мы сами видели доказательства существования этого рокового закона. Палачи мучеников всегда страшно погибают, а адепты – мученики ума. Провидение (карма), по-видимому, презирает тех, кто презирает их, и предаст смерти тех, кто хотел бы лишиться жизни их. Легенда о Скитающемся Жиде является популярным поэтическим выражением этой тайны. Некий народ послал прозорливца на распятие на кресте; этот народ кричал ему «Иди дальше!», когда он пытался отдохнуть краткий миг. Отлично! Теперь этот народ впредь

сам станет предметом такого же приговора;⁴³ он станет полностью вне закона, и веками ему будут приказывать – «Иди дальше! иди дальше!», и нигде он не найдет ни отдыха, ни сожаления.⁴⁴

«Басни» и «суеверие» – будет ответом. Пусть будет так. Перед смертоносным дыханием эгоизма и равнодушия каждый неудобный факт превращается в бессмысленную выдумку и каждая ветвь когда-то зеленеющего Древа Истины засохла и с нее содрано ее первоначальное духовное значение. Наш современный символ чрезвычайно способен только на усматривание везде сексуальных эмблем и поклонения фаллосу, даже там, где такое никогда не мыслилось. Но для истинного исследователя оккультного учения «белая», или божественная, магия может существовать в природе без своего противоположения «черной» магии не более, чем день без ночи, будь то 12-часовой длительности или 6-месячной. Для него все в этой природе имеет оккультную – светлую и темную стороны. Пирамиды и дубы друидов, долмены и Богодеревья, растения и минералы – все было полно глубокого значения и священных истин мудрости, когда архи-друид совершал свои магические исцеления и заклинания, и египетский иерофант вызывал и водил Хемну, «прекрасного призрака», женского Франкенштейна древности, сотворенного для мучений и испытаний духовной силы кандидата на посвящение, одновременно с последним агонизирующим криком его земной человеческой природы. Верно, магия потеряла свое имя, и вместе с этим – право на свое признание. Но она применяется ежедневно, а ее потомство – «магнетическое влияние», «сила красноречия», «неотразимое очарование», «целые аудитории, подчиненные и находящиеся как будто под властью чар», – это термины, признаваемые всеми и всеми употребляемые, как бы бессмысленными они ни стали теперь. Однако влияние магии является более определенным и решающим в религиозных обществах, например в таких, как трясуны, негритянские методисты, члены Армии Спасения, которые называют это «действием Святого Духа» и «благодатью». Действительная истина заключается в том, что магия все еще находится в полном ходу среди человечества, независимо от того, каким бы слепым человечество не оставалось по отношению к ее молчаливому присутствию и влиянию на его членов; каким бы невежественным общество ни было, и остается, в отношении ее ежедневных и ежечасных благотворных и вредоносных воздействий. Мир полон таких бессознательных магов – в политике так же, как и в каждодневной жизни, в церкви так же, как в цитадели свободной мысли. К несчастью, большинство из этих магов являются «колдунами», не в переносном смысле, а по-настоящему, вследствие присущего им эгоизма, мстительных натур, их зависти и злобы. Истинный исследователь магии, хорошо осведомленный об этой истине, смотрит на это с сожалением и если он мудр – молчит. Ибо каждое усилие, приложенное им к удалению этой всеобщей слепоты, вызовет только неблагодарность, клевету и часто проклятия, которые, не будучи в состоянии поразить его, обратятся на его зложелателей. Ложь и клеветнические измышления – последние суть прорезывающаяся ложь, добавляющая к пустой безвредной неправде действительные укусы – становятся его уделом, и таким образом доброжелатель вскоре оказывается разорванным на куски в качестве награды за его благое желание просветить.

Полагается, что достаточно сказано, чтобы доказать, что существование тайной всеобщей доктрины, наряду с ее практическими методами магии, не есть дикая небывлица или выдумка. Этот факт был известен всему древнему миру и это знание все еще живет на Востоке, в особенности в Индии. И если есть такая наука, то, естественно, должны и быть где-то ее профессора, адепты. Во всяком случае, мало имеет значения, будут ли эти хранители священного учения рассматриваться, как живые, действительно существующие люди, или на них будут смотреть,

⁴³ Это выражено неверно. Истинный адепт «правой руки» никогда никого не наказывает, даже своего злейшего и опаснейшего врага; он просто предоставляет последнего его карме, а карма всегда, раньше или позже, это сделает.

⁴⁴ Указанное издание, II, 239, 241, 240.

как на мифы. Именно их философия является тем, что должно выстоять или пасть в зависимости от своих собственных достоинств, независимо от каких-либо адептов. Ибо по словам мудрого Гамалиэля, адресованным к Синедриону: «Если это учение ложно, то оно погибнет и падет само; но если оно истинно, то – *оно не может быть уничтожено*».

ОТДЕЛ II

СОВРЕМЕННАЯ КРИТИКА И ДРЕВНИЕ

Тайную Доктрину арийского Востока можно найти повторенной под египетским символизмом и фразеологией в *Книгах Гермеса*. Приблизительно в начале нашего века, по мнению среднего ученого, все книги, называемые герметическими, не заслуживали серьезного внимания. Их отложили в сторону и во всеуслышание провозгласили простыми сборниками сказаний, жульнических обманов и наиболее нелепых претензий. Их «никогда не существовало до христианской эры», говорили: «все они были написаны с тройкой целью спекуляции, обмана и благочестивого мошенничества»; все они, даже самые лучшие из них, были – глупые апокрифы.⁴⁵ В этом отношении девятнадцатый век оказался весьма достойным потомком восемнадцатого, ибо как в веке Вольтера, так и в этом веке все, что не исходило непосредственно из Королевской Академии, считалось фальшивым, суеверным, глупым. Вера в мудрость древних высмеивалась, пожалуй даже больше, чем теперь. Сама мысль о принятии, как подлинных, трудов и причуд «фальшивого Гермеса, фальшивого Орфея, фальшивого Зороастра», фальшивых Оракулов, фальшивых Сивилл и трижды фальшивого Месмера и его абсурдного флюида, все время находилась под табу. Таким образом все, что рождалось вне ученых и догматических пределов Оксфорда и Кембриджа⁴⁶ или Французской Академии, – поносилось и в те дни, как «ненаучное» и «до смешного абсурдное». Эта тенденция дожила и до наших дней.

Ничто не может быть дальше от намерения истинного оккультиста – который в силу своего более высокого психического развития обладает исследовательскими инструментами, намного превышающими по своей силе инструменты, имеющиеся в распоряжении экспериментаторов-физиков – как глядеть с неприязнью на те усилия, которые сейчас делаются в области физических исследований. Напряженные усилия и труды, предпринимаемые с целью разрешить как можно больше тайн природы, всегда были святыми в его глазах. Дух, в котором сэр Исаак Ньютон выразился, что в конце всего своего астрономического труда он чувствовал себя только ребенком, подбирающим раковины на берегу Океана Знаний, есть дух почтительности к беспредельности природы, которую сама оккультная философия не может затмить. И свободно можно признать, что склад ума, описанный этим знаменитым сравнением, представляет склад ума, присущий подавляющему большинству *подлинных* ученых, когда они думают о всех феноменах физического плана природы. Имея с этим дело, они часто бывают сама осторожность и скромность. Они наблюдают факты с терпением, которое не может быть превзойдено. Они медленны в отливке теорий из них, что заслуживает высшей похвалы. И, будучи подвержены ограничениям, при которых они наблюдают природу, они замечательно точны в регистрации своих наблюдений. Кроме того, можно далее признать, что современные ученые чрезвычайно осторожны, когда дело касается утверждения отрицательного. Они могут сказать, что чрезвычайно невероятно, если какое-либо открытие когда-либо войдет в конфликт с той или другой теорией, ныне опирающейся на те или иные накопления зарегистрированных фактов. Но даже в отношении самых широких обобщений – которые принимают догматическую

⁴⁵ См. в этой связи «*Pneumatologie des Esprits*» Маркиза де Мирвиля, который посвящает шесть громадных томов тому, чтобы доказать абсурдность тех, кто отрицает реальность Сатаны и магии, или оккультных наук; эти два у него – синонимы.

⁴⁶ Нам кажется, что мы видим, как астральный призрак старого философа и мистика – когда-то числящегося в Кембриджском университете – Генри Мора, витает в астральном тумане над старыми замшелыми крышами древнего города, в котором он написал свое знаменитое письмо Глэнвиллю о «ведьмах». Эта «душа» кажется беспокойной и возмущенной, как в тот майский день 1678 года, когда доктор так горько жаловался автору «*Sadducismus Triumphatus*» о Скоте, Адие и Вебстере. «Наши новые вдохновенные святые», мы слышим, как он бормочет, «закадычные защитники ведьм... которые вопреки здравому смыслу и рассудку... хотят иметь не Самуила, а сообщника-мошенника... эти надутые шуты, полные невежества, тщеславия и глупого неверия!» (См. «*Письмо к Глэнвиллю*», и «Разоблаченная Изида», I, гл. 7.)

форму только в кратких популярных учебниках научных познаний – тон самой «науки», если считать, что эта абстракция воплощена в самых лучших ее представителях, является тоном сдержанности и очень часто – скромности.

Поэтому, будучи далеким от мысли смеяться над ошибками, в которые ограниченность их методов может вовлечь ученых, истинный оккультист скорее высоко оценит пафос ситуации, при которой большое трудолюбие и жажда истины обречены на разочарование и часто – на смятение.

Однако порицаемым в современной науке самим по себе является вредоносное проявление чрезмерной осторожности, которая в своем наиболее выгодном аспекте защищает науку от чересчур поспешных выводов, а именно – медлительность ученых признать, что к разрешению тайн природы могут быть применены другие инструменты, кроме инструментов физического плана, и что, следовательно, невозможно правильно оценить феномены любого плана отдельно, без оценки их с точек зрения других планов. Поскольку они упрямо закрывают свои глаза на свидетельства, которые должны бы им ясно показать, что природа более сложна, чем можно судить лишь по физическим феноменам, что существуют средства, применением которых способности человеческого восприятия могут иногда переноситься с одного плана на другой и что их энергия до тех пор направляется неправильно, пока идет исключительно только на детали физической структуры или энергии, – до тех пор они меньше заслуживают симпатии, чем упрека.

Когда читаешь то, что м-р Ренан, этот ученый «разрушитель» всех религиозных верований прошедшего, настоящего и будущего времен, пишет о бедном человечестве и его способностях распознавания, – испытываешь чувство унижения и обиды. Он думает, что

Человечество обладает только очень узким умом: и количество людей, способных остро (*finement*) схватить истинную аналогию вещей, неощутимо маленькое.⁴⁷

Однако после сравнения этого высказывания с другим мнением, выраженным тем же автором, а именно, что:

Ум критика должен уступать фактам, связанный по рукам и ногам, куда бы они не потащили его,⁴⁸

сразу чувствуешь облегчение. Тем более, когда эти два философских утверждения подкрепляются третьим провозглашением знаменитого академика, который заявляет, что:

Tout parti pris à priori, doit être banni de la science,⁴⁹

мало остается чего бояться. К несчастью м-р Ренан первый нарушает это золотое правило.

Свидетельство Геродота – названного, саркастически, несомненно, «Отцом Истории», так как в каждом вопросе, по которому Современная Мысль с ним расходится, с его свидетельством не считаются, – трезвые и серьезнейшие уверения в философских повествованиях Платона и Фукидида, Полибия и Плутарха, и даже некоторые утверждения самого Аристотеля постоянно откладываются в сторону всякий раз, как только они имеют дело с тем, что современной критике заблагорассудится назвать мифом. Прошло немного времени с тех пор, как Штраус провозгласил, что:

Присутствие сверхъестественного элемента или чуда в повествовании является несомненным признаком присутствия в нем мифа;

⁴⁷ «*Etudes Religieuses*».

⁴⁸ «*Etudes Historiques*».

⁴⁹ «*Memoire*», прочитанные в *Academie des Inscriptions des Belles Lettres* в 1859 году.

и это стало каноном критики, молчаливо принятым каждым современным критиком. Но прежде всего – что такое миф – *μυθος*? Разве не было ясно нам сказано древними писателями, что это слово означает предание? Разве не был латинский термин *fabula*, фабула, синонимом чего-то рассказанного, как случившегося в доисторическое время, и не обязательно – выдумки. У таких автократов критики и деспотических правителей, какими является большинство французских, английских и немецких востоковедов, может быть в запасе на будущее столетие бесконечное количество исторических, географических, этнологических и филологических сурпризов. Искажения в философии в последнее время стали настолько обычным явлением, что в этом направлении публику ничем не удивишь. Один ученый мыслитель уже заявил, что Гомер был просто «мифической персонификацией той эпохи»;⁵⁰ другой сказал, что Гиппократ, сын Эскулапа, «мог быть только химерой»; что асклеиады, несмотря на свою семисотлетнюю длительность, могут в конечном счете оказаться просто «выдумкой»; что «город Троя (вопреки Шлиману) существовал только на картах», и т. п. Почему бы после этого не предложить миру рассматривать всех исторических лиц древности, как мифы? Если бы Александр Великий не был нужен филологии в качестве молота, чтобы им сокрушать головы брахманским хронологическим претензиям, он уже давным-давно стал бы просто «символом аннексии» или «духом завоеваний», как уже предлагал один французский писатель.

Тупое отрицание – это единственное убежище, оставшееся критикам. Это наиболее безопасное убежище на какое-то время в будущем, чтобы приютить последних скептиков. Для того, кто отрицает безусловно, нет надобности вступать в спор, и он таким образом избегает и самого худшего, т. е. неизбежности делать уступки по некоторым пунктам перед неоспоримостью аргументов и фактов своего оппонента. Крейцер, величайший из всех символогов современности, наиболее ученый среди масс начитанных немецких мифологов, должно быть позавидовал спокойной самоуверенности некоторых скептиков, когда на мгновение оказался в таком отчаянном смятении, что признал:

Мы вынуждены возвратиться к теориям о троллях и гениях в таком виде, как их понимали древние; (это доктрина) без которой становится абсолютно невозможным объяснить что-либо в отношении мистерий.⁵¹

Древних, существование каковых мистерий неоспоримо.

Римские католики, которые виноваты в точности в том же самом поклонении, буква в букву – позаимствовав его от более поздних халдеев, ливанских набатеев и крещенных сабеян,⁵² а не от ученых астрономов и посвященных древности – теперь хотели бы, путем предания его анафеме, скрыть источник, откуда оно произошло. Богословие и церковность были бы рады повредить чистый источник, питавший их с самого начала, чтобы удержать потомство от заглядывания в него и узнавания таким образом их первоначального прототипа. Однако оккультисты думают, что настала пора воздать каждому по заслугам. Что же касается других наших оппонентов – современных скептиков и эпикурейцев, циников и саддукеев – они могут найти ответ на свои отрицания в наших ранних томах. Что касается избыточной несправедливой клеветы на древние доктрины, то причина ее объяснена в следующих словах «Разоблаченной Изида»:

Мысль нынешнего комментатора и критика по отношению учености древних ограничена и кружится вокруг экзотеризма храмов; его взор или не желает, или не способен проникать в торжественную внутренность

⁵⁰ См. Альфред Мори, «*Histoire des Religions de la Grece*», I, 248; и размышления Гольцмана в «*Zeitschrift fur Vergleichende Sprach forschung*», ann. 1852, стр. 487, sq.

⁵¹ Крейцер, «*Introduction des Mysteres*», III, 456.

⁵² Более поздние набатеяне придерживались той же веры, что и назареи и сабеяне, почитатели Иоанна Крестителя и применяли Крещение. (См. «Разоблаченная Изида», II, гл. 3, Munck, «*Palestine*», 525, Dunlap, «*Sod, the Son of Man*», etc.)

храма древности, где иерофант давал наставления неофиту, как он должен рассматривать публичное богослужение в его истинном значении. Ни один мудрец древности не учил, что человек – царь всего творения и что звездное небо и мать-земля были сотворены лишь для него.⁵³

Когда мы видим, что в наши дни в печати появляются такие труды, как «*Phallicism*»,⁵⁴ то легко понять, что дни скрываний и искажений прошли. Наука в филологии, символизме и сравнении религий продвинулась слишком далеко, чтобы продолжать все оптом отрицать, и церковь слишком умна и осторожна, чтобы не использовать нынешнюю ситуацию наилучшим образом. Между тем «ромбы Гекаты» и «колеса Люцифера»,⁵⁵ ежедневно откапываемые на участках Вавилонии, не могут более использоваться в качестве явных доказательств поклонения Сатане, так как эти же самые символы показаны в ритуалах Латинской церкви. Последняя слишком хорошо осведомлена, чтобы не знать того факта, что даже позднейшие халдеи, которые постепенно впали в дуализм, сведя все к двум первоначальным Принципам, никогда не поклонялись Сатане или идолам более, чем зороастрийцы, теперь обвиняемые в том же, но что их религия была столь же глубоко философична, как и другие; их двойная и экзотерическая теософия стала наследием евреев, которые в свою очередь были вынуждены поделиться ею с христианами. Парсов до сегодняшнего дня обвиняют в гелиолатрии, и все же в «Халдейских оракулах» под заголовком «*Магические и философские заповеди Зороастра*» мы обнаруживаем следующее:

«Не устремляй сознания своего
К земным пределам без конца и края;
Не здесь отыщешь истины росток.
Равно ход расчислить не пытайся,
Законы вывода и собирая, светила солнца;
Оное светило влекомо вечной волею Отца,
Не ради нас, отринь и путь луны;
Ей прихотливой движет неизбежность.
Не ради нас творят движенья звезд».⁵⁶

Существовала громадная разница между истинным культом, преподаваемым тем, кто показали себя достойными этого, и государственными религиями. Магов обвиняли во всякого рода суевериях, но вот что говорит тот же самый «Халдейский оракул»:

«*Нет истины* в полете вольном птиц,
Как нет ее внутри невинной жертвы;⁵⁷
Все это лишь игра воображенья,
Основа для корыстного обмана;
Беги от этого, коль хочешь рай познать,
Где мудрость, справедливость и любовь
В едино собраны».⁵⁸

⁵³ «Разоблаченная Изида», I, гл. 14.

⁵⁴ Труд Харгрейва Дженнинга.

⁵⁵ См. де Мирвиль, «*Pneumatologie*», III, 267 *et seq.*

⁵⁶ Пселл, «Зороастрийский оракул», 4, CXLIV. (Перевод Е.Ю. Александровой)

⁵⁷ Имеется в виду гадание по полету птиц и по внутренностям жертвенных животных. (Прим. переводчика.)

⁵⁸ *Psellus*, в труде Кори «*Ancient Fragments*», 269.

Как мы сказали в нашем предыдущем труде:

Конечно, не суеверны те, кто предостерегает людей от «корыстного обмана», и их нельзя обвинять в суеверии, и если они совершали деяния, которые кажутся волшебными, чудесными, то кто честно в состоянии отрицать, что они обладали знанием натуральной философии и наукой психологии в такой степени, которая неизвестна нашим ученым?⁵⁹

Вышеприведенные стансы являются довольно странным учением, чтобы исходить от тех, кого общепринято считать поклоняющимися солнцу, луне и сонмам звезд, как богам. Так как возвышенная глубина наставлений магов находится за пределами достижимости современной материалистической мысли, то халдейских философов обвиняют в сабеизме и поклонении Солнцу, что было религией только необразованных масс.

⁵⁹ «Разоблаченная Изида», I, гл. 14.

ОТДЕЛ III ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАГИИ

В последнее время положение, можно сказать, изменилось. Область исследований расширилась; немного лучше начинают понимать древние религии; и со времени того жалкого дня, когда Комитет Французской Академии, возглавляемый Бенджамином Франклином, исследовал феномены Месмера лишь для того, чтобы провозгласить их шарлатанством и ловким мошенничеством, – как языческая философия, так и месмеризм приобрели определенные права и привилегии, и теперь на них смотрят совсем с другой точки зрения. Но восстановлена ли по отношению к ним полная справедливость и лучше ли их теперь оценивают? Мы боимся, что нет. Человеческая натура ныне та же самая, как в то время, когда А. Поп сказал о силе предрассудков, что:

Разница настолько же велика между
Глазами видящими, как и между предметами увиденными.
Всевозможные манеры принимают оттенки
от наших собственных,
Или же теряют цвет чрез наши выявившиеся страсти,
Или же луч фантазии нашей их увеличивает, умножает,
Сжимает, выворачивает и тысячи окрасок им придает.

Так, в первые десятилетия нашего века и церковники и люди науки смотрели на герметическую философию с двух совсем противоположных точек зрения. Первые называли ее грешной и сатанинской; последние же отрицали категорически ее подлинность, несмотря на свидетельства, приводимые наиболее знающими людьми всех веков, включая наш собственный. На ученого отца Кирхера, например, даже не обратили никакого внимания, и над его утверждением, что все фрагменты, известные под заглавиями трудов Меркурия Трисмегиста, Бероса, Ферекида из Сирова и т. п., являются свитками, избежавшими пожара, который пожрал 100000 томов великой Александрийской библиотеки, просто хохотали. Тем не менее, образованные классы Европы знали тогда, как и теперь знают, что знаменитая Александрийская библиотека, «чудо веков», была основана Птолемеем Филадельфом, что многочисленные ее рукописи были тщательно скопированы с иератических текстов и старейших пергаментов на халдейском, финикийском, персидском и на других языках, и что количество этих транслитераций и копий доходило, в свою очередь, до других 100000 свитков, как утверждают Иосиф и Страбон.

Имеется еще дополнительное свидетельство Климента Александрийского, которому следовало бы верить до некоторой степени.⁶⁰ Климент свидетельствует о существовании добавоч-

⁶⁰ Сорок две священные книги египтян, упомянутые Климентом Александрийским, как существовавшие в его время, составляли только часть всех *Книг Гермеса*. Ямвлих, ссылаясь на авторитетные данные египетского жреца Абамона, приписывает 1200 таких книг Гермесу и 36 000 Мането. Но свидетельство Ямвлиха, как неоплатоника и теурга, разумеется, современной критикой отвергается. Мането, с которым Бунзен очень считался, как с «чисто исторической личностью»... с которым «ни одного из позднейших туземных историков нельзя сравнить...» (см. *«Египте»*, I, 97), – сразу превращается в псевдо-Мането, как только провозглашаемые им идеи приходят в столкновение с предрассудками науки против магии и оккультных знаний, на знание которых претендует жрец древности Мането. Однако ни один археолог ни на мгновение не сомневается в невероятной древности герметических книг. Шампольон был убежден в их подлинности и великой правдивости, подтвержденной многими древними памятниками. И Бунзен дает неопровержимые доказательства их древности. Из его исследований, например, мы узнаем о существовании последовательного царствования в Египте шестидесяти одного царя до Моисеева периода, которые предшествовали периоду Моисея ясно различимой цепью цивилизаций, растянувшейся на несколько тысяч лет. Таким образом, мы имеем свидетельство в пользу того, что сочинения Гермеса Трисмегиста существовали уже многие века до того, как родился еврейский законодатель Моисей. «Стило и чернильницы были обнаружены на памятниках четвертой династии, старейших в мире», – говорит Бунзен. Если этот знаменитый египтолог отвергает период в 48863 года до

ных 30000 томов *Книг Тота*, помещенных в библиотеке Гробницы Озимандии, над входом в которую были начертаны слова: «Лекарство для Души».

С тех пор, как всем известно, целые тексты «апокрифических» трудов «ложного» Пэмандра и не менее «ложного» Асклепия были обнаружены Шампольоном в наиболее древних памятниках Египта.⁶¹ Как сказано в «Разоблаченной Изиде»:

После того, как Шампольон-старший и Шампольон-младший посвятили целиком свои жизни изучению записей древнеегипетской мудрости, они, несмотря на пристрастные суждения, с которыми осмелились выступить некоторые поспешные и неумные критики, публично заявили о том, что *Книги Гермеса* «действительно содержат множество египетских традиций, подлинность которых постоянно подтверждается неоспоримыми по подлинности надписями на египетских памятниках самой седой древности».^{62 63}

Заслуги Шампольона, как египтолога, никто не будет оспаривать, и если он заявляет, что все говорит за правильность писаний таинственного Гермеса Трисмегиста, и если утверждение, что их древность уходит во тьму веков, подтверждается им в мельчайших подробностях, тогда, действительно, критика должна быть вполне удовлетворена. Шампольон говорит:

Эти надписи являются просто верными эхо и выражениями наиболее древних истин.

С тех пор как эти слова были написаны, некоторые из «апокрифических» стихов «мифического» Орфея также были обнаружены скопированными слово в слово иероглифами в некоторых надписях четвертой династии, обращенных к различным божествам. Наконец, Крейцер открыл и немедленно указал на очень значительный факт, что многочисленные отрывки, находимые у Гомера и Гесиода, были неоспоримо заимствованы этими двумя великими поэтами из «*Орфических гимнов*», таким образом доказывая, что последние намного старше, чем «*Илиада*» или «*Одиссея*».

И так, постепенно права и претензии древних оправдываются, и современной критике приходится подчиняться свидетельствам. Много теперь стало писателей, которые признают, что такого типа литература, как герметические труды Египта, никогда не может быть датирована чересчур удаленно в доисторические века. Тексты многих из этих древних трудов – включая и *Книгу Еноха*, так громко провозглашенную «апокрифической» в начале века – были теперь обнаружены и опознаны в наиболее сокровенных и священных святилищах Халдеи, Индии, Финикии, Египта и Центральной Азии. Но даже такие доказательства не убедили большей части наших материалистов. Причина этого очень проста и очевидна. Все эти тексты, пользовавшиеся всеобщим почитанием в древности, обнаруженные в тайных библиотеках всех великих храмов; когда-то изучавшиеся (если и не всегда успешно) величайшими государственными деятелями, писателями-классиками, философами, царями и простыми людьми, так же как и прославленными мудрецами – что представляли собою эти тексты? Не что иное, как трактаты по магии и оккультизму; высмеиваемую теперь и запретную теософию – вот откуда этот остракизм.

Александра, к которому Диоген Лаэртский относит записи жрецов, то он, очевидно, более находится в затруднении по поводу десяти тысяч лет астрономических наблюдений и говорит, что «если это были действительно наблюдения, они *должны были* длиться более 10000 лет» (стр. 14). «Однако мы узнаем» – он добавляет – «из одного из их собственных старых хронологических сочинений, что подлинные египетские традиции, касающиеся мифологического периода, трактуют о *мирадах лет*». («Разоблаченная Изида», I, гл. 1)

⁶¹ Эти подробности взяты из «*Pneumatologie*», III, стр. 204, 205.

⁶² «*Egypte*», стр. 143.

⁶³ «Разоблаченная Изида», I, гл. 15.

Были ли люди в дни Пифагора и Платона так простодушны и легковверны? Были ли миллионы людей Вавилонии и Египта, Индии и Греции вместе с ведущими их великими мудрецами – были ли они все дураками, что в течение тех периодов большой учености и цивилизации, которые предшествовали *первому* году нашей эры – последняя породила только интеллектуальную темноту средневекового фанатизма, – так много во всех других отношениях великих людей посвятили свои жизни голой иллюзии, суеверию, называемому магией? Так казалось бы, если удовлетвориться словами и выводами современной философии.

Каждое искусство и наука, однако, какова бы ни была присущая ей ценность, имела своего открывателя и практика, а затем – своих специалистов, которые преподавали ее. Каково же происхождение оккультных наук, или магии? Кто были ее профессорами, и что известно о них в истории или в легендах? Климент Александрийский, один из наиболее умных и ученых ранних отцов христианства отвечает на этот вопрос в своей «*Stromateis*». Этот бывший ученик неоплатонической школы говорит:

Если имеются наставления, должен быть и учитель.⁶⁴

И так он показывает, что Зенон учил Клентеса, Аристотель Теофраста, Эпикур Метродора, Сократ Платона и т. д. И он добавляет, что когда он добрался еще дальше в прошлое до Пифагора, Ферекида и Фалеса, ему пришлось продолжать поиски их учителей. То же самое с египтянами, индийцами, вавилонянами и с самими магами. Он не прекращал исследований, он говорит, чтобы узнать, кого они все имели своим учителям. И если бы он (Климент) довел бы свое расследование до самой колыбели человечества, до первого поколения людей, он все еще бы повторял свой вопрос – «кто их учитель»? Конечно – он говорит – их учителем не мог быть «кто-либо из людей». И даже если бы мы могли добраться до ангелов, то должны были бы задать им тот же самый вопрос: «Кто были их (подразумевая «божественных» и «падших» ангелов) учителями?»

Целью длинных аргументов этого доброго отца, разумеется, является выявление двух различных учителей: одного – наставника библейских патриархов, другого – наставника язычников. Но ученикам Тайной Доктрины нет надобности так утруждать себя. Их профессора хорошо осведомлены о том, кто были Учителями их предшественников по оккультным наукам и мудрости.

Климент, наконец, выследил двух учителей; и они суть, как и следовало ожидать. Бог и его вечный враг и противник – Дьявол; предмет исследований Климента относится к *двойственному* аспекту герметической философии, как причина и следствие. Признавая нравственную красоту добродетелей, проповедуемых в каждом оккультном труде, с которым он ознакомился, Климент желает узнать причину кажущегося противоречия между учением и практикой, магией добра и магией зла, и приходит к заключению, что магия имеет два источника – божественный и дьявольский. Он ощущает ее раздвоение на два канала, отсюда его дедукция и вывод.

Мы тоже ощущаем это раздвоение, но без обязательного его заклеивания дьявольским, ибо мы судим «путь левой руки» таким, каким он вышел из рук своего основателя. Иначе, если так же судить по следствиям собственной Климента религии и по поведению в жизни некоторых ее исповедующих, после смерти их Учителя, – оккультисты имели бы право делать почти такие же выводы, какие сделал Климент. Они имели бы право сказать, что в то время как Христос, Учитель всех *истинных* христиан, был во всех отношениях божественным, те, кто прибегали к ужасам Инквизиции, к унижению и пыткам еретиков, евреев и алхимиков, протестант Кальвин, который сжег Сервета, и его наследники протестанты-преследователи, вплоть

⁶⁴ «*Strom.*», VI, VII. Следующий абзац пересказан из той же главы.

до бичевателей и сжигателей ведьм в Америке, должно быть, имели *своим* Учителем Дьявола. Но оккультисты, не верующие в дьявола, предотвращены от отплачивания таким образом.

Однако свидетельство Климента ценно постольку, поскольку оно показывает 1) огромное количество трудов по оккультным наукам в те дни; и 2) необычайные силы, которыми посредством этих наук овладели некоторые люди.

Например, всю шестую книгу из своей «*Stromateis*» он посвящает этому исканию первых двух «Учителей» истинной и ложной философии соответственно, которые, по его словам, обе сохранились в египетских святилищах. Очень уместно также он обращается к грекам с вопросом, почему бы им не признать «чудес» Моисея, как таковых, когда они требуют признания такой привилегии для своих собственных философов, и он приводит ряд примеров. Это, как он говорит, Эах, вызвавший с помощью своих оккультных сил чудесный дождь; это Аристей, заставивший ветры дуть; Эмпедокл, утихомиривший бурю и принудивший ее затихнуть и т. д.⁶⁵

Больше всего его внимание было направлено к книгам Меркурия Трисмегиста.⁶⁶ Он также не скупится на похвалы Гистаспу (или Гуштаспу), Книгам Сивилл, и даже правильной астрологии.

Во всех веках магию и употребляли и злоупотребляли ею, так же как теперь употребляют месмеризм или гипнотизм и злоупотребляют им. Древний мир имел своих Аполлонов и Ферекидов, и мыслящие люди в этом могли разобраться, как могут и теперь. Например, в то время как ни один классический или языческий писатель не нашел ни одного слова упрека в адрес Аполлония Тианского, не так обстоит дело в отношении Ферекида. Хезихий Милетский, Филон Библиский и Евстахий безудержно обвиняют последнего в том, что он построил свою философию и науку на демонических традициях, т. е. на колдовстве. Цицерон заявляет, что Ферекид является *potius divinus quam nedicus*, «скорее предсказателем, чем врачом», и Диоген Лаэртский приводит длинный ряд повествований о его предсказаниях. Однажды Ферекид предсказывает кораблекрушение за сотни миль от него; другой раз он предсказывает пленение лакадемонян аркадийцами; наконец он предвидит собственный ужасный конец.⁶⁷

Имея в виду те возражения, которые будут выдвинуты против учений эзотерической доктрины в том виде, как они здесь излагаются, пишущая эти строки вынуждена опровергнуть некоторые из них заранее.

Такие вменения в вину, как те, которые Климент выдвинул против «языческих» адептов, только доказывают существование сил ясновидения и предвидения во всех веках, но не являются доказательствами в пользу Дьявола. Поэтому они не имеют никакой ценности, за исключением как для христиан, для которых Сатана является одним из главных столпов вероисповедания. Бароний и де Мирвиль, например, находят неоспоримые доказательства демонологии в вере в соичность Материи с Духом!

Де Мирвиль пишет, что Ферекид:

Постулирует в принципе изначальность Зевса или Эфира, и затем на том же самом плане некоего принципа, соичного и содейственного, который он называет пятым элементом или Огенос.⁶⁸

Затем он указывает, что Огенос означает то, что затворяется, что держит в плену, и что это есть Гадес, «или, одним словом, ад».

Эти синонимы известны каждому школьнику безо всяких объяснений маркиза, который их дает Академии; что же касается его вывода, то каждый оккультист, разумеется, отвергнет его и только улыбнется его глупости. А теперь мы подходим к богословскому заключению.

⁶⁵ См. «*Pneumatologie*», III, 207. Поэтому Эмпедокла называют κωλυθανεμος, «властителем ветра». «*Strom.*», VI, III.

⁶⁶ *Ibid.*, IV.

⁶⁷ Резюмировано из «*Pneumatologie*», III, 209.

⁶⁸ Оттуда же.

Резюме взглядов Латинской церкви – как оно выражено авторами такого же типа как маркиз де Мирвиль – сводится к следующему: *герметические книги*, несмотря на заключающуюся в них мудрость – полностью признаваемую в Риме – являются «наследием, оставленным человечеству Каином, проклятым». «Общепризнано», говорит этот современный мемуарист Сатаны в Истории:

Что сразу же после Потопа Хам и его потомки снова распространили древние учения каинитов и утонувшей Расы.⁶⁹

Во всяком случае это доказывает, что магия или колдовство, как он называет ее, является допотопным искусством, и таким образом одно очко выиграно. Ибо, как он говорит:

Свидетельство Бероса отождествляет Хама с первым Зороастром, основателем Бактрии, первым автором всех магических искусств Вавилонии, *Хемесуа* или *Хамом*,⁷⁰ этим бесчестным⁷¹ из верного потомства Ноя, и наконец, предметом обожания Египта, который, присвоив его имя *χημια*, откуда возникла химия, построил в свою честь город, названный *Хоэмнис*, или «Город огня».⁷² Сказано, что Хам обожал его, отчего возникло название *Хаммаим*, данное пирамидам, которое, в свою очередь было вульгаризировано и превратилось в наше современное «чимни»^{73*}.⁷³

Это утверждение целиком неправильно. Египет был колыбелью Химии и местом ее рождения – это хорошо известно в наше время. Только Кенрик и другие показывают, что корень этого слова – *chemi* или *chern*, что не есть *Cham*, или Хам, но *Khem*, египетский фаллический бог мистерий.

Но это не все. Де Мирвиль склонен отыскать сатанинское происхождение даже в ныне невинном Таро.

Он продолжает:

Что же касается средств распространения этой злой магии, то традиция указывает на это в неких рунических письменах, обнаруженных на металлических пластинках (или листьях, *des lames*), которые избежали уничтожения во время Потопа.⁷⁵ Это можно было бы принять за легенду, если бы последующие открытия не доказали, что это далеко не так. Пластинки были обнаружены покрытыми любопытными и совершенно неподдающимися расшифровке письменами, письменами неоспоримой древности, которым

⁶⁹ Там же, III, 208.

⁷⁰ Следует напомнить людям, говорящим по-английски, что имя непочтительного сына Ноя «*Nam*» должно произноситься «*Kham*» или «*Cham*».

⁷¹ Черной магией или колдовством является *злостный* результат, полученный в любом виде или любым путем через применение оккультных искусств; следовательно, о ней следует судить только по ее следствиям. Ни имя Хама, ни имя Каина, будучи произнесенным, никогда никого не убило; тогда как, если мы должны верить тому же Клименту Александрийскому, который прослеживает Учителя каждого оккультиста, стоящего вне христианства, до Дьявола, то имя Иеговы (произносимое как Иево, причем особым способом) имело своим последствием убийство человека на расстоянии. Таинственный Шемхамфораш не всегда применялся каббалистами для святых целей, в особенности с тех пор, как сabbat, или суббота, посвященная Сатурну, или злему Шани, стала – у евреев – днем, посвященным «Иегове».

⁷² Хоэмнис, доисторический город, был или не был построен сыном Ноя, но это не было его имя, которое было дано городу, но имя богини мистерий Хоэмну, или Хоэмнис (греческая форма); это то божество, которое было создано пылкой фантазией неопита, который таким образом подвергался танталовым мукам в течение своих «двенадцати заданий» испытания перед его окончательным посвящением. Ее мужским двойником является Хем. Город Хоэмнис, или Хеммис (ныне Ахмем), был главным местом пребывания бога Хема. Греки, отождествляя Хема с Паном, называли этот город «Панополис».

⁷³ * «Чимни» – *chimney* – дымовая труба. – Прим. перев.

⁷³ * «Чимни» – *chimney* – дымовая труба. – Прим. перев.

⁷⁵ Как они могли избежать Потопа, если Бог этого не хотел бы? Навряд ли это логично.

хамиты (колдуны, по мнению автора) приписывали происхождение их чудодейственных и страшных сил.⁷⁶

Благочестивого автора можно пока оставить при его ортодоксальных верованиях. Во всяком случае, он кажется совсем искренним в своих воззрениях. Тем не менее, его талантливые аргументы будут подорваны у самого их основания, так как то, кем или, вернее, чем в самом деле были Каин и Хам, должно быть доказано на математическом основании. Де Мирвиль только верный сын своей церкви, заинтересованный в том, чтобы удержать Каина в его антропоморфической роли и в его нынешнем месте в «Священном Писании». Но ученик оккультизма, с другой стороны, заинтересован исключительно в истине. Но век должен следовать по естественному ходу своей эволюции.

⁷⁶ Там же, стр. 210.

ОТДЕЛ IV

СКРЫТНОСТЬ ПОСВЯЩЕННЫХ

Ничуть не следует удивляться неправильному истолкованию ряда притч и афоризмов Иисуса. Начиная с Орфея, первого посвященного адепта, о котором история ухватывает какой-то проблеск во мгле дохристианской эры, и далее, включая Пифагора, Конфуция, Будду, Иисуса, Аполлония Тианского, вплоть до Аммония Саккаса – ни один Учитель или посвященный никогда не писал чего-либо, предназначенного для публичного использования. Каждый по отдельности и все они неизменно рекомендовали придерживаться молчания и тайны в отношении некоторых фактов и деяний; от Конфуция, который отказался публично и удовлетворительно объяснить, что он имел в виду под своим термином «Великая Крайность», или дать ключ к гаданию с помощью «солумы», вплоть до Иисуса, который обязал своих учеников никому не говорить, что он – Христос⁷⁷ (Хрестос), «человек скорбей» и испытаний перед своим высшим и последним посвящением, или что он совершил «чудо» воскрешения.⁷⁸ Апостолы должны были хранить молчание так, чтобы левая рука не знала, что сделала правая, проще говоря – чтобы опасные специалисты науки левой руки – ужасные враги адептов правой руки, в особенности перед их последним посвящением – не воспользовались бы этими сведениями с целью навредить как исцелителю, так и пациенту. И если про вышесказанное скажут, что это просто предположение, то – что могут значить нижеприведенные ужасные слова:

Вам дано знать тайны Царства Божьего, а тем внешним всё бывает в притчах; так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают, да не обратятся, и прощены будут им грехи. [*Марк*, IV, 11, 12]

Если не истолковывать эти слова в смысле закона молчания и кармы, то крайняя эгоистичность и лишенный милосердия дух этих слов весьма очевиден. Эти слова непосредственно связаны с ужасающей догмой предопределения. Захочет ли добрый и разумный христианин набросить такое пятно жестокого эгоизма на своего Спасителя?⁷⁹

Труд по распространению таких истин в притчах был предоставлен ученикам высоких посвященных. Их обязанностью было следовать ключевой ноте сокровенного учения без раскрытия его тайн. Это показано в жизнеописаниях всех великих адептов. Пифагор разделил свои классы на слушателей экзотерических и эзотерических лекций. Маги получали свои наставления и посвящались в далеких скрытых пещерах Бактрии. Когда Иосиф заявляет, что Авраам преподавал Математику, то под этим подразумевал «магию», так как в пифагорейском коде математика означает эзотерическую науку или гнозис.

Профессор Уайлдер замечает:

Ессеи Иудеи и Кармеля придерживались подобных же различий, разделяя своих последователей на неофитов, братьев и совершенных...

⁷⁷ *Матфей*, XVI, 20.

⁷⁸ *Марк*, V, 43.

⁷⁹ Разве не очевидно, что слова: «чтобы в какое-либо время они не были обращены (или: «чтобы случайно они не были обращены опять», как в пересмотренном варианте), и их грехи не были бы прощены им» – вовсе не означают, что Иисус боялся, что через раскаяние какой-либо чужак или «те, кто находятся во вне», избегнет проклятия, как это ясно говорит смысл мертвой буквы, – но означают совсем другое? А именно, «чтобы кто-то из профанов путем понимания его проповеди, незамаскированной с помощью притч, не ухватил бы что-то из сокровенных учений и тайн посвящения – и даже из оккультных сил? «Быть обращенным», другими словами, означает приобрести знание, принадлежащее исключительно посвященным; «и их грехи не были бы прощены им» значит, что их грехи пали бы на незаконного открывателя, на того, кто помог недостойным пожинать там, где они никогда не сеяли и дал им этим способ избежать на этой земле своей заслуженной кармы, которая теперь должна обратиться на открывателя, который вместо добра причинил бы этим вред и потерпел неудачу.

Аммоний обязывал клятвою своих учеников, чтобы они не выдавали его высших доктрин, за исключением тем, кто были тщательно наставлены и обучены (подготовлены для посвящения).⁸⁰

Если можно доверять Матфею, то одна из самых мощных причин необходимости соблюдения тайны изложена Самим Иисусом. Ибо тут Учитель ясно говорит:

Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас. [Матфей, VII, 6.]

Глубоко истинные и мудрые слова. Много таких в нашем собственном веке и даже среди нас, кому об этом были сделаны сильные напоминания – часто слишком поздно.⁸¹

Даже Маймонид рекомендует хранить молчание по поводу истинного значения текстов Библии. Это предписание разрушает обычное утверждение, что «Священное Писание» является единственной книгой в мире, чьи божественные пророчества содержат в себе ясную неприкрашенную истину. Так оно и может быть для ученого каббалиста; но как раз наоборот для христиан. Ибо вот что ученый еврейский философ говорит по этому поводу:

Кто бы ни обнаружил истинный смысл *Книги Бытия*, должен заботиться, чтобы не разгласить это. Это – правило поведения, о котором нам напоминают все наши мудрецы, и в особенности это касается шести дней творения. Если какой-либо человек откроет сам или с помощью другого *истинный* смысл ее, он должен молчать или же, если он говорит, то должен говорить неясно, загадочными выражениями, как поступаю я сам, предоставляя об остальном догадываться тем, кто может меня понять.

Если один из величайших еврейских философов, таким образом, признает символизм и эзотеризм Ветхого Завета, то вполне естественно, что христианские отцы делают такое же признание в отношении Нового Завета и Библии вообще. Так мы находим, что Климент Александрийский и Ориген соглашались об этом с предельной ясностью. Климент, который получил посвящение в элевзинских мистериях, говорит, что:

Преподаваемые там доктрины заключали в себе *окончание всех наставлений в таком виде, как они были взяты от Моисея и пророков.* —

небольшое искажение фактов простительно доброму отцу. Эти слова, в конце концов, признают, что мистерии евреев были тождественны с мистериями языческих греков, которые взяли их у египтян, которые, в свою очередь, заимствовали их у халдеев, которые получили их от арийцев, атлантов и т. д. – далеко за пределами времен той Расы. Сокровенное значение Евангелий также открыто признано Климентом, когда он говорит, что Тайны Веры не должны сообщаться всем.

Но так как это предание опубликовано не только для того, кто понимает величие этого слова, то нужно скрыть в Тайне высказанную мудрость, которую преподавал Сын Божий.⁸²

⁸⁰ «*New Platonism and Alchemy*», 1869, стр. 7, 9.

⁸¹ История полна доказательствами того же. Если бы Анаксагор не провозгласил великой истины, преподаваемой в мистериях, т. е. что Солнце несомненно больше Пелопонеса, – фанатическая толпа не стала бы его преследовать, чуть не убив. Если бы другая чернь, которая была поднята против Пифагора, поняла, что таинственный мудрец Кротона подразумевал, говоря, что он помнит, как он был «Сыном Меркурия» – бога сокровенной мудрости, – ему не пришлось бы спасать свою жизнь бегством; также Сократ не был бы предан смерти, если бы он держал в секрете откровения его божественного Даймона. Он знал, как мало способен его век – за исключением посвященных – понимать смысл всего того, что он знал о Луне. Поэтому свое изложение он ограничил аллегорией, которая оказалась более научной, чем доньше думали. Он утверждал, что Луна была обитаема, и что лунные существа жили в глубоких, обширных и темных долинах, так как наш спутник вне этих глубоких долин не имеет ни воздуха, ни какой-либо атмосферы. Не обращая внимания на откровение, полное значения только для немногих, так оно и должно бы быть, если на нашем светлом спутнике вообще есть какая-либо атмосфера. Факты, запечатленные в священных анналах мистерий, не должны были выдаваться – за это грозила смертная казнь.

⁸² «*Stromateis*», XII.

Не менее ясно в отношении Библии и символизма ее сказаний высказывается Ориген. Он восклицает:

Если мы будем придерживаться буквы, и должны понимать то, что написано в законе, наподобие того, как понимают евреи и простой народ, – то я покраснел бы от стыда прежде, чем признать, что Бог дал эти законы, так как законы, созданные людьми, выглядят гораздо лучше и разумнее.⁸³

И вполне мог бы «краснеть от стыда» этот искренний, честный отец раннего христианства в дни его относительной чистоты. Но христиане нашего высокообразованного и цивилизованного века совсем не краснеют; наоборот, они проглатывают «свет» прежде образования Солнца, сад Эдема, кита Ионы и все остальное, не взирая на то, что тот же самый Ориген спрашивает в вполне естественном припадке возмущения:

Какой разумный человек согласится с сообщением, что первый, второй и третий дни, в которых упоминается *вечер* и *утро*, были без солнца, луны и звезд, а первый день без небес? Где найти такого идиота, кто бы поверил, что Бог сажил деревья в Раю, в Эдеме, как землепашец и т. п.? Я считаю, что каждый человек должен рассматривать все эти вещи, как образы, под которыми скрыт сокровенный смысл.⁸⁴

И все же миллионы «таких идиотов» имеются в нашем веке просвещения, а не только в третьем веке. Когда добавим к этому недвусмысленное сообщение Павла в «*Послании к Галатам*», IV, 22-25, что повествование об Аврааме и его двух сыновьях все есть «аллегория» и что «Агарь есть гора Синай»; то действительно, не в чем упрекнуть христианина или язычника, который отказывается принять Библию за что-либо другое, как только за очень искусную аллегория.

Раввин Симеон Бен Иохан, составитель «*Зогара*», никогда не сообщал самых важных частей своей доктрины иначе, как только устно и притом очень ограниченному количеству учеников. Поэтому без окончательного посвящения в «*Меркаву*» изучение «*Каббалы*» всегда будет неполным, а «*Меркава*» может быть преподаана только «в темноте, в пустынной местности, и после многих и страшных испытаний». Со дня смерти этого великого еврейского посвященного эта тайная доктрина осталась нерушимой тайной для внешнего мира.

Среди почитаемой секты танаимов или, вернее, тананимов, мудрецов, находились те, кто обучали тайнам на практике и посвящали некоторых учеников в великую и окончательную мистерию. Но во втором разделе «*Мишна Агига*» говорится, что скрижаль содержания «*Меркабы*» «должна вручаться только мудрым старцам». «*Гемара*» еще более догматична. «Наиболее важные тайны мистерий открывались даже не всем жрецам. Они передавались только посвященным». И таким образом мы находим, что та же самая великая секретность преобладала в каждой древней религии.⁸⁵

Что говорит сама «*Каббала*»? Ее великие раввины на самом деле угрожают тому, кто воспримет изречения их *verbatim*. В «*Зогаре*» мы читаем:

Горе тому человеку, кто видит в *Tore*, т. е. в Законе, только простое изложение и обычные слова! Потому что, по истине, если бы он заключал в себе только это, то мы даже сегодня могли бы написать другую Тору, гораздо более заслуживающую восхищения. Ибо, если мы находим только простые слова, то нам следовало бы только обратиться к законодателям земли,⁸⁶ к тем, в

⁸³ См. «*Somilies*», 7, в «*Levit.*», цитировано в «*Source of Measures*», стр. 307.

⁸⁴ Ориген: *Ruet.*, «*Origeniana*», 167; Франк, 121; цитировано из «*Sod*» Данлэпа, стр. 176.

⁸⁵ «Разоблаченная Изида», II, гл. 8.

⁸⁶ Материалистические «законодатели», критики и саддукеи, которые стараются разорвать на куски доктрины и учения

ком мы чаще всего встречаем наибольшее великолепие. И было бы достаточно подражать им и составить Тору по их словам и их примеру. Но это не так: каждое слово в Торе содержит возвышенное значение и величественную тайну... Словесный текст – это покров Тору. Горе тому, кто примет этот покров за саму Тору... Простаки обращают внимание только на покров, или словесный текст, Тору. Они ничего другого не знают, они не видят того, что скрыто под покровом. Более образованные люди обращают внимание не на покров, а на то тело, которое он облекает.⁸⁷

Аммоний Саккас учил, что Тайная Доктрина религии мудрости была полностью найдена в «*Книгах Тота*» (Гермеса), откуда как Пифагор, так и Платон почерпнули свои знания и много из своей философии; и он заявил, что эти Книги «тождественны с учениями мудрецов дальнего Востока». Профессор А. Уайлдер замечает:

Так как имя Тот означает коллегия, или собрание, то не совсем исключено, что эти книги были так названы потому, что они представляют собою сборники изречений и доктрин братства жрецов Мемфиса. Раввин Бизе высказал ту же самую гипотезу в отношении божественных изречений, занесенных в еврейские священные писания.⁸⁸

Это весьма вероятно. Только эти «божественные изречения» до сих пор никогда не были поняты профанами. Филон Иудей, непосвященный, пытался раскрыть их тайное значение, но ему это не удалось.

Но «*Книги Тота*» или Библия, Веды или «*Каббала*» – все они предписывают ту же самую сокровенность в отношении определенных тайн природы, которые в них символизированы. «Горе тому, кто *незаконно* выдаст слова, нашептанные в ухо Мануши *Первым посвятителем*». Кто был этот «Посвяtitель» – это объяснено в «*Книге Еноха*»:

От них (ангелов) я услышал все и понял, что я увидел: то, что не произойдет в этом поколении (Расе), но в поколении, которое появится в отдаленном периоде времени (в 6-ой и 7-ой Расе) благодаря избранным (посвященным).⁸⁹

Опять-таки, в отношении осуждения тех, кто, когда узнали «все тайны ангелов», раскрывают их, сказано что:

Они раскрыли тайны и *они являются* теми, которые были осуждены: но не ты, мой сын (Ной) ... ты чист, добр и *свободен* от упрека *раскрытия* (выдавания) тайн.⁹⁰

Но в нашем веке имеются такие, кто «раскрыв тайны» без чьей-либо помощи только благодаря собственной учености и острому уму, и кто, тем не менее, будучи честными и прямодушными людьми, не обращающими внимания на угрозы и предостережения, так как никогда не давали обета соблюдения тайны, – чувствуют себя пораженными при таких откровениях. Одним из них является ученый автор и открыватель одного «*Ключа к еврейско-египетской Тайне*». Как он говорит, имеются «некоторые странные черты, связанные с распространением и состоянием» Библии.

великих Учителей Азии прошлого и настоящего – не ученых в современном смысле слова – поступили бы хорошо, если бы задумались над этими словами. Несомненно, что доктрины и сокровенные учения, если бы они были изобретены и написаны в Оксфорде и Кэмбридже, внешне были бы более блестящи. Однако отвечали бы они или нет вселенским истинам и фактам – это другой вопрос.

⁸⁷ III, fol. 1526, цитировано в «*Qabalah*» Мейера, стр. 102.

⁸⁸ «*New-Platonism and Alchemy*», стр. 6.

⁸⁹ I, 2.

⁹⁰ LXIX, 10.

Те, кто составили эту Книгу, были люди, как и мы. Они узнавали, видели, перебирали и постигали через эту ключевую меру ⁹¹закон живого вечно-действующего Бога. ⁹² Они не нуждались в вере, что Он существует, что Он трудился, планировал и завершал, как могучий механик и архитектор. ⁹³ Что же это такое было, что закрепило это знание за ними одними, в то время как они, во-первых, как Божьи люди, во-вторых, как апостолы Иисуса Христа, выдали, как подачку, ослепляющее обрядовое богослужение и пустое учение *веры*, и никакого обоснования в виде доказательств, приходящих надлежащим образом посредством применения как раз тех чувств, которыми божество наделило всех людей в качестве существенных средств для получения ими какого-либо правильного понимания? *Тайна и притча, и затемненное высказывание, и завуалирование* истинного смысла – вот бремя Заветов Ветхого и Нового. Если согласимся, что повествования Библии представляли собою умышленные выдумки с тем, чтобы обманывать невежественные массы народа, даже если бы и для того, чтобы навязать им наиболее совершенный кодекс нравственных обязанностей, то как можно оправдать такие большие обманы, как часть божественного промысла, когда по самой природе вещей этому промыслу должна быть присуща простая и совершенная *правдивость*? Какое отношение имеет или должна иметь тайна к распространению Божьих истин? ⁹⁴

Несомненно, что никакого отношения, если бы эти тайны были даны в самом начале. И так оно и было в отношении первых, полубожественных чистых и духовных Рас человечества. Они обладали «Божьими истинами» и жили по ним и по их идеалам. Они сохраняли эти истины до тех пор, пока едва ли было какое-то зло и, следовательно, злоупотребление этими познаниями и истинами. Но эволюция и постепенное погружение в материальность тоже является одной из этих «истин» и также одним из законов «Бога». По мере того, как человечество прогрессировало и с каждым поколением становилось все более от земли, земным, индивидуальность каждого временного Эго начала себя проявлять. Именно личный эгоизм доводит и подталкивает человека злоупотреблять своими знаниями и властью. А эгоизм – это такое человеческое здание, окна и двери которого всегда открыты для проникновения в человеческую душу всякого рода несправедливости. Мало было людей в течение ранней юности человечества, и еще меньше их теперь, которые ощущают в себе склонность на практике применять яркое заявление А. Попа, что он вырвал бы собственное сердце, если бы оно не имело лучшего устремления, как любить только самого себя и смеяться над всеми своими соседями. Отсюда возникла необходимость постепенно отбирать у человека божественные знания и силы, которые с каждым новым человеческим циклом становились все более опасными как обоюдоострое оружие, злая сторона которого всегда угрожала соседу, а такая, которая источала добро, была целиком обращена на себя. То малое количество «избранных», чья внутренняя сущность осталась не задетой ростом их физической внешности, стало таким образом со временем единственными стражами открытых тайн, передававшими их дальше наиболее годным к их восприятию, сделав их в то же время недоступными для других. Отбросьте это объяснение от сокровенных учений, и само название религии станет синонимом обмана и подделки.

Все же народным массам не следовало бы позволять оставаться без какого-либо нравственного сдерживателя. Человек всегда томится по чему-то «потустороннему» и не может жить без какого-то идеала, как маяка и утешения. В то же самое время ни одному средних способностей человеку, даже в наш век всеобщего образования, невозможно доверить слишком метафизические и слишком тонкие для его понимания истины, ни рискуя вызвать в нем

⁹¹ Автор пытается доказать, что *ключом* является «источник мер, дающий начало английскому дюйму и древнему локтю».

⁹² Во множественном числе это слово лучше разрешило бы тайну. Бог – *вездесущий*; если бы он был *вечно-действующим*, он не мог бы более быть бесконечным Богом – также и вездесущим в своей ограниченности.

⁹³ Автор очевидно является масоном толка генерала Пайка. До тех пор, пока американские и английские масоны будут отрицать «Творящий Принцип» «Великого Востока» Франции, они останутся в темноте.

⁹⁴ «*Source of Measures*», стр. 308, 309.

опасность грозящей реакции и вместо веры в богов и святых – впадение в антинаучный тупой атеизм. Ни один настоящий филантроп, а следовательно, ни один оккультист, никогда не будет мечтать, чтобы человечество хотя бы на миг осталось безо всякой религии. Даже современная религия в Европе, ограничивающаяся воскресеньями, лучше, чем никакая. Но если, как говорит Баньян, «Религия есть лучший доспех, какой только может иметь человек», то она, несомненно, «наихудшая мантия», и вот против этой «мантии» и основанных на лжи претензий борются оккультисты и теософы. Истинное идеальное божество, единый живой Бог в природе, ничего не потеряет в преклонении перед ним человека, если эта внешняя мантия, сотканная человеческой фантазией и наброшенная на божество ловкой рукой священнослужителя, жаждущего власти и властвования, – будет сорвана. С наступлением нынешнего века пробил час свержания с трона «высшего Бога» каждого народа в пользу одного всеобщего божества – Бога Непреложного Закона, не милосердия; Бога Справедливого Воздаяния, а не прощения, которое попросту является побуждением к злодеянию и повторению его. Величайшее преступление, какое когда-либо было совершено против человечества, произошло в тот день, когда первый жрец придумал первую молитву, имея в виду эгоистическую цель. Бог, которого можно умилостивить несправедливыми молитвами «благословить оружие» молящегося и наслать поражение и смерть тысячам его врагов – его братьям, божество, про которое можно думать, что оно не останется глухим к песнопениям и восхвалениям, перемешанным мольбами о ниспослании «попутного ветра» для себя и, вполне естественно, бедственного для других мореплавателей, плывущих с противоположной стороны, – именно такое представление о Боге воспитало себялюбие в человеке и лишило его уверенности в своих силах. Молитва является облагораживающим деянием, когда она представляет собою сильные чувства, горячее желание, рвущееся из самого сердца ради добра для других людей и когда она совершенно свободна от какой-либо эгоистичной личной цели; томление по потустороннему естественно и свято в человеке, но при условии разделения этого блаженства с другими. Можно понять и высоко оценить слова «язычника» Сократа, который в своей глубокой, хотя и не преподанной мудрости заявил, что:

Мы должны молиться о благословениях для всех, так как боги лучше знают, что для нас хорошо.

Но официальное моление – за общественное бедствие или ради пользы одного индивидуума, невзирая на потери для тысяч – является позорнейшим из преступлений, не говоря уже о том, что оно есть неуместное самомнение и суеверие. Это – непосредственное наследие, приобретенное грабежом от иеговистов, евреев Пустыни и Золотого Тельца.

Как вскоре будет показано, это был «Иегова», который подсказал необходимость завуалирования и заслонения этой заменой произносимого имени и который привел ко всем этим «тайнам, притчам, затемненным высказываниям и маскировке». Моисей, во всяком случае, посвятил своих семьдесят Старейшин в сокровенные истины, и таким образом писатели Ветхого Завета в какой-то степени оправданы. Писатели же Нового Завета даже и столько не сделали. Они исказили величественную центральную фигуру Христа своими догматами и завели людей с тех пор в миллион ошибок и темнейших преступлений – Его святым именем.

Очевидно, что за исключением Павла и Климента Александрийского, которые оба были посвящены в мистерии, ни один из отцов сам многого не знал из этих истин. Большею частью они были необразованными, невежественными людьми; и если такие как Августин и Лактанций, или же Беда Достопочтимый и другие остались неосведомленными до времени Галилея ⁹⁵

⁹⁵ В своей «*Pneumatologie*», в томе IV, стр. 105-112, маркиз де Мирвиль приписывает знание гелиоцентрической системы до Галилея папе Урбану VIII. Автор идет дальше. Он пытается показать этого знаменитого папу не как преследователя Галилея, а как преследуемого Галилеем, и в придачу, даже оклеветанного флорентийским астрономом. Если это так, то тем хуже для Латинской церкви, так как ее папы, зная об этом весьма важном факте, хранили молчание о нем, то ли укрывая Иешуа, то

о самых существенных истинах, преподаваемых в языческих храмах – например, что земля кругла, не говоря уже о гелиоцентрической системе, – то как велико должно было быть невежество остальных! У ранних христиан ученость и грех были синонимами. Отсюда и возникли обвинения в связях с Дьяволом, щедро посылавшиеся на языческих философов.

Но истина должна выявиться. Оккультисты, которых такие писатели, как де Мирвиль называют «последователями проклятого Каина», теперь в состоянии перевернуть столы. То, что до сих пор было известно только древним и современным каббалистам Европы и Азии, теперь опубликовано и доказано, как математически правильное. Автор книги *«Ключ к еврейско-египетской Тайне или Источник мер»* доказал ко всеобщему удовлетворению, надо надеяться, что два великих Божьих имени, Иегова и Элохим, в одном значении своих числовых величин соотносились, как величины диаметра и окружности соответственно: другими словами, что они являются числовыми указателями геометрических соотношений и, наконец, что *Иегова есть Каин* и наоборот.

Это мнение, говорит автор,

Помогает также снять пятно позора с имени Каина, как нечто сфабрикованное, чтобы уничтожить его роль: так как даже без этих доказательств, по самому тексту *он (Каин) был Иегова*. Поэтому богословским школам лучше следовало бы задуматься о том, как исправить положение, если это возможно, и вернуть доброе имя и славу Богу, которому они поклоняются.⁹⁶

Это не первое предупреждение, получаемое «богословскими школами», которые, однако, несомненно знали об этом с самого начала, как знали Климент Александрийский и другие. Но если бы и так, пользы для них от этого еще меньше, так как признание повлекло бы за собою больше для них, чем просто святость и достоинство установленной веры.

Но можно также задать вопрос, почему азиатские религии, у которых нет ничего такого рода скрываемого и которые вполне открыто провозглашают эзотеризм своих религий, – следуют тем же самым курсом? Это просто вот что: в то время как нынешнее и, без сомнения, вынужденное молчание церкви по этому предмету имеет отношение только ко внешней или теоретической форме Библии – разоблачение секретов которой не повлекло бы за собой никакого практического вреда, если бы они были объяснены с самого начала – с восточным эзотеризмом и символизмом дело обстоит совсем по-другому. Величественная центральная фигура *Евангелий* осталась бы настолько же незатронутой символизмом Ветхого Завета при его раскрытии, как осталась бы и фигура основателя буддизма, если бы была показана аллегоричность брахманских писаний *«Пуран»*, написанных до его рождения. Кроме того, Иисус из Назарета выиграл бы больше, нежели потерял бы, если бы он был показан, как простой смертный, и предоставлен суждению людей по его собственным высказываниям и заслугам, вместо того, чтобы присвоить его христианству в качестве Бога, многие высказывания и деяния которого теперь столь открыты для критики. С другой стороны, символы и аллегорические высказыва-

ли собственную непогрешимость. Вполне понятно, что если уж Библия была так возвышена над всеми другими системами и ее якобы монотеизм зависел от сохранения молчания, то разумеется, ничего другого не оставалось, как замалчивать ее символизм, позволяя таким образом, чтобы все ее грубые ошибки приписывались ее Богу.

⁹⁶ Там же, *App.* VII, стр. 296. Пишущая эти строки чувствует удовлетворение, обнаружив, что это факт теперь математически продемонстрирован. Когда в *«Разоблаченной Изиде»* было сказано, что Иегова и Сатурн были то же самое, что и Адам Кадмон, Каин, Адам и Ева, Авель, Сет и т. д., и что все они являются обратимыми символами в *Тайной Доктрине* (см. том II, гл. 9); что они, короче говоря, означали сокровенные числа и имели более, чем одно значение в Библии, также как и в других доктринах, – тогда утверждения автора остались незамеченными. *«Изиде»* не удалось появиться в научной форме, и давая слишком много, она, в сущности, дала очень мало, чтобы удовлетворить исследователя. Но теперь, если математика и геометрия, кроме свидетельств Библии и *«Каббалы»*, что-либо стоят, публика должна чувствовать себя удовлетворенной. Невозможно найти более полных научно данных доказательств, чтобы показать, что Каин есть превращение одного элохима (Сефиры Бины) в Jah-Veh (или Бога-Еву) андрогина и что Сет есть мужской Иегова, – чем в объединенных открытиях Сейффарта, Найта и т. д., и, наконец, в наиболее эрудированном труде м-ра Ральстона Скиннера. Дальнейшие отношения этих олицетворений первых человеческих рас в их постепенном развитии будут изложены далее в тексте.

ния, которыми завуалированы величественные истины природы в Ведах, «Брахманах», «Упанишадах» и в особенности в ламаистской «*Чагна Тхогмед*» и в других трудах, – совсем другого рода и гораздо более сложны по своему тайному значению. В то время как библейские глифы почти все построены на триединой основе, глифы восточных книг разработаны на принципе семеричности. Они столь же тесно связаны с тайнами физики и физиологии, как с психизмом и трансцендентальной природой космических элементов и теогонией; будучи разгаданными, они оказались бы более чем вредоносными для непосвященных; будучи переданными в руки нынешних поколений при их настоящем состоянии физического и интеллектуального развития, при отсутствии духовности и даже практической нравственности – они стали бы абсолютно разрушительными.

Тем не менее, сокровенные учения святилищ не остались без свидетелей; их обессмертили различными способами. Они рассыпались над миром сотнями томов, полных странной головоломной фразеологии алхимиков; они вспыхивали, подобно необузданным водопадам оккультных мистических учений, с перьев поэтов и бардов. Одни только гении обладали определенными привилегиями в те темные века, когда ни один мечтатель не мог преподнести миру даже выдумки, не приспособив своего неба и своей земли к библейским текстам. В те века ментальной слепоты, когда страх перед «Святой Инквизицией» набрасывал густой покров на каждую космическую и психическую истину, только гению единственно позволялось раскрыть беспрепятственно некоторые из величественнейших истин посвящения. Откуда Ариосто в своем «*Неистовом Роланде*» получил представление о той долине на Луне, где после нашей смерти мы можем найти идеи и изображения всего, что существует на земле? Каким образом в воображении Данте появились многие описания, данные им в «*Аде*» – новом Апокалипсисе Иоанна, истинном оккультном Откровении в стихах, – его посещение и общение с Душами Семи Сфер? В поэзии и в сатире каждую оккультную истину приветствовали – ни одну из них не считали серьезной. Граф де Габалис более известен и почитается, чем Порфирий и Ямвлих. Тайственная Атлантида Платона объявлена выдумкой, тогда как Ноев Потоп до сегодняшнего дня на уме у некоторых археологов, которые глумятся над прототипным миром «Зодиака» Марсея Палингена и возмущаются, как на личное оскорбление, если им предложено будет обсудить четыре мира Меркурия Трисмегиста – Прототипный, Духовный, Астральный и Элементарный с тремя другими за открытой сценой. Очевидно, что цивилизованное общество все еще только наполовину созрело для откровения. Следовательно, посвященные не выдают всего сокровенного до тех пор, пока большинство человечества не изменит своей настоящей природы и не будет лучше подготовлено к принятию истины. Прав, решительно прав был Климент Александрийский, когда сказал: «Необходимо облекать в тайну высказываемую мудрость», которую преподают «Сыны Божии».

Та мудрость, как будет видно, относится ко всем первобытным истинам, переданным первым Расам, «разумом-рожденным», самими «строителями» вселенной.

В каждой древней стране, претендующей на цивилизацию, существовала эзотерическая доктрина, некая система, которую обозначали словом МУДРОСТЬ,⁹⁷ а тех, кто посвятили свои жизни ее сохранению и продолжению, называли мудрецами или мудрыми людьми... Пифагор называл эту систему *γνῶσις τῶν ὄντων*, гнозисом, или знанием вещей, как они есть. Под благородным обозначением МУДРОСТЬ учителя древности, мудрецы Индии, маги Персии и

⁹⁷ Писания, сохранившиеся в древние времена, часто олицетворяли мудрость, как эманацию и как сотрудника Творца. Таким образом мы имеем индусского Буддха, вавилонского Нэбо, Тота Мемфиса, Гермеса Греции; так же и женские божества, Пеит, Метис, Афину и гностическую силу Ашамот, или Софию. Шумерское *Пятикнижие* дало наименование *Книге Бытия*, Акамот, или мудрость, и два остатка из старых трактатов, «*Мудрость Соломона*» и «*Мудрость Иисуса*» имеют отношение к тому же. «*Книга Машалим*» – «Беседы» или «Пословицы» Соломона – также персонифицирует мудрость как помощника творца. В тайной мудрости Востока этот помощник обнаруживается, как коллективный, в первых эманациях первобытного Света, в семи дхиан-коганах, которые, как оказалось, тождественны «семи духам присутствия» римских католиков.

Вавилона, провидцы и пророки Израиля, иерофанты Египта и Аравии, и философы Греции и Запада включали всякое знание, которое они считали по его сущности божественным, классифицируя часть его, как эзотерическое, а остаток, как внешнее. Раввины называли внешнюю и светскую серии – «*Меркава*», как представляющую тело или носитель, который содержит высшее знание.⁹⁸

Далее мы будем говорить о законе молчания, который возлагается на восточных чела.

⁹⁸ «*New Platonism and Alchemy*», стр. 6.

ОТДЕЛ V НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ СЕКРЕТНОСТИ

Тот факт, что оккультные науки были скрыты от всего света, что посвященные не передали их человечеству – часто служил предметом жалоб. Утверждалось, что стражи тайного знания были эгоистами, удерживая при себе «сокровища» древней мудрости; что решительно преступно удерживать такое знание – «если оно существует вообще» – от людей науки и т. д.

Все же, должны быть весьма серьезные причины для этого, так как с самой зари Истории таково было поведение каждого иерофанта и «Учителя». Пифагора, первого адепта и настоящего ученого в дохристианской Европе, обвиняют в том, что публично он учил, что Земля неподвижна и звезды ходят вокруг нее, в то время как своим привилегированным адептам он объявлял свою веру в движение Земли, как планеты, и в гелиоцентрическую систему. Однако причин для такой скрытности много, и из них никогда не делали тайны. Главная причина была изложена в «Разоблаченной Изиде». Можно теперь ее повторить.

С того самого дня, когда первый Наставник из «Божественных Династий» нашел средства сообщения между этим миром и мирами невидимого сонма, между сферой материи и сферой чистого духа, он пришел к заключению, что бросить эту таинственную науку на опошление толпе значит потерять ее. Злоупотребление ею могло привести человечество к быстрому уничтожению; это было бы подобно обкладыванию группы детей взрывчатыми веществами со вручением им спичек. Первый божественный Наставник посвятил только несколько избранных и хранил молчание перед множествами. Он осознавал своего Бога и чувствовал это великое Существо внутри самого себя. «Атман», Я, могущественный Владыка и Защитник, если только человек познал Его, как «Я есмь», «Ego Sum», «Ахми», – являл свою полную силу тому, кто был в состоянии узнавать «все еще тихий голос». Со дней первобытного человека, описанного первым ведическим поэтом, вплоть до нашего современного века не было философа, достойного этого названия, который не носил бы в молчаливом святилище своего сердца этой великой и сокровенной истины. Если он был посвященным, то узнавал это как священную науку; если нет, то подобно Сократу, твердя себе так же, как и своим ближним, благородный приказ – «О, человек, познай самого себя» – он преуспевал в узнавании своего Бога внутри самого себя. «Вы есть боги», говорит нам царь-псалмопевец, и мы находим, что Иисус напоминает писцам, что изречение «Вы есть боги» было адресовано другим смертным людям, требуя себе той же самой привилегии безо всякого кощунства. И как верное эхо, Павел, утверждая, что все мы являемся «храмами Бога живаго», осторожно добавляет, что, в конце концов, эти вещи только для «мудрых» и что говорить о них – «незаконно».⁹⁹

Некоторые причины этой скрытности могут быть здесь приведены.

Основным законом и отмычкой практической теургии в ее главном применении к серьезному изучению космических и сидеральных, психических и духовных тайн было, и все еще является то, что греческие неоплатоники называли «теофанией». Общепринятое значение этого слова есть «общение между богами (или Богом) и теми посвященными смертными, которые духовно способны пользоваться таким сношением». Однако эзотерически это значит больше. Ибо это не есть только присутствие Бога, но действительное – хотя и временное – воплощение, так сказать, слияние личного божества, Высшего Я с человеком – его представителем или посредником на земле. По общему закону. Высочайший Бог, эта сверх-душа человеческого существа (атма-буддхи) только осеняет индивидуума в течение его жизни с целью наставления и откровения, или как римские католики – которые ошибочно называют эту сверх-

⁹⁹ «Разоблаченная Изида», II, гл. 7. Много словесных изменений оригинальных текстов «Разоблаченной Изиды» было сделано Е. П. Б. в своих цитатах оттуда, и они соблюдены повсюду.

душу «ангелом-хранителем» – сказали бы, «она стоит во вне и наблюдает». Но в случаях теофанического таинства она сама воплощается в теурге с целью откровения. Когда это воплощение является временным в течение тех таинственных трансов или «экстазов», которые Плотин определяет как

Освобождение ума от его конечного сознания, его становление единым
и отождествленным с Бесконечным,

то это возвышенное состояние очень кратковременно. Человеческая душа, будучи отпрыском или эманацией своего Бога, «Отца и Сына», становится единой, «божественный источник вливается подобно потоку в свое человеческое русло». ¹⁰⁰ Однако в исключительных случаях это таинство становится завершенным; Слово фактически становится плотью, индивидуум становится божественным в полном смысле этого слова, так как его личный Бог сделал из него постоянное пожизненное местопребывание, «храм Божий», как говорит Павел.

Теперь, то, что здесь подразумевается под словом *личный* Бог человека, не есть, конечно, один только его седьмой Принцип, так как *per se* и в сущности это есть лишь просто луч бесконечного Океана Света. В сочетании с нашей божественной душой, буддхи, его нельзя назвать дуадой, как можно было бы в другом случае, так как, хотя и образовавшаяся от атмы и буддхи (двух высших принципов), первая не есть сущность, но эманация из Абсолюта, в действительности неотделимая от него. Личный Бог не есть монада, но в самом деле, прототип ее, который мы за неимением лучшего термина называем *проявленной* каранатмой ¹⁰¹ (душой причинности), одним из «семи» и главных резервуаров человеческих монад или эго. Последние формируются постепенно и усиливаются в течение своего цикла воплощения путем постоянных добавлений индивидуальности от личностей, в которых воплощается этот андрогинный, полудуховный, полужемной принцип, принимающий участие как в небесном, так и земном, называемый ведантистами Джива и Виджнянамайакоша, а оккультистами Манас (ум) – тот, короче говоря, который, частично соединившись с Монадой, воплощается в каждом новом рождении. В полном единении со своим (седьмым) Принципом, чистым Духом, он есть божественное Высшее Я, что знает каждый изучающий теософию. После каждого нового воплощения Буддхи-Манас вбирает в себя, так сказать, аромат цветка, называемого личностью, чисто земные остатки которой, ее отбросы, предоставляются постепенному исчезновению, как тени. Вследствие своей чрезвычайно трансцендентальной метафизичности эта часть доктрины является наиболее трудной.

Как уже повторялось много раз в этом и в других трудах, ни философы, ни мудрецы, ни адепты древности не являются теми, кого можно обвинить в идолопоклонстве. Фактически они являлись теми, кто, признавая божественное единство, были единственными, кто благодаря своему посвящению в тайны эзотеризма, правильно поняли *ἕλωμεν* (хипоней), или подтекст антропоморфизма так называемых ангелов, богов и духовных существ всякого рода. Каждый из них, поклоняясь единой божественной сущности, которая насыщает весь мир природы, уважал, но никогда не поклонялся или превращал в идола какого-либо из этих «богов», высших или низших – даже не свое собственное личное божество, лучом которого он был и к которому он обращался. ¹⁰²

¹⁰⁰ Прокл утверждает, что в течение своей мистической жизни он испытывал это возвышенное состояние шесть раз. Порфирий утверждает, что Аполлоний Тианский четыре раза был соединен со своим божеством – это сообщение мы считаем ошибочным, так как Аполлоний был нирманакайя (божественное воплощение – не аватар), – а он (Порфирий) – только один раз, когда ему было более шестидесяти лет. Теофания (или действительное явление бога человеку), теопатия (или «ассимиляция божественной природы») и теопнейстия (вдохновение или, вернее, таинственная способность слышать устные наставления бога) никогда не были правильно поняты.

¹⁰¹ Каранашарира есть тело «причинности», иногда его называют «личным Богом». В некотором смысле так оно и есть.

¹⁰² В некотором смысле это было бы поклонение Самому Себе.

Святая Триада эманурует из Единого и представляет собою Тетрактис; боги, даймоны и души являются эманациями Триады. Герои и люди повторяют эту иерархию в самих себе.

Так сказал Метродор из Хиосса, пифагореец; последняя часть этой фразы означает, что человек имеет внутри себя семь бледных отражений семи божественных Иерархий; поэтому его Высшее Я само по себе есть ничто иное, как отраженный луч непосредственного Луча. Тот, кто рассматривает последний, как Существо, в обычном значении этого слова, тот является одним из тех «неверных и атеистов», о которых говорил Эпикур, ибо он навешивает на этого Бога «мнения толп» – грубейший антропоморфизм.¹⁰³ Адепт и оккультист знают, что «то, что называется богами, суть только первые принципы» (Аристотель). Тем не менее, они разумные, сознательные и *живые* «Принципы», первичные Семь Светов, *проявленные* из Света *непроявленного*, который для нас – Тьма. Они суть Семеро – экзотерически четверо – кумар или «разумом-рожденных сынов» Брахмы. И, опять-таки, они же являются дхиан-коганами, которые суть прототипы в эонической вечности для низших богов и иерархий божественных существ, на самом низшем конце лестницы которых находимся мы – люди.

Таким образом, возможно, политеизм, когда он философски понят, может быть ступенью выше, чем даже монотеизм, скажем, протестантов, которые ограничивают и обуславливают божество, в ком они упорно хотят видеть Бесконечное, но чьи предполагаемые действия делают из этого «Абсолюта и бесконечности» наиболее нелепый парадокс в философии. С этой точки зрения сам римский католицизм неизмеримо выше и более логичен, чем протестантизм, хотя Римской церкви угодно было принять экзотеризм языческой «толпы» и отвергнуть философию чистого эзотеризма.

Таким образом каждый смертный имеет своего бессмертного двойника или, вернее, своего Прототипа в небесах. Это значит, что первый неразрывно соединен с последним в каждом своем воплощении и на время цикла рождений; но соединен только посредством своего духовного и интеллектуального Принципа, совсем отличного от низшего *я*, и никак не через земную личность. Некоторые из них даже способны совсем разорвать этот союз – в случае отсутствия во внутреннем человеке связующих, т. е. духовных уз. Истинно, как Парацельс изложил это в своей странной вымученной фразеологии, человек со своими тремя (составными) Духами подвешен, подобно утробному плоду, на всех трех к матке Макрокосма; нить, которая удерживает его соединенным, есть «Душа-Нить», Сутратма, и Тайджаса («Сияющий») ведантистов. И именно через этот духовный и интеллектуальный Принцип в человеке, через Тайджаса – Сияющего, «потому что он имеет светящийся внутренний орган в качестве соучастника» – человек так соединен со своим небесным прототипом, а никак не через низшее внутреннее *я* или астральное тело, для которого в большинстве случаев не остается ничего другого, как медленно раствориться.

Оккультизм или теургия обучает способам создания такого соединения. Но именно деяния человека – его личные заслуги только – вот, что может создать его на земле или определить его длительность. Оно длится от нескольких секунд, вспышки, до нескольких часов, в течение которых теург или теофан становится самим этим осеняющим «Богом»; следовательно, он становится на это время одаренным относительным всезнанием и всемогуществом. У таких совершенных (божественных) адептов, как Будда¹⁰⁴ и других, такое ипостатическое состояние аватарического пребывания может длиться в течение всей жизни, тогда как в случаях полностью посвященных, которые еще не достигли совершенного состояния Дживан-

¹⁰³ «Боги существуют», говорит Эпикур, «но они не такие, какими их представляют *οἱ πολλοί* (толпы). Не тот неверный или атеист, который отрицает существование богов, которым поклоняются толпы, а тот, кто навешивает на богов мнения толп».

¹⁰⁴ Как экзотерически, так и эзотерически буддизм отвергает теорию, что Гаутама был воплощением или аватаром Вишну, но объясняет эту доктрину так, как она излагается здесь. Каждый человек имеет в себе материалы, если и не условия, для теофанических сношений и теопнейстии; при этом, однако, вдохновляющим «Богом» в каждом случае является его собственное Высшее Я, или божественный прототип.

мукты,¹⁰⁵ Теопнейстия, когда она в полном ходу, имеет своим результатом то, что этот высший адепт полностью помнит все, что он видел, слышал или ощущал.

Тайджаса открывает путь к сверхчувственному.¹⁰⁶

Для кого-то менее совершенного оно закончится только частичным смутным воспоминанием, в то время как начинающий встретится в первый период своего психологического опыта с одной только путаницей, за которой последует быстрое и, в конечном счете, полное забвение тайн, увиденных в течение этого сверхгипнотического состояния. Степень способности воспоминания, когда человек возвращается в свое бодрствующее состояние и к физическим чувствам, зависит от его духовного и психического очищения, причем величайшим врагом духовной памяти является физический мозг человека, орган его чувственной природы.

Вышеприведенные состояния описываются для более ясного понимания употребляемых в настоящем труде терминов. Имеется столь много условий и состояний и они так различны, что даже ясновидящий может спутать одно с другим. Повторим: греческое, редко употребляемое слово «теофания» у неоплатоников имело большее значение, чем у современных составителей словарей. Составное слово «теофания» (от «теос» – «бог», и «файномай» – «являться») не означает просто «явление бога человеку путем *действительного* появления» – кстати сказать, это абсурд, – но действительное присутствие Бога в человеке, *божественное* воплощение. Когда Симон Волхв утверждал, что он есть «Бог Отец», то, что он хотел этим выразить, как раз заключалось в том, что только что было объяснено, а именно; что он был *божественным* воплощением своего Отца, независимо от того, видим ли мы в последнем ангела, Бога или духа; поэтому его называли «сей есть великая сила Божья»,¹⁰⁷ или та сила, которая заставляет божественное Я поместиться в свое низшее я – человека.

Это одна из нескольких тайн бытия и воплощения. Другая тайна заключается в том, что когда адепт в течение своего земного века достигает такого состояния святости и чистоты, которое делает его «равным ангелам», тогда при смерти его призрачное или астральное тело становится настолько же плотным и осязаемым, каким было физическое тело, и превращается в реального человека.¹⁰⁸ Старое физическое тело отпадает подобно сброшенной коже змеи, тело же «нового» человека остается или видимым, или, по выбору адепта, исчезает из виду, окружившись оболочкой акаши, которая его заслоняет. В последнем случае три пути открыты перед адептом:

1) Он может остаться в земной сфере (в Вайю или Камалоке), в эфирном месторасположении, сокрытом от человеческого взора, за исключением во время вспышек ясновидения. Так как в этом случае его астральное тело, вследствие своей великой чистоты и духовности не соответствует условиям, необходимым для акашного света, чтобы абсорбировать его полуматериальные частицы, то адепту придется остаться в компании разлагающихся оболочек – не совершая благой или полезной работы. Этого разумеется не может быть.

2) Великим усилием воли он может полностью влиться в свою Монаду и соединиться с ней. Однако, поступая так, он *а)* лишил бы свое Высшее Я посмертного самадхи – блаженства, которое не есть настоящая нирвана – так как астрал, каким бы чистым он ни был, все же слишком земной для такого состояния; и *б)* этим он открыл бы себя для кармического закона; так как подобное деяние, в сущности, является результатом личной самости – пожинания плодов, возвращенных самим собою и для себя самого – одного.

3) Адепт имеет право отказаться от сознательной нирваны и отдыха для того, чтобы работать на земле на благо человечества. Это он может сделать двояко: или, как сказано выше,

¹⁰⁵ Целиком и абсолютно очистившийся, у которого нет ничего общего с землею, за исключением его тела.

¹⁰⁶ «Мандукяпаншиада», 4.

¹⁰⁷ Деяния, VIII, 10 (пересмотренная версия).

¹⁰⁸ См. объяснение, данное по этому поводу в статье Дж. М. «Эликсир жизни» (из Дневника челы) в книге «Пять лет теософии».

путем уплотнения своего астрального тела до физической видимости он может возобновить ту же свою прежнюю личность, или он может воспользоваться совершенно новым физическим телом, будь оно новорожденным младенцем или – как якобы поступил Шанкарачарья с телом мертвого раджи – путем «вхождения в покинутую оболочку» и пребывания там, сколько захочет. Это есть то, что называют «непрерывным существованием». Отдел под заглавием «Тайна Будды» прольет дополнительный свет на эту теорию, непонятную для профанов, а для большинства – просто *абсурдную*. Такова эта теория в том виде, как она преподается, и каждый волен выбирать, углубляться ли в нее, или же оставить ее без внимания.

Вышеизложенное представляет собою просто небольшую часть того, что могло быть дано в «*Разоблаченной Изиде*», если бы тогда настало время, как оно настало теперь. Невозможно изучать и пользоваться оккультной наукой, если не отдаться ей целиком – сердцем, душою и телом. Некоторые из ее истин слишком внушающи страх, слишком опасны для среднего ума. Никто не может безнаказанно играть таким страшным оружием. Поэтому, как Павел говорит, «незаконно» о них говорить. Примем это напоминание и будем говорить только о том, что «законно».

Цитата из Уайльдера, приведенная выше, кроме того, относится только к психической или духовной магии. Практические учения оккультной науки совсем другие и мало таких сильных умов, которые годны для них. Что же касается экстаза и тому подобных самоозарений, то это может быть достигнуто человеком самим без какого-либо учителя или посвящения, ибо экстаз достигается внутренним приказом и властью Я над физическим Эго; что же касается приобретения власти над силами природы, то это требует длительной тренировки или же способности человека, уже родившегося «природным магом». Между тем, убедительно советуется тем, кто не обладает ни одним из требуемых качеств, ограничиваться чисто духовным развитием. Но даже это трудно, так как первым необходимым особым свойством для этого является непоколебимая вера в свои собственные силы и в божество внутри самого себя; иначе из человека разовьется просто безответственный медиум. Через всю мистическую литературу древнего мира мы прослеживаем ту же самую идею духовного эзотеризма, что личный Бог существует внутри самого поклоняющегося, а не где-то вне его. Это личное божество не есть пустое дуновение или выдумка, но бессмертное Существо, посвяtitель посвященных, теперь, когда небесные посвяtitели первобытного человечества – Шишты предшествующих циклов – больше не находятся среди нас. Подобно подводному течению, быстрому и прозрачному, она течет, не смешивая своей кристальной чистоты с мутными, загрязненными водами догматизма, навязанного антропоморфического божества и религиозной нетерпимости. Мы обнаруживаем эту идею в искаженной и варварской фразеологии «*Кодекса назареев*», в возвышенном неоплатоническом языке четвертого *Евангелия* более поздней религии; в древнейшей Веде и в «*Авесте*», в «*Абхидхарме*», в «*Санкхья*» Капилы, и в «*Бхагавадгите*». Мы не можем достичь адепства и нирваны, блаженства и «царствия небесного», если мы не соединимся неразрывно с нашим *Rex Lux*, Господом Великолепия и Света, нашим бессмертным Богом внутри нас. «Ахам эва парам Брахман» – «Воистину я Высочайший Брахман» – всегда было единой живой истиной в сердце и уме адептов, и именно это помогает мистикау стать адептом. Прежде всего нужно признать свой собственный бессмертный Принцип, а затем только можно завоевать или взять Царствие Небесное силою. Только это должно быть достигнуто более высоким – не средним, даже не третьим – человеком, так как последний из праха. Также не может второй человек, «Сын» – на этом плане, так же как его «Отец» является Сыном на еще более высоком плане – что-либо сделать без помощи первого, «Отца». Но для успеха нужно отождествиться со своим божественным Родителем.

Первый человек из земли, перстный; второй человек (внутренний, наш более высокий) – Господь с неба... говорю вам тайну [1 Кор., XV, 47,50].

Так говорит Павел, упоминая лишь двойного и тройного человека ради лучшего понимания непосвященных. Но это не все, ибо Дельфийская заповедь должна быть выполнена: человек должен познать самого себя для того, чтобы стать совершенным адептом. Однако, как мало тех, кто могут приобрести это познание не только в его внутреннем мистическом смысле, но даже в его буквальном смысле, ибо это веление Оракула имеет два значения. Это ничто иное, как доктрина Будды и бодхисаттв.

Таков также мистический смысл того, что было сказано Павлом коринфянам, что они – «храм Бога», ибо эзотерически это означало:

Вы храм (этого, или вашего) Божий, и Дух (одного, или вашего) Божий
живет в вас [*1 Кор.*, III, 16].¹⁰⁹

Эти слова в точности передают то же самое значение, что и «воистину, я – Брахман» ведантистов. Также последнее утверждение не более кощунственно, чем утверждение Павла, если бы какое-то кощунство вообще имелось в каком-либо из этих утверждений, что отрицается. Только ведантист, который никогда не рассматривает свое тело, как самого себя, или даже как часть самого себя, или что-нибудь другое, как только иллюзорную форму, чтобы другие могли его видеть, – построил свое утверждение откровеннее и искреннее, нежели Павел.

Дельфийская заповедь «Познай самого себя» была ясно понятна каждому народу древности. Так оно есть и теперь, за исключением христиан, так как, кроме мусульман, эта заповедь является неотъемлемой частью каждой религии Востока, включая обученных каббалистически евреев. Однако, чтобы понимать ее смысл полностью, требуется прежде всего верить в Перевоплощение и все его тайны; и не так, как изложено в доктрине французских реинкарнистов школы Аллана Кардека, а так, как они изложены и преподаны эзотерической философией. Человек должен, короче говоря, знать, кто он был, прежде чем прийти к познанию того, что он есть. А сколько среди европейцев таких, кто способны развить внутри себя абсолютную веру в свои прошлые и будущие перевоплощения, даже только как в закон, не говоря уже о мистическом узнавании своей непосредственно предшествующей жизни? Получаемое в молодости образование, традиция и тренировка мышления – все противостоит в течение целой жизни такому верованию. Культурные люди воспитаны на той наиболее пагубной идее, что огромные различия, обнаруживаемые между единицами одного и того же человечества или даже расы, есть результат случая; что пропасть между человеком и человеком в их общественном положении, рождении, интеллекте, физических и мыслительных способностях – причем каждое из этих качеств имеет непосредственное влияние на каждую человеческую жизнь – обязаны своим происхождением просто слепому везению или невезению, и только наиболее набожные среди них находят сомнительное утешение в мысли, что это – «воля Божия». Они никогда не проанализировали, никогда не остановились, чтобы подумать о глубине того позора, который наброшен на их Бога, если глупо отвергается самый великий и справедливый закон многократного нового рождения человека на этой земле. Мужчины и женщины, стремящиеся к тому, чтобы на них смотрели как на христиан, и иногда истинно и искренне пытающиеся вести

¹⁰⁹ Задумывался ли когда-либо читатель над многозначительными словами, часто произносимыми Иисусом и его апостолами? «Итак будьте совершенны, как совершенен Отец ваш...» [*Матфей*, V, 48], говорит Великий Учитель. Слова, «столь же совершенны, как ваш Отец, который на небесах», истолковываются, как означающие Бога. Но крайняя нелепость представления о человеке, настолько же совершенном, как бесконечное, все совершенное, всезнающее и вседущее божество, – слишком очевидна. Если вы примете это в таком смысле, то тем же будут вложены в уста Иисуса слова величайшего заблуждения. То, что подразумевалось эзотерически, заключается в следующем: «Ваш Отец, который выше материального и астрального человека, высочайший Принцип (за исключением Монады) в человеке, его собственный личный Бог, или Бог его собственной личности, чьей „тюрьмой“ и „храмом“ он является». «Если хочешь быть совершенным (т. е. адептом и посвященным), пойди, продай имение твое» [*Матфей*, XIX, 21]. Каждый, кто тогда желал стать неопитом, челою, как и теперь, должен был дать обет бедности. «Совершенный» – это было название, которое давалось всем посвященным. Так их называет Платон. У евреев были свои «Совершенные» и Павел прямо говорит, что они, посвященные, могут говорить только перед другими адептами. «Мудрость мы проповедуем (только) между совершенными» [*1 Коринф.*, II, 6].

Христо-подобную жизнь, никогда не приостанавливались, чтобы поразмыслить над словами их собственной Библии. «Ты Илия?» – еврейские священники и левиты спросили Крестителя [Иоанн, I, 21]. Их Спаситель преподавал Своим ученикам эту великую истину эзотерической философии, но, поистине, если Его Апостолы овладели ею, то, кажется, никто другой так и не добрался до ее истинного значения. Не добрался даже Никодим, который на утверждение: «Если кто не родится свыше,¹¹⁰ не может увидеть Царствия Божия» [Иоанн, III], отвечает: «Как может человек родиться, будучи стар?», за что и получает упрек замечанием: «Ты – учитель Израиля, и этого ли не знаешь?» – так как никто не имел права называться «Мастером» и Учителем, не будучи посвященным в тайны а) духовного возрождения через воду, огонь и дух, и б) рождения снова от плоти.¹¹¹ Затем опять, что может еще яснее выразить доктрину многократности возрождений, как ответ, данный Иисусом саддукеям, «кто отрицают, что существует воскресение», т. е. рождение снова, так как догму о воскресении умершего во плоти теперь рассматривает, как нелепость, даже разумное духовенство:

Сподобившиеся достигнуть того мира (нирваны)¹¹²... ни женятся ни замуж не выходят, и умереть уже не могут,

что показывает, что они уже умирали и неоднократно. И опять:

Теперь, что мертвые воскресают, даже Моисей показал... он называет Господа Богом Авраама и Богом Исаака и Богом Иакова; ибо он не есть Бог мертвых, но живых. [Лука, XX, 27-38]

Предложение «теперь, что мертвые *воскресают*» по-видимому относится к тогда действительным повторным рождениям Иаковок и Исааков, а не к их будущему воскресению, ибо в противном случае они все еще были бы мертвы в промежуточном времени, и о них нельзя было бы говорить, как о «живых».

Но наиболее многозначительное из Христовых иносказаний и «затемненных высказываний» можно найти в объяснении, данном им Апостолам по поводу слепого:

Учитель, кто согрешил, он или родители его, что он родился слепым? Иисус отвечал, Не согрешил ни этот (слепой физический) человек, ни родители его: но это для того, чтобы на нем явились дела (его) Бога. [Иоанн, IX, 2, 3]

Человек есть «жилье», только «здание» своего Бога, и разумеется, что не храм, но его обитатель – носитель «Бога»¹¹³ – является тем, кто согрешил в предыдущем воплощении и так навлек карму слепоты на новое здание. Таким образом Иисус говорил правильно; но до сегодняшнего дня его последователи отказываются от понимания высказанной в этих словах мудрости. Спаситель показан своими последователями, что он якобы этими словами и объяс-

¹¹⁰ «Родился» свыше, т. е. от своей монады или божественного Эго, седьмого Принципа, который остается до конца кальпы ядром и в то же самое время осеняющим Принципом, как Каранатма (Душа Причинности) личности при каждом новом рождении. В этом смысле «рожден снова» означает «спускается свыше», причем последнее слово не имеет никакого отношения к небесам или к пространству, ни одно из которых не может быть ни ограничено, ни связано с конкретным местом, так как одно из них есть состояние, а другое беспредельно, следовательно, не имеет стран света.

¹¹¹ Это не может иметь какой-либо связи с христианским крещением, так как в дни Никодима такого не существовало и поэтому он не мог что-либо знать о нем, несмотря на то, что он был «Мастер».

¹¹² Это слово, переведенное в Новом Завете как «мир», чтобы подогнать под официальное истолкование, скорее означает «век» (как показано в Пересмотренном Издании) (и как указано в русском переводе. – Прим. перев.) или один из периодов в течение манвантары, кальпы или эон. Эзотерически это предложение читалось бы: «Тот, кто через серии рождений и кармический закон достигнет того состояния, в котором человечество очутится после седьмого Круга и седьмой Расы, когда наступит нирвана, мокша, и когда человек станет „равным ангелам или дхиан-коганам, – тот есть „сын воскресения“ и „не может больше умереть“; тогда не будет никаких браков, ибо не будет различия полов“ – результата нашей нынешней материальности и животности.

¹¹³ Сознательное Эго, или пятый Принцип Манас, носитель божественной Монады, или «Бога».

нением намекал на заранее запрограммированное чудо. Поистине, Великой Мученик и по сей день, как и в течение восемнадцати веков, остается Жертвой, ежедневно распинаемой гораздо более жестокосердно своими учениками из духовенства и последователями из мирян, чем это когда-либо могли бы сделать его аллегорические враги. Ибо таков истинный смысл слов «чтобы на нем явились дела Бога» в свете богословского истолкования, притом смысл очень недостойный, если отвергается эзотерическое объяснение.

Несомненно, что вышесказанное будет рассматриваться, как новое кошунство. Тем не менее, имеется ряд христиан, которых мы знаем – чьи сердца настолько же сильно влекутся к их идеалу Иисусу, насколько их душам неприемлем богословский портрет их официального Спасителя, – которые поразмыслят над нашими объяснениями и не найдут в них ничего оскорбительного, а может быть – облегчение.

ОТДЕЛ VI ОПАСНОСТИ ПРАКТИЧЕСКОЙ МАГИИ

Магия – это двойственная сила; нет ничего легче, как превратить ее в Колдовство, для этого достаточно *одной злой мысли*. Поэтому в то время как теоретический оккультизм безвреден и может приносить пользу, практическая магия или плоды Дерева Жизни и Познания ¹¹⁴ или другими словами, «Наука добра и зла», чревата опасностями и риском. Для изучения теоретического оккультизма имеется, без сомнения, ряд трудов, которые можно читать с пользой, не говоря уже о таких книгах, как «*Тончайшие силы природы*» и т. д., «*Зогар*», «*Сефер Иецира*», «*Книга Еноха*», «*Каббала*» Франка, и многие герметические трактаты. Они редки на европейских языках, но труды на латинском языке, написанные средневековыми философами, общеизвестными, как алхимики и розенкрейцеры, встречаются в изобилии. Но даже углубление в эти книги может оказаться опасным для изучающего без руководства. Если к ним подходить без правильного ключа и если притом изучающий не годится для магии вследствие своей ментальной неспособности, и таким образом не в состоянии отличить Правый путь от Левого, то пусть он послушается нашего совета и оставит это изучение; он только навлечет на себя и на свою семью неожиданное горе и печали, ничуть не подозревая, откуда они появились и что такое те силы, которые он разбудил своим умом, обратив на них внимание. Трудов для продвинувшегося ученика много, но они могут быть переданы в распоряжение только присягнувших или «гарантированных» чела (учеников) – тех, которые уже произнесли навсегда связывающую клятву и поэтому пользуются помощью и защитой. Для любых других целей, как бы благонамерены такие труды ни были, они могут только завести в заблуждение неосторожного и направить неощутимо для него самого к черной магии и колдовству, если ни к чему более худшему.

Мистические письмена, алфавиты и цифры, находимые в разделах и подразделах «*Великой Каббалы*», являются, возможно наиболее опасными частями в ней, а в особенности цифры. Мы говорим – опасные, потому что они наиболее способны к образованию следствий и результатов, и притом с участием или без участия воли экспериментатора, даже помимо его знания об этом. Некоторые ученики будут склонны подвергать сомнению это утверждение просто потому, что после манипуляций с этими цифрами они не замечали каких-либо ужасных физических проявлений или результатов. Такие результаты казались бы меньше всего опасными, потому что только созданные ими моральные причины и различные события, развившиеся и приведшие к непредвиденному кризису, засвидетельствовали бы истинность того, что только что было изложено, если бы только этот светский ученик обладал силою различия. Отправная точка той специальной отрасли оккультного учения, которая известна как «наука соответствий», числовых или буквенных, или алфавитных, как у еврейских, так и христианских каббалистов имела в качестве своего эпиграфа два неправильно истолкованных стиха, в которых говорится, что Бог

назначил каждой вещи число, меру и вес; ¹¹⁵

и:

¹¹⁴ Некоторые символисты, полагаясь на соответствие чисел и символов некоторых предметов и персонажей, относят эти «секреты» к тайне зарождения. Но они больше, чем это. Глиф «Древа Познания Добра и Зла», несомненно, содержит в себе некий фаллический и сексуальный элемент, как и «Женщина и Змей», но он обладает также психическим и духовным значением. Символы задуманы так, что они носят в себе более, нежели только одно значение.

¹¹⁵ «*Кн. Премудр. Сол.*», XI, 21. *Donay version.*

Он сотворил ее в Святом Духе, и видел ее, и нумеровал ее, и измерил ее.¹¹⁶

Но у восточных оккультистов другой эпиграф: «*Абсолютное Единство* в числе и во множестве». Как западные, так и восточные ученики сокровенной мудрости придерживаются этой аксиоматической истины. Только последние, возможно, более искренни в своих признаниях. Вместо того чтобы накладывать маску на свою науку, они открыто показывают ее лицо, даже если они при этом тщательно закрывают ее сердце и душу от взоров недооценивающей публики и профанов, которые всегда готовы злоупотреблять наиболее священными истинами для своих эгоистических целей. Но Единство является реальной основой оккультных наук – физических и метафизических. На это указал даже Элифас Леви, ученый каббалист Запада, немного склонный быть иезуистическим. Он говорит:

Абсолютное Единство есть высочайшая и конечная причина вещей. Поэтому эта причина не может быть ни одним лицом, ни тремя лицами: это есть Причина и главным образом Причина (*raison par excellence*).¹¹⁷

Значение этого Единства во Множестве в «Бог» или природе может быть разрешено только посредством трансцендентальных методов, числами, как и соответствиями между душой и Душой. Имена в «*Каббале*», как и в Библии, такие как Иегова, Адам Кадмон, Ева, Каин, Авель, Енох – все более тесно связаны, посредством геометрических и астрономических отношений, с физиологией (или фаллицизмом), чем с теологией или религией. Как бы мало ни были люди подготовлены к признанию этого, это будет доказано, как факт. Если все эти имена являются символами как для вещей сокрытых, так и для проявленных, в Библии так же, как и в Ведах, то их соответственные тайны весьма различны. Платоновский эпиграф «Бог геометризует» был принят как арийцами, так и евреями, но в то время как первые применили свою науку соответствий, чтобы завуалировать наиболее духовные и возвышенные истины природы, последние приложили свою остроту сообразительности к тому, чтобы сокрыть только одну – для них наиболее божественную – из тайн эволюции, а именно: тайну рождения и зарождения, и затем они обожествили органы последнего.

Кроме того, каждая космогония от самой ранней до самой поздней обоснована на цифрах и геометрических фигурах, сцеплена с ними и связана с ними теснейшим образом. Будучи вопрошаемы посвященными, эти фигуры и числа дадут числовые величины, обоснованные на интегральных величинах Окружности – «этого тайного обиталища всегда невидимого «божества», как говорят алхимики – так же, как они дадут все другие оккультные частности, связанные с такими тайнами, будь они антропографическими, антропологическими, космическими или психическими. «При воссоединении Идей к Числам, можно манипулировать Идеями точно так же, как и Числами, и прийти к математике Истины», пишет один оккультист, который доказал свою великую мудрость тем, что пожелал остаться неизвестным.

Любой каббалист, хорошо ознакомившийся с пифагорейской системой чисел и геометрией, может продемонстрировать, что метафизические учения Платона были обоснованы на строжайших математических принципах. «Истинная математика», – говорит «Магикон», – «есть нечто, с чем все высшие науки связаны; обычная математика – это только обманчивая фантазмагория, чья восхваленная непогрешимость возникает только от того, что его основой делаются материалы, условия и ссылки»...

Космологическая теория чисел, которую Пифагор узнал от египетских иерофантов, одна только в состоянии примирить эти две единицы, материю и дух, и может продемонстрировать одна другую математически. Священные числа вселенной в своих эзотерических комбинациях

¹¹⁶ «*Эклезиаст*», I, 9. *Donay version*.

¹¹⁷ «*Dogme et Rituel de la Haute Magie*», I, 361.

разрешают эту великую проблему и объясняют теорию излучений и циклы эманаций. Низшие категории до того как развиваться в высшие должны быть эманированы из высших духовных категорий, а когда они достигнут поворотного пункта, должны снова слиться с бесконечным.¹¹⁸

Именно на этой истинной математике покоится знание космоса и всех тайн, и человеку, ознакомившемуся с ними, легче легкого доказать, что ведические и библейские построения опираются на «Бог-в-природе» и «Природа-в-Боге», как на коренной закон. Поэтому этот закон, как и все нерушимое и запечатленное в вечности, мог найти себе правильное выражение только в чистейшей трансцендентальной математике, на которую ссылается Платон, а в особенности в геометрии в ее трансцендентальном приложении. Будучи раскрытой людям – мы не боимся и не берем обратно этого выражения – в этом геометрическом и символическом одеянии, Истина обросла и развилась в дополнительный символизм, разработанный человеком для нужд и лучшего понимания широких масс человечества, слишком поздно пришедших в своем циклическом развитии и эволюции, чтобы успеть получить свою долю первоначального знания; и они не могли бы приблизиться к этому иначе. И если впоследствии духовенство, ловкое и жаждущее власти во всех веках, антропоморфизировало и деградировало абстрактные идеалы так же, как и реальных и божественных Существ, которые в самом деле существуют в природе и являются Охранителями и Покровителями нашего манвантарического мира и периода, то вина за это лежит на тех мнимых водителях, а не на массах народа.

Но настал день, когда грубые концепции наших средневековых прадедов больше не могут удовлетворить вдумчивого религиозного человека. Средневековый алхимик и мистик ныне превратились в скептического химика и физика; и большинство из них оказываются отвернувшимися от истины вследствие чисто антропоморфических идей и грубого материализма форм, в каких она преподносится им. Поэтому или будущие поколения должны быть постепенно посвящены в истины, лежащие в основании экзотерических религий, включая их собственную, или же им следует предоставить разбить глиняные ноги последних позолоченных идолов. Ни один образованный мужчина или женщина не стал бы отворачиваться от какого-либо ныне так называемого «суеверия», которое, по их мнению, обосновано на детских сказках и невежестве, если бы только они могли увидеть фактическое основание, которое лежит в основе каждого «суеверия». Дайте им только раз по-настоящему убедиться, что едва ли найдется что-либо в оккультных науках, что не опирается на философские и научные факты в природе, как они устремятся к изучению этих наук с тем же самым, если не с большим рвением, чем то, с каким они их поносили. Это не может быть достигнуто сразу, ибо ради блага человечества такие истины должны раскрываться постепенно и с великой осторожностью, так как общественное мнение не подготовлено для них. Как бы ни приспособляли агностики нашего века свое мышление к требованиям современной науки, люди всегда склонны цепляться за свои старые любимые занятия, пока о них живет воспоминание. Они подобны императору Юлиану – прозванному Отступником, потому что он слишком сильно любил истину, чтобы принять что-либо другое – который, несмотря на то, что в своей последней теофании увидел своих богов бледными, изнуренными и едва различимыми тенями, тем не менее цеплялся за них. Поэтому, пусть мир цепляется за своих богов, какому плану или сфере они не принадлежали бы. Истинный оккультист был бы виноват в величайшем преступлении перед человечеством, если бы он разбил навсегда старые божества прежде, чем он не заменил их целой и чистой истиной, а этого пока что еще нельзя делать. Тем не менее, читателю можно позволить узнать хотя бы алфавит этой истины. Во всяком случае, ему можно показать, чем не были боги и богини язычников, называемые церковью демонами, если ему нельзя узнать целой конечной истины о том, что они такое. Пусть он убеждается, что герметические «Tres Matres» и «Три Матери» «Сефер Иециры» являются одним и тем же, что они вовсе не демоны-богини, но Свет,

¹¹⁸ «Разоблаченная Изида», I, гл. 1.

Тепло и Электричество, и тогда, возможно, ученые классы перестанут их с презрением отвергать. После этого розенкрейцерские иллюминаты могут найти последователей даже в Королевских Академиях, которые будут более подготовлены, может быть, чем теперь, признать великие истины архаической натурфилософии, в особенности, когда их ученые члены убедятся, что в диалекте Гермеса «Три Матери» служат символами для той совокупности сил или факторов, которые имеют отведенное им место в современной системе «корреляции сил». ¹¹⁹ Даже политеизм «суеверного» брахмана и идолопоклонника являет свое *raison d'être*, так как шакти трех великих богов, Брахмы, Вишну и Шивы, идентичны с «Тремя Матерями» монотеистического еврея.

Вся древняя религиозная и мистическая литература символична. Книги Гермеса, «Зогар», «Я-Яков», египетская «Книга Мертвых», Веды, «Упанишады», и Библия – полны символизма так же, как и набатеянские откровения халдейского Ку-тами; будет напрасной тратой времени спрашивать, которая самая древняя, попросту все они являются различными версиями единой первичной Записи доисторического знания и откровения.

Первые четыре главы *Книги Бытия* содержат в себе синопсис всего остального *Пятикнижия*, представляющего собою только различные версии одного и того же в различных аллегорических и символических применениях. Открыв, что пирамида Хеопса со всеми своими измерениями находима в мельчайших деталях в построении Храма Соломона, и убедившись, что библейские имена Шем, Хам и Иафет являются определительными

пирамидных измерений, в связи с 600-летним периодом Ноя и 500-летним периодом Шема, Хама и Иафета... термины «сыновья элохимов» и «дочери» Х-Адама (являются), с одной стороны, астрономическими терминами, ¹²⁰

автор этого уже упомянутого очень любопытного труда – книги, очень мало известной в Европе, мы с сожалением говорим – кажется не видит в своем открытии ничего больше, как только присутствие математики и метрологии в Библии. Он также приходит к весьма неожиданным и чрезвычайным заключениям, которые очень слабо подтверждаются открытыми фактами. У него, по-видимому, создалось впечатление, что если все еврейские библейские имена являются астрономическими, то священные писания всех других народов могут быть «только этим и ничем больше». Но это большая ошибка со стороны эрудированного и удивительно проницательного автора «*Источника мер*», если он действительно так думает. «*Ключ к еврейско-египетской Тайне*» отмыкает только некоторую часть иератических писаний этих двух народов и оставляет нетронутыми писания других народов. Его идея заключается в том, что «*Каббала*» является лишь той возвышенной наукой, на которой обосновано масонство»; в сущности он рассматривает масонство, как субстанцию «*Каббалы*», и последнюю, как «разумную основу еврейского текста Священного Писания». Об этом мы не будем спорить с автором. Но почему все те, кто могут найти в «*Каббале*» нечто, выходящее за пределы «возвышенной науки», на которой якобы построено масонство, должны быть предоставлены общественному презрению?

По своей исключительности и односторонности такое заключение чревато будущим неправильным пониманием и абсолютно неверно. В своем немилосердном критицизме оно набрасывает пятно на самую «божественную науку».

¹¹⁹ «Синезий упоминает каменные книги, найденные им в храме Мемфиса, на которых было выгравировано следующее изречение: «Одно *естество* блаженствует в другом, одно превосходит другое, одно подчиняет другое, но все они *едины*». Постоянное движение, присущее материи, выражено в изречении Гермеса: «Действие есть жизнь Пта»; и Орфей называет природу Πολυμήχανος μητήρ, «мать, которая создает множество вещей», или гениальная, затейливая, изобретательная мать». – «Разоблаченная Изида», I, гл. 8.

¹²⁰ «*Source of Measures*», стр. X.

«Каббала» действительно является «сущностью масонства», но она зависит от Метрологии только в одном из ее аспектов, наименее эзотерическом, так как даже Платон не делал секрета из того, что божество всегда геометризирует. Для непосвященного, как бы он ни был учен и наделен гениальностью, «Каббала», которая трактует только об «одеянии Бога», или *завесе и покрове истины*,

Построена от земли кверху с практическим применением для нужд настоящего.¹²¹

Или, другими словами, представляет собою точную науку только на земном плане. Для посвященного же каббалистический Господь снисходит из первичной Расы, порожденной духовно от «Разумом-рожденных Семи». Достигнув Земли, божественная математика – синоним магии в его дни, как говорит нам Иосиф – сокрыла свое лицо. Следовательно, наиболее значительным секретом, выданным ею в наши дни, является тождественность старинных римских мер и нынешних британских мер, еврейско-египетского локтя и масонского дюйма.¹²²

Это открытие весьма удивительное и оно привело к дальнейшим меньшим раскрытиям различных загадок в отношении символизма и библейских имен. Полностью понято и доказано, как показал Наханид, что в дни Моисея начальная фраза в *Книге Бытия* читалась *Б'раиш итхбара элохим*, или «В первопричине (или мулапракрити – *бескорный корень*) развились (или эволюционировали) боги (элохимы), небеса и земля»; тогда как теперь, благодаря Масгоре и богословскому коварству, это превращено в *Б'раиш итх бара элохим*, или «В начале Бог сотворил небеса и землю» – одно это жонглирование словами привело к материалистическому антропоморфизму и дуализму. Сколько еще можно найти подобных примеров в Библии, последнем и позднейшем из оккультных трудов древности? В умах оккультистов нет более никаких сомнений, что несмотря на свою форму и внешний смысл, Библия – как объяснено в «*Зогаре*» или «*Мидраше*», «*Иецире*» (Книге Творения) и в «*Комментариях о десяти сефиротах*» (Азариэля Бен Манахема XII века) – является неотъемлемой частью Тайной Доктрины арийцев, которая объясняет в той же самой манере Веды и все другие аллегорические книги. «*Зогар*» в своем учении, что Безличная Единая Причина проявляется во вселенной через свои эманации, сефиротов – что вселенная во всей своей совокупности является просто завесой, сотканною из собственной субстанции божества – неоспоримо является копией и верным эхом самых ранних Вед. Взятая сама по себе, без дополнительной помощи ведической и брахманской литературы, Библия никогда не выдаст вселенских секретов оккультной природы. Локти, дюймы и меры этого физического плана никогда не будут решать мировых проблем на духовном плане, ибо Дух не может быть ни взвешен, ни измерен. Разработка этих проблем оставлена в запасе для «мистиков и мечтателей», которые одни только способны выполнить ее.

Моисей был посвященный жрец, сведущий по всем тайнам и оккультному знанию египетских храмов, следовательно, тщательно ознакомленный с первобытной мудростью. Именно в ней следует искать символическое и астрономическое значение этой «Тайны Тайн», Великой Пирамиды. И будучи так знаком с геометрическими секретами, которые лежат сокрытыми в течение долгих эонов в ее прочных недрах, измерениями и пропорциями космоса, включая и нашу маленькую Землю – что удивительного в том, что он использовал свое знание? Эзотеризм Египта был одно время эзотеризмом всего мира. В течение долгих веков третьей Расы он был общечеловеческим наследием, полученным от своих Наставников, «Сынов Света», первоначальных Семи. Также было время, когда религия мудрости не была символической, ибо она превратилась в эзотерическую только постепенно, – эта перемена была вызвана необходимостью вследствие злоупотреблений и колдовства атлантов. Ибо только «злоупотребление», а не

¹²¹ «*Masonic Review*», июль, 1886.

¹²² «*Source of Measures*», стр. 47-50, *et pass.*

употребление божественного дара, привело людей четвертой Расы к черной магии и колдовству, и в конечном счете, к «забвению мудрости», в то время как люди пятой Расы, наследники риши трета-юги, пользовались своими силами, чтобы атрофировать такие дары в человечестве вообще, и потом рассеялись, как «Избранный Корень». Те, кто избежали «Великого Потопа» сохранили только память об этом и веру, обоснованную на знании их непосредственных отцов о том, что такая наука существовала и теперь ревниво охранялась «Избранным Корнем», возвеличенным Енохом. Но должно снова наступить время, когда человек опять станет тем, кем он был в течение второй юги (века), когда его испытательный цикл закончится, и он постепенно станет таким, каким он был – полутелесным и чистым. Разве Платон, посвященный, не говорит нам в «Федре» всего, каким человек когда-то был и каким он может еще стать:

До того, как человеческий дух погрузился в чувствительность и стал воплощенным вследствие утери своих крыльев, он жил среди богов в воздушном духовном мире, где все истинно и чисто.¹²³

В другом месте он говорит о том времени, когда люди не создавали потомства, но жили, как чистые духи.

Пусть те люди науки, которые склонны хохотать над этим, сами разгадают тайну происхождения первого человека.

Не желая, чтобы его избранный народ – избранный им – остался таким же погрязшим в грубом идолопоклонстве как и окружающие их массы профанов, Моисей использовал свои познания по космогоническим тайнам Пирамиды, чтобы построить на них космогонию *Книги Бытия* в символах и глифах. Это было более доступно умам 'oi πολλοι, нежели трудно усваиваемые истины, преподаваемые образованным людям в святилищах. Он ничего не изобрел, кроме внешнего одеяния, не прибавил ни на йоту; но в этом он только следовал примеру более старых народов и посвященных. Если он одел великие истины, открытые ему его иерофантом, в весьма искусные выдуманнные образы, то делал он это, идя навстречу потребностям израильтян; это жестокое племя не признало бы никакого Бога, если бы Он не был таким же антропоморфическим, как боги Олимпа; и сам он не сумел предвидеть те времена, когда высокообразованные деятели станут защищать скорлупу от плода мудрости, который рос и развивался в нем на горе Синай, когда он общался со своим личным Богом – своим божественным Я. Моисей понимал великую опасность передачи таких истин эгоистичным, так как понимал притчу о Прометее и помнил прошлое. Вот почему он завуалировал их от профанации толп и изложил их аллегорически. И вот почему его жизнеописатель говорит о нем, что когда он спускался с горы Синай,

Лицо его [Моисея] стало сиять лучами оттого, что [Бог] говорил с ним... и Моисей... положил на лице свое покрывало. [*Исход*, XXXIV, 29, 33]

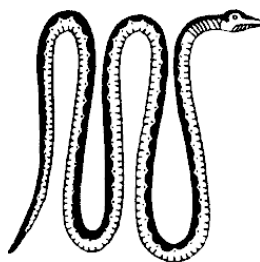
Итак, он «положил покрывало» на лицо своего *Пятикнижия*, и притом до такой степени, что, придерживаясь ортодоксальной хронологии, только 3376 лет после этого события люди начали приобретать убеждение, что это «действительно покров». Это не лицо Бога или даже Иеговы, которое просвечивает; это даже не лицо Моисея, но, поистине, лица более поздних раввинов.

Не удивительно, что Климент написал в «Строматах», что:

Подобными еврейским загадкам в смысле утаивания также являются загадки египтян.¹²⁴

¹²³ См. перевод Кери, стр. 322, 323.

¹²⁴ V, VII.

ОТДЕЛ VII СТАРОЕ ВИНО В НОВЫХ СОСУДАХ

Более чем вероятно, что протестанты в дни Реформации ничего не знали об истинном происхождении христианства или, выражаясь яснее и вернее, о латинской церковности. Также маловероятно, что Греческая церковь знала много об этом, так как разделение между этими двумя церквями происходило в то время, когда в борьбе за политическую власть Латинская церковь старалась обеспечить любую цену союз с высокообразованными честолюбивыми и влиятельными язычниками, пока у тех была охота принять внешнюю видимость новой веры, лишь бы самим удержаться у власти. Нет надобности напоминать читателю подробно о той борьбе, хорошо известной каждому образованному человеку. Несомненно, что высококультурные гностики и их вожди – такие люди, как Сатурнил, бескомпромиссный аскет, как Маркион, Валентин, Василид, Менандр, и Церинт – не были заклеены позором (сегодняшней) Латинской церковью за то, что они были еретиками, или за то, что их учения и деяния были действительно «*ob turpitudinern portentosam nimium et horribilem*», «чудовищными и отвратительными», как Бароний высказывается об учении Гарпократа, но просто потому, что они знали слишком много фактов и правды. Кеннет Р. Х. Маккензи правильно замечает:

Они были заклеены позднейшей Римской церковью, потому что пришли в столкновение с более чистой церковью христианства, владение которой было незаконно захвачено епископами Рима, но источник которой хранит преданность к основателю в первоначальной православной Греческой церкви.¹²⁵

Не желая принимать на себя ответственность за необоснованные предположения, пишущая эти строки считает самым разумным доказать этот вывод неоднократными личными и вызывающими признаниями ярого римско-католического писателя; очевидно это деликатное задание было поручено ему Ватиканом. Маркиз де Мирвиль совершает отчаянные усилия, чтобы в интересах католицизма объяснить определенные замечательные открытия в археологии и палеографии, хотя церковь разумно оставлена в стороне от этого спора и защиты. Это неотрицаемо доказывается его полновесными томами, адресованными Французской Академии между 1803 и 1865 гг. Ухватившись за предлог, что нужно обратить внимание материалистически настроенных «Бессмертных» на «эпидемию спиритуализма», вторжение в Европу и Америку бесчисленных полчищ сатанинских сил, он направляет свои усилия к тому, чтобы доказать то же самое путем приведения полных родословных и теогоний христианских и языческих божеств и проведением между ними параллелей. Все такие удивительные сходства и тождественности только «кажущиеся и поверхностные», уверяет он читателя. Христианские символы и даже действующие лица, Христос, Святая Дева, ангелы и святые, он говорит им, были олицетворены бесами ада за сотни лет до того, чтобы дискредитировать вечную истину своими безбожными копиями. Посредством своего знания будущего, дьяволы предвидели события, «открыв секреты ангелов». Языческие божества, все эти солнечные боги, называемые Сотэрами – Спасителями – родившиеся от беспорочных матерей и умирающие насильственной смертью, были только Феруэрами¹²⁶ – как их называли зороастрийцы – демоническими копиями-предшественниками (*copies anticipées*) грядущего Мессии.

¹²⁵ «*The Royal Masonic Cyclopaedia*», «Гностицизм».

¹²⁶ В «Феруэрах» и «Дэвах» Якоби (Буквы Ф. и Д.) слово «феруэр» объяснено следующим образом: Феруэр есть часть живого существа (человека или животного), образом которого он является и которого он переживает. Это Ноус греков и поэтому божественен и бессмертен, следовательно, едва ли он может быть Дьяволом или сатанинской копией, каким его хочет представить де Мирвиль (см. «*Memoires de l'Academie des Inscriptions*», том XXXVII, стр. 623, и гл. XXXIX, стр. 749). Фуше

Опасность узнавания таких *facsimiles*, действительно, в последнее время угрожающе возросла. Она грозно витает в воздухе, нависая, как Дамоклов меч, над церковью со дней Вольтера, Дипи и других писателей по той же части. Открытия египтологов, нахождения ассирийских и вавилонских домоисеевых реликвий с легендой Моисея,¹²⁷ и в особенности многие рационалистические труды, опубликованные в Англии, например, «*Supernatural Religion*», сделали узнавания неизбежными. Отсюда и появление протестантских и римско-католических писателей, назначенных объяснить необъяснимое, примирить факт божественного откровения с той тайной, что божественные персонажи, обряды, догмы и символы христианства были так часто тождественны с персонажами, обрядами, символами, догмами нескольких великих языческих религий. Первые – протестантские защитники – пытались объяснить это на основании «пророческих предвещающих идей»; латинисты же, такие как де Мирвиль – путем изобретения двойного комплекта ангелов и богов; один – божественный и истинный, другой же, более ранний – «копии, опередившие оригиналы», результат ловкого плагиата Дьявола. Протестантская военная хитрость стара, но уловка католиков так стара, что о ней забыли и потому она как новая. «*Monumental Christianity*» и «*A Miracle in Stone*» д-ра Лунди относятся к попыткам первых. «*Pneumatologie*» де Мирвиля – ко вторым. В Индии и Китае каждая такая попытка со стороны шотландских и других миссионеров оканчивается хохотом и не приносит вреда; но план, придуманный иезуитами, более серьезный. Поэтому тома де Мирвиля имеют большое значение, так как они исходят из источника, который бесспорно имеет в своем распоряжении величайшую ученость века, усиленную всею хитростью и казуистикой, на какую только способны сыны Лойолы. Маркизу де Мирвилю, по-видимому, помогали проникательнейшие умы, находящиеся на услужении Рима.

Он начинает не только с признания справедливости всего вменяемого в вину Латинской церкви в отношении оригинальности ее догм, но как бы радуется в предвкушении заранее таких обвинений, ибо он указывает на все догмы христианства, как уже существовавшие в языческих ритуалах древности. Он пропускает целый пантеон языческих божеств и показывает в каждом что-нибудь, что придает ему сходство с персонажами Троицы и Марией. Едва ли найдется тайна, догма или ритуал Латинской церкви, которые не были бы показаны, как «пародированные *Curvati*» – «Изогнутыми», Дьяволами. И когда все это признано и объяснено – символы должны бы замолчать. И так оно и произошло бы, если бы не было материалистических критиков, которые отрицают такое всемогущество Дьявола в этом мире. Ибо, если Рим признает эти подобия, то тем же он претендует на право суждения о том, где истинный и где ложный аватар, где настоящий и где ненастоящий Бог, где оригинал и где копия, хотя копия предшествовала оригиналу на многие тысячелетия.

Наш автор продолжает доказывать, что каждый раз, когда миссионеры пытаются обратиться в свою веру идолопоклонника, им неизменно отвечают:

опровергает его целиком. Феруэр никогда не был «принципом чувствований», но всегда относился к наиболее божественной и чистой части человеческого эго – к духовному принципу. Анкетил говорит, что Феруэр есть чистейшая часть человеческой души. Персидский дэв есть антитезис Феруэра, так как дэв был преображен Зороастром в Гения Зла (отсюда христианский Дьявол), но даже дэв лишь конечен, ибо овладев человеческой душой путем *незаконного захвата*, ему придется оставить ее в великий день Воздаяния. Дэв становится одержателем души покойника в течение трех дней, когда душа скитается около того места, где она насильно была отделена от тела; Феруэр же поднимается в царство вечного Света. Это была неудачная идея, которая заставила благородного маркиза де Мирвиля вообразить, что Феруэр есть «сатанинская копия» с божественного оригинала. Называя всех богов язычников – Аполлона, Озириса, Брахму, Ормазда, Бэла и т. д. «Феруэрами Христа и главных ангелов», он только выставляет Бога и ангелов, которых он хотел бы почитать, ниже языческих богов, как человек по отношению к своей Душе и Духу ниже их; ведь Феруэр есть бессмертная часть смертного существа, образом которого он является и которого он переживает. А может быть этот бедный автор несознательно пророчесствует, и Аполлон, Брахма, Ормазд, Озирис и т. д. – будучи вечными космическими истинами – предназначены пережить и заменить собою мимолетные выдумки о Боге, Христе и ангелах Латинской церкви!

¹²⁷ См. «*Babylon*» Георга Смита и другие труды.

Мы имели своего Распятого раньше вас. Что вы хотите нам доказать? ¹²⁸ Опять-таки, какая нам польза отрицать таинственную сторону этой копии под предлогом, что согласно Веберу все нынешние «*Пураны*» являются переделками более старых, так как здесь мы имеем в персонажах того же порядка положительное предшествование, которое никто никогда и не подумает оспаривать. ¹²⁹

И автор приводит примеры Будды, Кришны, Аполлона и т. д. Признав все это, автор избегает затруднения вот как:

Однако отцы церкви, которые узнавали свое собственное имущество под всеми такими овечьими шкурами... зная с помощью Евангелия... все уловки мнимых духов света; эти отцы, мы говорим, размысливши над решительными словами «все, кто когда-либо приходили до Меня, суть грабители» [*Иоанн*, X, 8], не усомнились в опознавании оккультной силы за работой, заранее заданного и сверхчеловеческого направления ко лжи, этого общего атрибута и окружения всех этих ложных богов народов; «*omnes dii gentium daemonia (elilim)*» [*Псалтырь*, XCV]. ¹³⁰

Пользуясь такой политикой, все становится легко. Нет ни одного яркого сходства, нет ни одной полностью доказанной тождественности, с которой нельзя бы разделаться подобным образом. Вышеприведенные, жестокие, эгоистичные, самого себя прославляющие слова, вложенные Иоанном в уста Того, кто сам был олицетворением кротости и милосердия, никогда не могли быть произнесены Иисусом. Оккультисты возмущенно отвергают это обвинение и готовы защитить этого человека, хотя бы перед Богом, указав, откуда взяты слова, заимствованные автором четвертого *Евангелия*. Они взяты целиком из «Пророчеств» в «*Книге Еноха*». Чтобы доказать этот факт, можно привести свидетельство ученого библейского исследователя архиепископа Лауренса, и автора книги «*Evolution of Christianity*», который редактировал перевод. На последней странице введения к «*Книге Еноха*» мы находим следующий абзац:

Притча об овце, вызволенной добрым Пастырем от наемных охранителей и свирепых волков очевидно заимствована четвертым евангелистом из «*Книги Еноха*», LXXXIX, в которой автор описывает пастухов, которые убивают и истребляют овец перед приходом их Господина, и таким образом раскрывает истинное значение непонятого до сих пор места в притче Иоанна – «Все, кто когда-либо приходили до Меня, суть воры и грабители» – это слова, в которых мы теперь усматриваем явное указание на аллегорических пастухов Еноха.

Поистине «явное», и кроме того еще что-то. Ибо если Иисус произнес эти слова в смысле ему приписываемом, то, должно быть, он читал «*Книгу Еноха*» – чисто каббалистический, оккультный труд и, следовательно, признавал достоинство и ценность этого трактата, который его церкви теперь объявили апокрифическим. Более того, он не мог не знать, что эти слова принадлежали древнейшему ритуалу посвящения. ¹³¹ А если он не читал его, и эта сентенция принадлежит Иоанну или кому бы то ни было другому, который написал четвертое *Евангелие*,

¹²⁸ Это настолько же фантастично, насколько произвольно. Где же те индусы и буддисты, которые говорят о своем «Распятом»?

¹²⁹ Указанное издание, IV, 237.

¹³⁰ Там же, 250.

¹³¹ «В.: Кто стучит в дверь? О.: Добрый коровий пастух. В.: Кто предшествовал тебе? О.: Три грабителя. В.: Кто следует за тобою? О.: Трое убийц», и т. д. и т. д. Вышеприведенное представляет беседу, которая происходила между жрецами-посвященными и кандидатами на посвящение в течение мистерий разыгрываемых в древнейших святилищах Гималайских твердынь. Эта церемония и донныне все еще совершается в одном из древнейших храмов в уединенном месте Непала. Она ведет свое начало из мистерий первого Кришны, перешла к Первому Тиртханкару, и закончилась у Будды; ее называют ритуалом Курукшетры, так как она разыгрывается в память великой битвы и смерти божественного адепта. Это не масонство, но посвящение в оккультные учения этого героя – чистый оккультизм.

тогда как можно положиться на подлинность других изречений и притч, приписываемых христианскому Спасителю?

Поэтому объяснение де Мирвиля неудачно. Все другие доказательства, выдвигаемые церковью, чтобы доказать адскую сущность древних и дохристианских подражателей, могут быть опровержены столь же легко. Может быть это неудачно, но тем не менее, это факт – *Magna est veritas et prevalebit*.

Вышеизложенное является ответом оккультистов двум партиям, которые беспрестанно обвиняют их: одна – в «суеверии», другая – в «колдовстве». Тем из наших братьев, которые являются христианами и попрекают нас за обязательство сохранять тайну, налагаемое на восточных чела, с непременно при этом упоминанием, что их собственная «Книга Бога» является «открытой книгой» для всех, чтобы они могли «читать, понимать и *быть спасенными*», – тем мы ответим просьбой изучить то, что мы только что изложили в этом разделе и затем опровергнуть, если могут. В наши дни мало осталось таких, кто все еще готовы уверять своих читателей, что Библия имела

Бога своим автором, спасение своей целью, и истину без всяких примесей ошибок в качестве материала.

Если бы теперь Локку задали этот вопрос, он возможно, не захотел бы повторить опять, что Библия

вся чиста, вся искренна, ничего в ней нет лишнего, ничего нет недостающего.

Библия, чтобы не показать, что она представляет собою как раз полную противоположность всего этого, чрезвычайно нуждается в истолкователе, знакомом с учениями Востока в таком виде, как они изложены в его сокровенных томах; также теперь, после перевода архиепископом Лауренсом «Книги Еноха», небезопасно цитировать Каупера и уверять нас, что Библия

... свет дает каждому веку,
Дает, но ничего не заимствует.

ибо она заимствует, и притом очень значительно, особенно по мнению тех, кто, будучи неосведомленными о ее символическом значении и всеобъемлемости истин, лежащих в ее основе и сокрытых в ней, – способны судить о ней только по внешности ее мертвой буквы. Она – великая книга, шедевр, состоящий из искусных остроумных мифов, содержащих в себе великие истины; но она раскрывает эти истины только перед теми, кто подобно посвященным обладает ключом к ее внутреннему значению; это сказание, высокое по своей нравственности и поучительности, и все же сказание и аллегория; это сборник выдуманных персонажей в своих более старых еврейских частях, и сборник затемненных изречений и иносказаний в позднейших добавлениях, и поэтому совершенно вводящий в заблуждение каждого, кто не знает его эзотеризма. Кроме того, это ничто иное, как астролатрия и сабеизм, которые обнаруживаются в *Пятикнижии* при эзотерическом чтении его, и – архаическая наука и астрономия в весьма убедительной степени при истолковании эзотерическом.

ОТДЕЛ VIII

КНИГА ЕНОХА – ИСТОЧНИК И ОСНОВАНИЕ ХРИСТИАНСТВА

В то время как евреи или, вернее, их синагоги, придавали большое значение *«Меркаве»*, они отвергали *«Книгу Еноха»*; или потому, что она не была с самого начала включена в еврейский Канон, или же, как думал Тертуллиан, эта книга была

Отвергнута евреями подобно тому, как они отвергли все другие священные писания, где говорилось о Христе.¹³²

Но ни одна из этих причин не была действительной. Синедриону нечего было с нею делать, просто потому, что этот труд больше относился к магии, чем к чистой каббалистике. Нынешние богословы как Латинской, так и Протестантской церкви относят его к апокрифическим произведениям. Тем не менее, Новый Завет, в особенности *«Деяния Апостолов»* и *«Послания»*, изобилует идеями и доктринами, ныне принятыми и установленными в качестве догм непогрешимой Римской и другими церквями, и даже целыми фразами, целиком взятыми из Еноха или «псевдо-Еноха», который писал под этим именем на арамейском или сирийско-халдейском языке, как утверждает епископ Лауренс, переводчик эфиопского текста.

Эти плагиаты настолько бросающиеся в глаза, что автор книги *«Эволюция христианства»*, который редактировал перевод епископа Лауренса, был вынужден сделать несколько многозначительных замечаний в своем введении. По доказательствам, вытекающим из существования книги,¹³³ установлено, что она была написана в дохристианский период (за два или за двадцать веков до Р. Х., это не имеет значения). Как этот редактор правильно указывает, она есть

Или вдохновенное предсказание великого еврейского пророка, предсказывающего с чудесной точностью будущее учение Иисуса из Назарета, или семитическая выдумка, из которой последний заимствовал Свои концепции о триумфальном возвращении Сына человеческого, чтобы воссесть на свой законный трон среди возрадовавшихся святых и трепещущих грешников, ожидающих или вечного счастья или вечного огня, будь эти небесные видения приняты за человеческие или божественные, они оказывали такое огромное влияние на судьбы человечества в течение почти двух тысяч лет, что чистосердечные и беспристрастные искатели религиозной истины не могут больше откладывать исследований связей *«Книги Еноха»* с откровением или эволюцией христианства.¹³⁴

«Книга Еноха» —

Также хранит записи по сверхъестественному управлению стихиями через деятельность отдельных ангелов, имеющих власть над ветрами, морем, градом, морозом, росой, вспышками молний и громовыми раскатами. Также даны имена главных падших ангелов, среди которых мы узнаем некоторые из незримых сил, названных по имени в (магических) заклинаниях, написанных на терракотовых чашах еврейско-халдейских вызываний.¹³⁵

На этих чашах мы также находим слово «Аллилуйя», доказывающее,

¹³² *«Книга Еноха»*, перевод архиепископа Лауренса. Введение, стр. V.

¹³³ *«Книга Еноха»* была неизвестна в Европе в течение тысячи лет, когда Брюс нашел несколько экземпляров ее на эфиопском языке в Абиссинии; в 1821 году архиепископ Лауренс перевел ее с текста, имеющегося в Бодлеанской библиотеке Оксфорда.

¹³⁴ Там же, стр. XX.

¹³⁵ Здесь же.

Слово, которым сиро-халдеи пользовались в заклинаниях, через превратности судьбы языка стало теперь тайным паролем современных возрожденцев.¹³⁶

После этого редактор приводит пятьдесят семь стихов из различных частей «Евангелий» и «Деяний» с аналогичными отрывками из «Книги Еноха» и говорит:

Внимание богословов было сосредоточено на отрывках «Послания Иуды», так как автор особо называет имя пророка, но совокупность языковых совпадений и идей у Еноха и авторов писаний Нового Завета, которые раскрылись в аналогичных цитатах при нашем сопоставлении, ясно указывает, что этот труд семитического Мильтона служил неисчерпаемым источником, из которого евангелисты и апостолы, или те люди, которые писали под их именами, заимствовали свои концепции о воскресении, суде, бессмертии, гибели грешников и всеобщем царствии праведности под вечным правлением Сына человеческого. Евангельский плагиат достигает своей кульминационной точки в Откровении Иоанна, который приспособливает видения Еноха к христианству с видоизменениями, в которых мы уже не находим величавой простоты великого мастера апокалиптического предсказания, который пророчествовал от имени допотопного патриарха.¹³⁷

Соблюдая честность по отношению к истине, следовало бы, по крайней мере, выдвинуть гипотезу, что «Книга Еноха» в ее нынешнем виде представляет собою просто копию – с многочисленными дохристианскими и послехристианскими добавлениями и вставками – с гораздо более старых текстов. Современные исследования уже настолько продвинулись, что привели к открытию, что в главе LXXI, Енох делит день и ночь на восемнадцать частей и представляет длиннейший день в году, состоящим из двенадцати из этих восемнадцати частей, тогда как день длиной в шестнадцать часов не может иметь место в Палестине. Переводчик архиепископ Лауренс по этому поводу говорит так:

Область, в которой жил автор, должна быть расположена не ниже сорока пяти градусов северной широты, где самый длинный день длится пятнадцать с половиной часов, и не выше сорока девяти градусов, где самый длинный день равняется точно шестнадцати часам. Это относит страну, где он писал, на высоту, по меньшей мере, северных районов Каспийского и Эвксинского морей... автор «Книги Еноха» был, возможно, членом одного из племен, которые Салманасар увел и поместил «в Хале и Габоре у реки Гошен, и в городах Мидии».¹³⁸

В дальнейшем признается, что:

Нельзя сказать, что доказательства, вытекающие из сути дела, свидетельствуют о превосходстве Ветхого Завета над «Книгой Еноха». ... «Книга Еноха» утверждает предсуществование Сына человеческого. Избранника, Мессии, который «с начала существовал втайне,¹³⁹ и имя которого было названо в присутствии Господа Духов до того, как были сотворены солнце и знаки». Автор также ссылается на «другую Силу, которая была на Земле над

¹³⁶ Там же, стр. XIV, примечание.

¹³⁷ Там же, стр. XXXV.

¹³⁸ Там же, стр. XIII.

¹³⁹ Седьмой Принцип, первая Эманация.

водами в тот день» – очевидный намек на язык *Книги Бытия*, I, 2.¹⁴⁰ (Мы утверждаем, что это также подходит к индусскому Нараяне – «витающему над водами».) Таким образом мы имеем Господа Духов, Избранника, и третью Силу, которые, по-видимому, предвещают эту Троицу (так же как и Тримурти) будущего; но хотя Еноховский идеальный Мессия, несомненно, оказал значительное влияние на первичные концепции о божественности Сына человеческого, нам не удастся отождествить его неясный намек на другую «Силу» с верой в догмат Троицы александрийской школы, тем более, что «ангелы силы» изобилуют в видениях Еноха.¹⁴¹

Едва ли оккультист не опознал бы названной «Силы». Редактор, заканчивая свои замечательные рассуждения, добавляет:

До сих пор мы узнаем, что *«Книга Еноха»* была опубликована до христианской эры неким великим Неизвестным семитического (?) племени, который, считая себя вдохновенным в послепроphetическом веке, заимствовал имя допотопного патриарха,¹⁴² чтобы удостоверить свое собственное восторженное предсказание о царстве Мессии. А так как содержание этой чудесной книги свободно входит в состав Нового Завета, то из этого следует, что если автор не был вдохновенным пророком, который предсказал учения христианства, то он был восторженным визионером, чьи иллюзии были приняты евангелистами и апостолами, как откровения – вот два альтернативных заключения, которые сопряжены с вопросом божественного или человеческого происхождения христианства.¹⁴³

По словам этого же редактора, в результате всего этого получилось:

Открытие, что язык и идеи предполагаемого откровения обнаружены в ранее существовавшем Труде, принятом евангелистами и апостолами за вдохновенный, но причисленном современными богословами к апокрифическим произведениям.¹⁴⁴

Этим также объясняется неохота достопочтимых библиотекарей Бодлеанской библиотеки опубликовать эфиопский текст *«Книги Еноха»*.

Пророчества *«Книги Еноха»* действительно пророческие, но они были предназначены и охватывают повествование о событиях только пяти Рас из семи – все что относится к двум последним, держится в тайне. Поэтому замечание, сделанное редактором английского перевода о том, что

Глава XXII заключает в себе ряд пророчеств, простирающихся со времени самого Еноха приблизительно еще на тысячу лет после нашего нынешнего поколения,¹⁴⁵

ошибочно. Эти пророчества простираются до конца нашей нынешней Расы, а не просто еще на «тысячу лет» вперед. Очень правильно, что:

¹⁴⁰ Там же, стр. XXXVII и XL.

¹⁴¹ Там же, стр. XL и LI.

¹⁴² Который символизирует «Солнечный» или манвантарный Год.

¹⁴³ Там же, стр. XLI, XLII.

¹⁴⁴ Там же, стр. XLVIII.

¹⁴⁵ Там же, стр. XXIII.

В системе принятой (христианами) хронологии один день (иногда) символизирует сотню лет, а неделя – семьсот лет.¹⁴⁶

Но это произвольная и нереальная система, принятая христианами для того, чтобы сделать библейскую хронологию соответствующей фактам или теориям, и не представляет подлинной мысли. «Дни» символизируют неопределенные периоды боковых рас, а «недели» – суб-рас: коренные расы упоминались таким обозначением, которое даже невозможно найти в английском переводе. Кроме того, предложение в конце 150 страницы:

Впоследствии, на четвертой неделе... увидят святых и праведных, установится порядок поколения за поколением,¹⁴⁷

совсем неправильно. В оригинале стоит: «порядок поколения за поколением установился на Земле», и т. д.; то есть после того, как первая человеческая раса, порожденная истинно человеческим образом, родилась в третьей коренной расе – что совершенно меняет значение. Значит все, что дано в переводе – так же, вероятно, как и в эфиопском тексте, ибо копии очень переделаны – о событиях, которые должны произойти в будущем, в первоначальной халдейской рукописи, как нам известно, было изложено в прошедшем времени, и является не пророчеством, а повествованием о событиях, которые уже совершились. Когда Енох начинает «говорить по книге»,¹⁴⁸ он читает описание, данное великим Провидцем, и эти пророчества не его собственные, а идут от этого Провидца. Енох или Енойхион означает «внутренний глаз» или Провидец. Таким образом каждый пророк или адепт может быть назван «Енойхионом», не становясь при этом псевдо-Енохом. Но здесь тот Провидец, который составил данную «Книгу Еноха», ясно указан, как читающий из книги:

Я родился седьмым в первую неделю (седьмая ветвь или боковая Раса первой суб-расы, после того, как началось физическое рождение, а именно – в третьей коренной расе) ... Но после меня, во второй неделе (во второй суб-расе) возникнет (вернее – возникла) великая злобность, и на этой неделе наступит конец первой, в которой человечество будет в безопасности. Но когда первая закончится, враждебность будет возрастать.¹⁴⁹

Так, как переведено, это не имеет смысла. Так, как изложено в эзотерическом тексте, это просто означает, что первая коренная раса должна прийти к своему концу в течение второй суб-расы третьей коренной расы, в период которой человечество будет в сохранности. Все это не имеет никакого отношения к библейскому Потопу, 10-й стих говорит о шестой неделе (шестой суб-расе третьей коренной расы), когда

Все те, кто в ней, потемнеют; сердца их станут забывчивыми к мудрости (божественное знание будет угасать) и в ней возвысится один человек.

По каким-то таинственным собственным причинам, истолкователи считают этим «человеком» Навуходоносора; в действительности он – первый иерофант чисто человеческой Расы (после аллегорического Падения в зарождение), избранный для сохранения угасающей мудрости дэвов (ангелов или элохимов). Он – первый «Сын Человеческий», это таинственное имя давалось божественным посвященным первой человеческой школы Мануши (людей), на самом закате третьей коренной расы. Его также называли «Спасителем», так как Он был тем, кто вместе с другими иерофантами спасали Избранных и Совершенных от геологического пожара,

¹⁴⁶ Здесь же.

¹⁴⁷ ХСII, 9.

¹⁴⁸ Там же, ХСII, 1.

¹⁴⁹ Там же, ХСII, 4-7.

оставляя на погибель в катаклизме Завершения ¹⁵⁰ тех, кто позабыли первоначальную мудрость, погрузившись в половую чувственность.

И в течение завершения ее («шестой недели», или шестой суб-расы) он сожжет дом главенства (половину земного шара или населенный в то время континент) огнем, и вся раса избранного корня будет рассеяна.¹⁵¹

Вышеприведенное относится к избранным посвященным, и совсем не к евреям, к предполагаемому избранному народу, или к вавилонскому плену, как истолковывают христианские богословы. Принимая во внимание, что мы находим Еноха, или его увековечивателя, упоминающим выполнение «приговора над грешниками» в нескольких различных неделях,¹⁵² говоря, что «все труды неверующих исчезнут с лица земли», в течение этого четвертого времени (четвертой Расы) – то это никак не может быть приложимо к одному единственному Потопу Библии, и тем более к Плену.

Поэтому отсюда вытекает, что так как «*Книга Еноха*» охватывает пять Рас манвантары и дает несколько намеков на последние две, то она не содержит «Библейских пророчеств», но просто факты, взятые из сокровенных книг Востока. Кроме того, редактор признается, что:

Предшествующие шесть стихов, т. е. 13, 14, 15, 16, 17 и 18, взяты из промежутка между 14 и 15 стихами девятнадцатой главы, где их можно найти в рукописи.¹⁵³

Этой произвольной перестановкой он сделал путаницу еще более запутанной. Все же он вполне прав, говоря, что доктрины «*Евангелий*» и даже Ветхого Завета были взяты целиком из «*Книги Еноха*», ибо это настолько же очевидно, как солнце на небе. Все *Пятикнижие* целиком было приспособлено так, чтобы оно совпадало с фактами, данными там, и этим объясняется, почему евреи отказались дать место этой книге в своем Каноне, точно так же, как впоследствии христиане отказались допустить ее в число своих канонических трудов. Тот факт, что апостол Иуда и многие из отцов христианства ссылаются на нее, как на откровение и священную книгу, однако, является превосходным доказательством, что ранние христиане признавали ее; среди них самые ученые – к примеру, Климент Александрийский – понимали христианство и его доктрины совсем в другом свете, как их современные последователи, и рассматривали Христа под таким аспектом, который оценить по достоинству могут только оккультисты. Ранние назареи и христиане, как их называет Юстин Мученик, были последователями Иисуса, истинного Хрестоса и Христоса посвящения; тогда как современные христиане, в особенности западные, могут быть папистами, греками, кальвинистами, или лютеранами, но едва ли их можно назвать христианами, т. е. последователями Иисуса, Христа.

Итак, «*Книга Еноха*» целиком символична. Она повествует об истории человеческих Рас и их ранней связи с теогонией, причем символы смешиваются с астрономическими и космическими тайнами. Однако одной главы не хватает в записях о Ное (как в Парижской, так и в Бодлеанской рукописи), а именно, главы LVIII в разделе X; ее невозможно было переделать и потому она должна была исчезнуть, от нее остались лишь искаженные отрывки. Сон о коровах, черных, красных, и белых телках относится к первым Расам, к их разделению и исчезновению. Глава LXXXVIII, в которой один из четырех ангелов «пошел к белым коровам и учил их тайне», после чего появившаяся тайна «стала человеком», относится к а) первой группе,

¹⁵⁰ При завершении каждой коренной расы наступает катаклизм, посредством огня или воды по очереди. Немедленно после «Падения в зарожждение», отбросы третьей коренной расы – те, кто впали в чувственность, отпав от учения божественных наставников – были уничтожены, после чего возникла четвертая коренная раса, в конце которой произошел последний Потоп. (См. «Сыновья Бога», упомянутые в «Разоблаченной Изиде», I, гл. 14.)

¹⁵¹ Там же, ХСII, II.

¹⁵² Там же, ХСII, 7, II, 13, 15.

¹⁵³ Там же, примечание, стр. 152.

развившейся от первобытных арийцев, и б) к так называемой «тайне Гермафродита», имеющей отношение к рождению первых человеческих Рас такими, какие они теперь. Известный обряд в Индии – обряд, который сохранился в этой патриархальной стране до сих пор, известный как прохождение, или рождение, через корову – церемония, которой подвергаются те из низших каст, которые желают стать брахманами – ведет свое начало из этой тайны. Пусть любой восточный оккультист с большим вниманием прочтет вышеупомянутую главу в «Книге Еноха» и он найдет, что «Господь Овец», в котором христиане и европейские мистики видят Христа, есть иерофант Жертва, чье имя на санскритском языке мы не осмеливаемся выдать. И опять, в то время как западные церковники усматривают в «овцах и волках» египтян и израильтян, все эти животные, в самом деле, имеют отношение к испытаниям неофита и тайнам посвящения, будь то Индия или Египет, и страшнейшему наказанию, навлекаемому на себя «волками» – теми, кто безрассудно раскрывают то, что должны знать только Избранные и «Совершенные».

Христиане, которые благодаря более поздним вставкам,¹⁵⁴ усмотрели в этой главе тройное пророчество, относящееся к Потопу, Моисею и Иисусу, ошибаются, так как в действительности она имеет непосредственное отношение к наказанию, гибели Атлантиды и воздаянию за неблагоразумие. «Господь Овец» есть карма, а также «глава иерофантов», верховный посвященный на Земле. Он говорит Еноху, который умоляет его спасти водителей овец, чтобы их не пожрали хищные звери:

Я сделаю так, чтобы мне было перечислено все... скольких они предали уничтожению и... что они будут делать; поступят ли они так, как я им приказал или нет.

Однако об этом они не должны знать; также не должен ты им что-либо объяснять, и не должен ты их бранить, но должен быть счет подведен под все разрушения, совершенные ими в свое время.¹⁵⁵

... И молча, радуясь, он смотрел, как они были пожраны проглочены, унесены, и оставил их зверям в пищу...¹⁵⁶

Те, у кого создалось впечатление, что оккультисты какого-либо народа отвергают Библию в ее первоначальном тексте и значении – не правы. Это было бы то же самое, что отвергать «Книги Тота», халдейскую «Каббалу» или самую «Книгу Дзиан». Оккультисты отвергают только односторонние истолкования и человеческий элемент в Библии, которая является настолько же оккультным и потому священным трудом, как и другие. И, действительно, ужасно наказание всех тех, кто преступают дозволенные границы тайных откровений. От Прометея до Иисуса, и от него до высочайшего адепта, как и до самого нижайшего ученика каждому раскрывателю тайн пришлось стать Хрестосом, «человеком скорбей» и мучеником. «Остерегайся», сказал один из величайших Учителей, «раскрывать Тайну вне стоящим», – профанам, саддукеям и неверящим. История свидетельствует, что все великие иерофанты: Будда,¹⁵⁷ Пифа-

¹⁵⁴ Эти вставки и изменения обнаруживаются почти во всех случаях, где фигурируют числа, в особенности, когда появляются числа одиннадцать и двенадцать, так как все их (христиане) постарались подогнать так, чтобы они были увязаны с количеством Апостолов, Племен и Патриархов. Переводчик эфиопского текста – архиепископ Лауренс – приписывает их «ошибкам переписчика» каждый раз, когда два текста, Парижский и Бодлеанский, расходятся. Мы боимся, что в большинстве случаев это не ошибки.

¹⁵⁵ Там же, LXXXVIII, 99, 100.

¹⁵⁶ Там же, 94. Вскоре будет показано, как этот отрывок привел к очень любопытному открытию.

¹⁵⁷ В светской истории, как она изложена у Варфоломея Сент-Илера, Гаутама Будда умирает в преклонном возрасте восьмидесяти лет, он уходит из жизни исполненный мира, со всею ясностью великого святого. Не так гласит эзотерическое и правильное истолкование, которое раскрывает истинный смысл светского и аллегорического повествования, по которому Гаутама Будда, умирает очень непоэтически от свинины, щедро приготовленной для него Цондой. Каким образом человек, который проповедовал, что убийство животных есть величайший грех, и который сам был совершенным вегетарианцем – как мог такой человек умереть от свинины, это вопрос, который никогда не задавали наши востоковеды, хотя некоторые из них сле-

гор, Зороастр, большинство великих гностиков, основателей своих соответственных школ, а в нашу более современную эпоху – ряд философов Огня, розенкрейцеров и адептов – закончили свои жизни насильственной смертью. Все они показаны – попросту или в виде аллегии – как понесшие наказание за те откровения, которые они совершили. Читателю-профану это может показаться лишь совпадением. Для оккультиста же смерть каждого «Учителя» важна и кажется полной значения. Где же мы найдем в истории, чтобы «Вестник», великий или малый, посвященный или неофит, который, после того, как он стал носителем какой-либо до сих пор сокрытой истины или истин, не был бы распят и разорван на куски «собаками» зависти, злобы и невежества? Таков ужасный оккультный закон; и тот, кто не ощущает, что у него львиное сердце, чтобы презреть дикий лай, и душа голубя, чтобы простить бедных невежественных глупцов, – пусть тот откажется от священной науки. Чтобы быть успешным, оккультист должен быть бесстрашным, должен храбро встречать опасности, бесчестие и смерть, быть полным прощения и молчать о том, чего нельзя выдавать. Те, кто напрасно трудились в этом направлении, должны в наши дни ждать – как учит «Книга Еноха» – «до тех пор, пока злодеи не будут истреблены» и власть злых уничтожена. Незаконно для оккультиста стремиться к мести или даже жаждать ее; пусть он

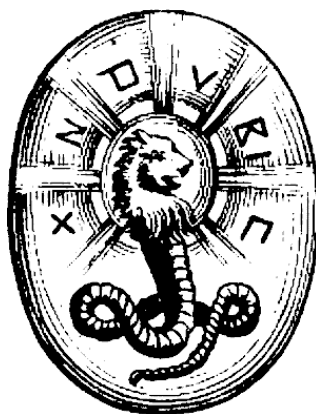
Ждет, пока грех не исчезнет; ибо их (грешников) имена будут вычеркнуты из священных книг (астральных записей), их семя будет уничтожено и их души убиты.¹⁵⁸

Эзотерически Енох есть первый «Сын человеческий», а символически – первая суб-раса пятой коренной расы.¹⁵⁹ И если его имя, будучи применено как числовой и астрономический глиф, дает значение солнечного года или 365, в соответствии с веком, приписанным ему в *Книге Бытия*, то это потому, что, будучи седьмым, он, ради оккультных целей, является олицетворенным периодом двух предшествующих Рас с их четырнадцатью суб-расами. Поэтому он показан в этой книге, как великий дед Ноя, который в свою очередь, является олицетворением человечества пятой, борющегося с человечеством четвертой коренной расы; то был тот великий период раскрытых и профанированных Тайн, когда «сыны Бога» пришли на землю и взяли себе в жены человеческих дочерей и учили их секретам ангелов; другими словами – когда «разумом рожденные» люди третьей Расы смешались с людьми четвертой и божественная наука постепенно была низведена людьми в колдовство.

лали из этого предполагаемого события большую забаву (как и до сих пор поступают многие милосердные миссионеры в Цейлоне). Просто истина та, что упомянутые рис и свинина чисто аллегорические. Рис символизирует «запретный плод», подобно «яблоку» Евы, и означает оккультное знание у тибетцев и китайцев; «свинина» – брахманические учения, так как Вишну в своем первом аватаре принял образ вепря, чтобы поднять землю на поверхность вод пространства. Потому не от «свинины» умер Будда, а от того, что выдал несколько брахманских тайн, после чего, увидя, какие плохие последствия своей выдачей тайн он навлек на некоторых недостойных людей, предпочел вместо перехода в нирвану покинуть земное тело и все еще оставаться в сфере живых, чтобы помогать человечеству двигаться вперед. Вот откуда его постоянные перевоплощения в иерархии Далай-лам и Таши-лам, среди других щедрот. Таково эзотерическое объяснение. Более полно жизнь Гаутамы будет обсуждаться в дальнейшем.

¹⁵⁸ Там же, CV, 21.

¹⁵⁹ В Библии [*Бытие*, IV и V] имеются три отдельных Еноха (Каноха или Ханоха) – сын Каина, сын Сета и сын Иаред; но все они идентичны и двое из них упомянуты только с целью ввести в заблуждение. Даны годы лишь последних двух, первый оставлен без внимания.

ОТДЕЛ IX ГЕРМЕТИЧЕСКИЕ И КАББАЛИСТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ

Космогония Гермеса так же завуалирована, как система Моисея, только по своей внешности она гораздо больше гармонирует с доктринами сокровенных наук и даже с современной наукой. Трижды великий Трисмегист говорит: «Рука, которая изваяла мир из бесформенной предсуществовавшей материи, не есть рука»; на что *Книга Бытия* отвечает: «Мир был создан из ничего», хотя «*Каббала*» отрицает такое значение в первых своих строках. Каббалисты, как и индийские арийцы, никогда не признавали такого абсурда. У них Огонь или Тепло и Движение¹⁶⁰ считались главными орудиями при образовании мира из предсуществовавшей Материи. Парабрахман и Мулапракрити ведантистов суть прототипы Эйн Софа и Шехины каббалистов. Адити есть оригинал Сефиры, а Праджапати являются старшими братьями сефиротов. Теория звездных туманностей современной науки со всеми ее тайнами была раскрыта в космогонии архаической доктрины; и парадоксальная, хотя и очень научная формулировка, что «охлаждение вызывает сжатие, а сжатие вызывает нагревание, потому что охлаждение вызывает нагревание», показана, как главный посредник образования миров и в особенности нашего солнца и солнечной системы.

Все это содержится в небольшом объеме «*Сефер Иециры*», в ее тридцати двух Пути мудрости, с подписью «*Jah* Иегова Саваоф», для каждого, кто обладает ключом к ее сокровенному значению. Что же касается догматического или богословского истолкования первых стихов в *Книге Бытия*, то на него имеется ответ по существу в той же самой книге, где, говоря о Трех Материях – Воздухе, Воде и Огне, писатель описывает их, как весы, у которых

Добро на одной чаше, зло – на другой, и колеблющаяся стрелка весов между ними.¹⁶¹

Одно из тайных имен единого вечного и вездесущего божества было одним и тем же в каждой стране и сохранило по сей день звуковое сходство в различных языках. Аум индусов, этот священный слог, стал Ἄϊόν у греков и Aevum у римлян – Паном или Всом. «Тридцатым путем» в «*Сефер Иециры*» названо «собирающее понимание», так как

Им небесные адепты собирают суждения о звездах и небесных знаках, и их наблюдения орбит суть совершенство науки.¹⁶²

Тридцать второй и последний путь назван в ней «служащим пониманием», и так он назван потому, что является

Распорядителем всех тех, кто служит на работе семи Планет, согласно своим Сонмам.¹⁶³

Этой «работой» было посвящение, в течение которого выдавались все тайны, касающиеся «Семи Планет», а также тайна «Солнечного посвящения» с его семью излучениями или лучами отрезанными – слава и восторжествование помазанника, Христа; тайна, которая вносит ясность в довольно смущающее выражение Климента:

¹⁶⁰ Вечное и непрекращающееся «вдыхание и выдыхание парабрахмана» или природы, вселенной в Пространстве, в течение манвантары или пралайи.

¹⁶¹ Указанное издание, III, 1.

¹⁶² Там же, 30.

¹⁶³ Там же, 32.

Ибо мы обнаружим, что очень многие из догм, которых придерживаются такие секты (варварской и эллинской философии), как не ставших совершенно бессмысленными, и которые не вышли из естественного порядка («отрезанием Христа»,¹⁶⁴ или, вернее, Хрестоса) ... соответствуют в своем происхождении и с истиной в целом.¹⁶⁵

В «Разоблаченной Изиде»¹⁶⁶ читатель найдет более полную информацию чем та, которая может быть дана здесь о «Зогаре» и его авторе, великом каббалисте Симеоне Бен Йохаи. Сказано, что вследствие того, что он был известен, как обладатель сокровенного знания и Меркабы, обеспечивающих получение «Слова», сама его жизнь подвергалась опасности, и ему пришлось бежать в пустынное место, где он прожил двенадцать лет в пещере, окруженный своими верными учениками, и, наконец, умер там посреди знаков и чудес.¹⁶⁷ Его учения о происхождении Тайной Доктрины или, как он ее также называет. Тайной мудрости, те же самые, что и учения Востока, за исключением лишь того, что вместо Главы Сонма Планетных Духов он ставит «Бога», говоря, что мудрость эта была преподана самим Богом определенному количеству избранных ангелов, тогда как в Восточной Доктрине это по-другому, как будет видно.

Перед нами несколько синтетических и каббалистических исследований священной «Книги Еноха» и Таро (Рота). Мы приводим цитату из рукописного экземпляра одного западного оккультиста, которому предисловием служат следующие слова:

Есть лишь единый Закон, единый Принцип, единый Агент, единая Истина и единое Слово. То, что вверху, по аналогии подобно тому, что внизу. Все, что есть, есть – результат количеств и равновесий.

Аксиома Элифаса Леви и этот тройной эпиграф показывает тождественность мысли между Востоком и Западом в отношении тайной науки, которая, как говорит нам эта же самая рукопись, является:

Ключ затаенных вещей, ключ святилища! Это есть Священное Слово, дающее адепту возвышенный разум оккультизма и его тайн. Это есть квинтэссенция философий и верований; это есть Альфа и Омега; это есть Свет, Жизнь и Мудрость Вселенские.

Предисловием к Таро священной «Книги Еноха» или Роте, кроме того, служит следующее пояснение:

Древность этой книги теряется в ночи времен. Она индийского происхождения и восходит до эпохи несравненно более древней, чем время Моисея. Она написана на отдельных листах, которые раньше были сделаны из чистейшего золота и таинственных священных металлов... она символична, и ее сочетания обнимают все чудеса духа. Старая с бегом веков, она, тем не менее, сохранилась – благодаря невежеству любопытных – без изменений

¹⁶⁴ Те, кто знают, что термин Христос гностики применяли к Высшему Эго (древнегреческие языческие посвященные делали то же самое), легко поймут этот намек. Говорили, что Христос был отрезан от низшего Эго, Хрестоса, после заключительного высшего посвящения, когда эти двое слились в одно; Хрестос был побежден и воскрес в сияющем славою Христосе. – Франк «Die Kabbala», 75; Данлэп, «Sod», том II.

¹⁶⁵ «Stromateis», I, XIII.

¹⁶⁶ II, гл. 8.

¹⁶⁷ Многочисленны чудеса, которые отмечены при его смерти или, вернее, его переходе, ибо он не умирал, как умирают другие, но внезапно исчез и в это время ослепительный свет залил пещеру; когда тот стал уменьшаться, его тело стало опять видимым. Но когда этот небесный свет совсем уступил свое место полутьме мрачной пещеры, только тогда, говорит Гинзбург, «ученики Израиля увидели, что лампа Израиля погасла». Его жизнеописатели говорят нам, что во время приготовлений к его похоронам слышались голоса с Неба, а при его погребении, когда стали спускать гроб в уготовленную для этого глубокую пещеру, то появилось пламя и мощный, величественный голос произнес: «Это тот, кто заставил землю трястись и царства дрожать!».

в том, что касается ее характера и ее основной символики в наиболее существенных частях.

Это Рота Еноха, ныне называемая Таро Еноха, на которую – как мы видим – де Мирвиль намекает, как на средство, применяемое в «Магии зла», «металлические пластинки (или листы), избегшие уничтожения во время Потопа», и которые де Мирвиль приписывает Каину. Они избегли Потопа по той простой причине, что это Наводнение не было «Всеобщим». Говорят что Таро «индийского происхождения», потому что оно восходит к первой подрасе Пятой Расы – Матери, до окончательного разрушения последнего остатка Атлантиды. Но если оно встречается у предков первобытных индусов, то это не значит, что оно впервые возникло в Индии. Его источник еще более древен и его след надо искать не здесь, а в Himaleh,¹⁶⁸ в Снежных Цепях. Оно родилось в таинственной области, определить место нахождения которой никто не смеет и которая вызывает чувство безнадежности у географов и христианских теологов, – области, в которой Брахман поместил Свою Kailâsa, гору Меру и Parvati Pamir, извращенный греками в Парапамиз.

Вокруг этой местности, которая все еще существует, были созданы предания о Саде Эдема. Из этих областей греки приобрели свой Парнас;¹⁶⁹ и отсюда вышло большинство библейских персонажей, некоторые из них в свое время были людьми, некоторые – полубогами и героями, некоторые, хотя таких очень мало, – мифами, астрономическими двойниками первых. Абрам был одним из них – халдейским брахманом,¹⁷⁰ гласит легенда, превращенным впоследствии, после того, как он отказался от своих Богов и покинул свой Ур (*нур*, «город»?) в Халдее, в А-брахма¹⁷¹ (или А-враама), «не-брахмана», который эмигрировал. Абрам, ставший «отцом многих народов», таким образом объяснен. Изучающие оккультизм должны помнить, что каждый бог и герой в древних пантеонах (включая и пантеон Библии) имеет в повествовании три биографии, которые, так сказать, развиваются параллельно одна другой, причем каждая связана с одним из аспектов героя – историческим, астрономическим и совершенно мифическим; последний служит для того, чтобы связать остальные два вместе и сгладить шероховатости и расхождения в повествовании, и собрать в один символ или более истины первых двух. Местности подгоняются так, чтобы они соответствовали с астрономическими и даже психическими событиями. История таким образом стала пленницей древней Тайны, чтобы впоследствии стать великим Сфинксом девятнадцатого века. Только вместо пожирания ее слишком тупых вопрошателей, которые хотят разгадать ее независимо от того, допускает она этого или нет, она подвергается осквернению и искажению со стороны современного Эдипа до того, как он загонит ее в море предположений, где она тонет и погибает. Теперь это стало самоочевидно не только вследствие сокровенных учений, как бы скупо они не выдавались, но также и благодаря серьезным и ученым символам и геометрам. За появлением книги «*Ключ к еврейско-египетской Тайне*», в которой ученый масон из Цинциннати м-р Ральстон Скиннер разоблачает загадку Бога с таким небожественным поведением, как у библейского *Jah-ve*, последовало учреждение ученого общества под председательством джентльмена из Огайо и четырех вице-председателей, одним из которых является Пиаци Смит, известный астроном и егип-

¹⁶⁸ Возможно, что Покок вовсе не сделал ошибки производя немецкое Himmel (небо) от слова Himâlaya, и нельзя отрицать, что индусское слово Kailâsa (небо) есть отец греческого слова Κοῦλον (небо) и латинского Coelum.

¹⁶⁹ См. «*India in Greece*» Покока, и как он производит гору Парнас от Парнаса, хижин, сооруженных из листьев и ветвей, которые являлись получасовнями и полуобиталищами индусских аскетов. «Часть Паро-Памисус (холм Баминана) называется Парнас. „Эти горы называются Дэваника, так как они полны дэвов, или богов, называемых „богами земли“, бху дэвами. Они жили, согласно Пуранам, в беседках или хижинах, называемых Парнасами, так как те были сделаны из листьев (Парнас)“, стр. 302.

¹⁷⁰ Роулинсон справедливо очень уверен об арийском и ведическом влиянии на раннюю мифологию и историю Вавилона и Халдеи.

¹⁷¹ Это есть утверждение Тайной Доктрины, и его можно принять или не принять. Но Абрам, Исаак и Иуда впечатляюще походят на индусских Брахму, Икшваку и Яду.

толог. Директор Королевской обсерватории в Шотландии и автор книги *«Великая пирамида, фараонова по имени, фактически гуманитарная, ее чудеса, тайны, и ее учения»*, стремится доказать ту самую проблему, что и американский автор и масон, а именно: что английская система мер есть та самая, которой пользовались древние египтяне при построении своих пирамид, или словами м-ра Скиннера, что «источник мер» фараонов породил «Британский дюйм и древний локоть». Он «породил» гораздо больше, чем только это, что будет полностью доказано до истечения следующего столетия. Не только все в религии Запада относится к мерам, геометрическим фигурам, и к исчислениям времени, причем длительность главных периодов обоснована на большинстве исторических персонажей,¹⁷² но последние так же, по истине, связаны с небом и землей, но только с индоарийскими небом и землей, а не с Палестинскими.

Прототипов почти всех библейских персонажей следует искать в раннем пантеоне Индии. Это «разумом-рожденные» сыновья Брахмы или, вернее, дхиани-питаров («отцов-богов»), «сыновья света», которые породили «сыновей Земли» – Патриархов. Ибо, если «Ригведа» и ее три сестры-Веды были «выдоены из огня, воздуха и солнца», или из Агни, Индры и Сурьи, как говорят нам *«Ману-Смрити»*, то Ветхий Завет в высшей степени неоспоримо был «выдоен» из весьма изобретательных мозгов еврейских каббалистов, частично в Египте, частично в Вавилоне – в этом «месте санскритской литературы и брахманской учености с его зарождения», как совершенно правильно заявил полковник Ванс Кенеди. Одной из таких копий был Абрам или Авраам, в чье лоно каждый правоверный еврей надеется быть присоединенным после смерти; и это лоно определяется как «небеса в облаках» или Абхра.¹⁷³

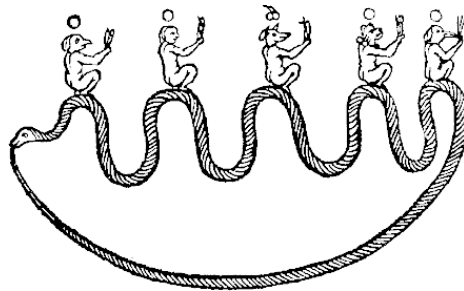
Кажется, что значительное расстояние отделяет Авраама от Еноховского Таро, но все же эти двое тесно связаны более, чем одним только звеном. Гаффарель показал, что четверо символических животных на двадцать первом ключе Таро, в третьей семеричности, представляют собою Терафимов евреев, созданных и почитавшихся отцом Аврама Тером, и использованных в оракулах Урим и Туммим. Кроме того, астрономически Авраам есть мера солнца и часть солнца, тогда как Енох есть солнечный год, так же как Гермес и Тот; а Тот по числовому значению «был эквивалентен Моисею, или Гермесу», «владыке низших областей, которого также ценили как учителя мудрости», говорит нам тот же самый масон-математик; и так как Таро является, согласно одной из последних папских булл, «изобретением Ада», таким же самым «как масонство и оккультизм», то связь очевидна. Таро действительно заключает в себе тайну всех таких трансмутаций персонажей в небесные тела и наоборот. «Колесо Еноха» является архаическим изобретением, наиболее древним из всех, ибо его находят в Китае. Элифас Леви говорит, что не было такого народа, у которого его не было бы, причем его истинное значение хранилось в величайшей тайне. Оно было всеобщим наследием.

¹⁷² В отношении имен Брахма и Абрам в книге К. У. Кинма *«The Gnostics and their Remains»*, стр. 13, сказано: «Эта фигура человека Сеир Анпина, состоит из 243 чисел, будучи числовой величиной букв в имени «Абрам», означаемом различные категории в небесных Иерархиях. Фактически имена Абрам и Брахма эквивалентны по своим числовым величинам». Таким образом человеку, знакомому с эзотерическим символизмом, вовсе не покажется странным обнаружить в Лока-Палах (четыре стороны света с промежуточными сторонами, олицетворенные восьмью индийскими богами) слона Индры по имени Абхра – (матанга) и его жену Абхраму. Абхра в какой-то степени является божеством мудрости, так как голова этого слона заменила голову Ганеши (Ганапати), бога мудрости, отрезанную Шивой. Еще Абхра означает «облако», и оно также есть имя того города, где, как думают, проживал Абрам – если читать в обратном направлении – «Арба (Кирджат), город четырех... Абрам есть Абра с прибавлением на конце *м*, а Абра прочитанное в обратном направлении, есть Арба» (*«Ключ к еврейско-египетской Тайне»*). Если бы автор добавил, что на санскритском языке Абра означает «в облаках или из облаков», то космоастрономический символ Авраама стал бы яснее. Все это следовало бы читать в оригиналах, на санскритском языке.

¹⁷³ Прежде чем эти теории и домыслы – мы готовы допустить, что они являются таковыми – будут отвергнуты, следовало бы объяснить следующие несколько пунктов. 1. Почему после ухода из Египта имя Патриарха было изменено Иеговой из Авраама в Авраама? 2. Почему Сарай подобным же образом стала Сарой? [*Бытие*, XVII]. 3. Откуда это странное совпадение имен? 4. Почему это Александр Полигистор говорит, что Авраам родился в Камарине или Урии, городе предсказателей и что он изобрел астрономию? 5. «Абраамические воспоминания простираются назад в прошлое по меньшей мере на три тысячелетия со времени деда Иакова», говорит Бунзен (*«Egypt's Place in History»*, V, 35.)

Как мы видим, ни «*Книга Еноха*» (его «Колесо»), ни «*Зогар*», ни какой-либо другой каббалистический том не содержит в себе одной только еврейской мудрости.

Но, как мы видим, ни «*Зогар*», ни какой-нибудь другой каббалистический том не содержит в себе одну только еврейскую мудрость. Сама доктрина, будучи результатом мышления целых тысячелетий, является поэтому общим достоянием адептов всех народов под солнцем. Тем не менее, «*Зогар*» преподает больше практического оккультизма, чем какой-либо другой труд по этому предмету, не в том виде, однако, как он переведен и комментируется различными критиками, а с тайными знаками на полях. Эти знаки содержат в себе сокрытые наставления, независимо от метафизических истолкований и явных нелепостей, которым полностью доверял Иосиф, который никогда не был посвящен и поэтому выдавал *мертвую букву* в том же виде, как он ее получил.¹⁷⁴

¹⁷⁴ «Разоблаченная Изида», II, гл. 8.

ОТДЕЛ X

РАЗЛИЧНЫЕ ОККУЛЬТНЫЕ СИСТЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АЛФАВИТОВ И ЦИФР

Трансцендентальные методы «Каббалы» не должны упоминаться в публичном издании; но ее различные системы арифметических и геометрических способов разгадывания определенных символов могут быть описаны. Методы вычислений «Зогара» с их тремя разделами, Гематрией, Нотариконом и Темурой, также Албат и Алгат, чрезвычайно трудны в применении. Тех, кто хотят узнать больше, мы отсылаем к трудам Корнелия Агриппы.¹⁷⁵ Но ни одна из этих систем не может быть понята, если каббалист не станет действительным Мастером в своей науке. Символизм Пифагора требует еще более упорного труда. Его символы очень многочисленны и чтобы постичь даже только главную суть его глубоких доктрин из его символизма, потребовались бы годы изучения. Главными его фигурами являются квадрат (Тетрактис), равносторонний треугольник, точка внутри окружности, куб, тройной треугольник и, наконец, сорок седьмая теорема Эвклидовских Элементов, изобретателем которой был Пифагор. Но за исключением этой теоремы, ни один из вышеупомянутых символов не начал своего существования с него, как некоторые полагают. За тысячи лет до него они были хорошо известны в Индии, откуда их и принес Самосский мудрец, принес не как предположение, а как доказанную науку, говорит Порфирий, цитируя из пифагорейского Модерата.

Числа Пифагора были иероглифическими символами, посредством которых он объяснил все идеи, касающиеся природы вещей.¹⁷⁶

Основная геометрическая фигура «Каббалы», как она дана в «Книге Чисел»,¹⁷⁷ та фигура, про которую традиция и эзотерические доктрины говорят, что она была дана Моисею на горе Синай Самим Божеством,¹⁷⁸ содержит ключ к всемирной проблеме в своих величавых, поскольку простых, комбинациях. Эта фигура содержит в себе все другие.

Символизм чисел и их математических взаимоотношений является также одной из отраслей магии, в особенности ментальной магии, предсказания и правильного восприятия в ясновидении. Системы различаются, но основная идея везде та же самая. Как показано в «Королевской масонской энциклопедии» Кеннета Р. Х. Маккензи:

Одна система принимает единичность, другая – троичность, третья – пятиричность; к тому же имеются еще шестиугольники, семиугольники, девятиугольники и т. д., до тех пор, пока ум теряется в обзоре одних только материалов к этой науке чисел.¹⁷⁹

Буквы деванагари, которыми обычно пишут на санскритском языке, обладают всем тем, чем обладают герметические, халдейские и еврейские алфавиты, и вдобавок обладают оккультным значением «вечного звука», и значением, придаваемым каждой букве в ее связи с духовными, как и земными вещами. Так как в еврейском алфавите имеется всего двадцать две

¹⁷⁵ См. «Разоблаченная Изида», II, гл. 7. Гематрия образована с помощью перестановки от греческого слова $\gamma\rho\alpha\kappa\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha$; Нотарикон может быть сравним с стенографией; Темура есть пермутация – деление алфавита и смена букв.

¹⁷⁶ «De Vita Pythag».

¹⁷⁷ Мы не знаем, входит ли экземпляр этого древнего труда в каталог какой-либо европейской библиотеки, но это одна из *Книг Гермеса* и на нее ссылаются и приводят из нее цитаты авторы многих древних и средневековых трудов по философии. Среди этих авторитетов находятся «*Rosarium Philosoph*» Арнольдо ди Виллановы, «*Opus de Lapide*» Франческо Арнуфи, «*Tractatus de Transmutatione Metallorum*» и «*Tabula Smaragdina*» Гермеса Трисмегиста, и, прежде всего, трактат Раймунда Луллия «*Ab Angelis Opus Divinum de Quinta Essentia*».

¹⁷⁸ *Исход*, XXV, 40.

¹⁷⁹ *Sub voce* «Numbers».

буквы и десять основных цифр, тогда как в деванагари тридцать пять согласных и шестнадцать гласных, вместе составляя пятьдесят одну простую букву с бесчисленными комбинациями вдобавок, то поле для рассуждений и познания в последнем значительно обширнее. Каждая буква имеет свой эквивалент в других языках и свой эквивалент в цифре или в цифрах на вычислительной таблице. Она также имеет многие другие значения, которые зависят от особых идиосинкразий и характерных черт лица, объекта или субъекта, подлежащего изучению. Как индусы претендуют на то, что они получили деванагарский алфавит от Сарасвати, изобретательницы санскритского языка, «языка дэв», или богов (в их экзотерическом пантеоне), так и большинство древних народов претендовало на ту же привилегию в отношении происхождения их букв и языка. «Каббала» называет еврейский алфавит «буквами ангелов», сообщенными Патриархам точно так же, как деванагари было передано риши дэвами. Халдеи нашли свои буквы, начертанными на небе «еще не установившимися звездами и кометами» – говорит «Книга Чисел»; тогда как у финикийян был священный алфавит, образованный извиваниями священных змей. Натар Хари (иератический алфавит) и тайная (жреческая) речь египтян тесно связана со старейшей «Речью Тайной Доктрины». Это деванагари с мистическими комбинациями и добавлениями, в который в значительной степени входит сензар.

Многим западным оккультистам хорошо известны сила и могущество чисел и букв, как составленных из всех этих систем, но все еще неизвестны индусским изучающим, если не их оккультистам. В свою очередь, европейские каббалисты, в общем, не знают алфавитных секретов индийского эзотеризма. В то же время обычный западный читатель ничего не знает ни о том, ни о другом; менее всего о том, как глубоки следы, оставленные эзотерическими числовыми системами мира в христианских церквях.

Тем не менее эта система чисел разрешает проблему космогонии для любого, кто ее изучает, тогда как система геометрических фигур изображает эти числа объективно.

Для того чтобы полностью постичь божественное и глубинное древних, нужно изучать происхождение образных представлений их первоначальных философов. Книги Гермеса являются древнейшими хранилищами числового символизма в Западном оккультизме. Из них мы узнаем, что число *десять*¹⁸⁰ является Матерью Души, Жизни и Света, которые в нем объединены. Ибо, как в «Книге Ключей» (Чисел) показывает священная анаграмма Теруф, число 1 (один) родилось от Духа, а число 10 (десять) от Материи; «единство образовало десять, десять – единство»: и это является пантеистической аксиомой, другими словами – «Бог в природе, и природа в Боге».

Каббалистическая гематрия арифметична, а не геометрична. Она представляет собою один из методов извлечения сокрытого значения из букв, слов и фраз. Он заключается в применении к буквам слова того значения, какое они имеют в качестве чисел как по наружной форме, так и по их индивидуальному значению. Как пояснено Рагоном:

Фигура I означала живого человека (тело вертикальное), так как человек является единственным существом, обладающим этим свойством. Прибавив к нему голову, был получен глиф (или буква) P, означающий отцовство, творческую мощь; R означало идущего человека (с выставленной вперед ногой), идущего, *iens, iturus*.¹⁸¹

Письмена служили дополнением к речи, каждая буква в одно и то же время представляла собою звук для слуха и идею для ума, как, например, буква F, представляющая резкий звук, звук быстро летящего через пространство воздуха; такие слова, как *fury* (неистовство, ярость), *fusee* (запал), *fugue* (фуга), выражают и описывают то, что они означают.¹⁸²

¹⁸⁰ См. *Johannes Meursius*, «*Denarius Pythagoricus*».

¹⁸¹ Рагон, «*Maçonnerie Occulte*», стр. 426, примечание.

¹⁸² *Ibid*, стр. 432, примечание.

Но вышеприведенное относится к другой системе – к системе первичного и философического образования букв и их внешней глифической формы, а не к гематрии. Другим каббалистическим методом является Темура, посредством которой каждое слово можно заставить выдать тайну из своей анаграммы. Так в «*Сефер Йецире*» мы читаем: «Один – это Дух Алахимов Жизней». В старейших каббалистических диаграммах сефироты (семь и три) представлены как колеса или круги, а Адам Кадмон, первичный Человек, как вертикальная колонна. «Колеса и серафимы, и священные твари» (Хиот), говорит раввин Акиба. В другой системе символической «*Каббалы*», называемой Албат – которая располагает буквы алфавита парами в три ряда – все пары в первом ряду носят числовые величины десять, а в системе Симеона Бен Шета (александрийского неоплатоника при первом Птолемеи) самой верхней паре – наиболее священной изо всех – предшествуют пифагорейские цифры: один, и ноль – 10.

Все существа, начиная с первой божественной эманации, или «проявленного Бога», и вплоть до самого низкого атомического существования, «имеют свое особое число, которое отличает каждого из них и становится источником их характерных признаков и качеств, а также их судьбы». Случайность, как учит Корнелий Агриппа, есть в действительности, только неизвестная прогрессия, а время – только последовательность чисел. Следовательно, так как будущность представляет собою соединение случая и времени, то они могут быть применены для оккультных вычислений, чтобы узнать результат события или будущее чьей-либо судьбы. Пифагор сказал:

Существует таинственная связь между богами и числами, на которой обоснована наука арифмантии. Душа есть самодвижущийся мир; душа содержит в себе четверку, тетрактис (совершенный куб) и является им.

Существуют счастливые и несчастливые, или благотворные и вредоносные числа. Так, в то время как тройка – первое нечетное число (число один – совершенное и стоит в оккультизме особо) – является божественной фигурой или треугольником, двойка у пифагорейцев находилась в немилости с начала. Она представляла собою Материю, пассивный и злой принцип – число Майи, иллюзии.

В то время, как число *один* символизировало гармонию, порядок или добрый принцип (единого Бога, выраженного в латыни словом *Solus*, от которого возникло слово *Sol*, Солнце, символ божества), число *два* выражало противоположную идею. С него началась наука добра и зла. Все, что двойственно, ложно и противоположно единой реальности, обозначалось двойкой. Она также выражала контрасты в природе, которые всегда двойные: день и ночь, свет и тьма, холод и тепло, сырость и сухость, здоровье и болезнь, заблуждение и истина, мужское и женское и т. п. ... Римляне посвятили Плутону второй месяц года, а второй день этого месяца – умиловлениям в честь манов. Отсюда тот же самый обряд в Латинской церкви, тщательно скопированный. Папа Иоанн XIX учредил в 1003 г. праздник поминания умерших, который должен был праздноваться 2-го ноября, т. е. второго месяца осени.¹⁸³

С другой стороны, все народы относились с большим уважением к треугольнику, чисто геометрической фигуре, и это по следующей причине:

В геометрии прямая линия не может представлять собою абсолютно совершенной фигуры так же, как не могут этого две прямые линии. С другой стороны, три прямые линии могут образовать посредством пересечения треугольник или первую абсолютно совершенную фигуру. Поэтому он сначала и до сегодняшнего дня символизировал Вечное – первое совершенство. В латинском, как и французском языках слово, означающее божество, начинается с буквы *D*, что на греческом языке будет *дельта* или треугольник, *A*, три стороны которого символизируют троицу или три царства, или же опять божественную природу. В середине нахо-

¹⁸³ Извлечено из «*Maconnerie Occulte*», стр. 427, примечание.

дится еврейская Йод, начальная буква имени Иеговы (см. «*Dogme et Rituel*» Элифаса Леви, I, 154), оживляющий дух или огонь, порождающий принцип, представленный буквою G, первой буквою от слова «*God*» («Бог») в северных языках, философское значение которого заключается в порождении.¹⁸⁴

Как правильно выразился знаменитый масон Рагон, индусская Тримурти олицетворена в мире идей Творением, Сохранением и Разрушением, или Брахмой, Вишну и Шивой; в мире Материи – Землей, Водой и Огнем, или Солнцем, и символизирована Лотосом, цветком, который живет землей, водой и солнцем.¹⁸⁵ Лотос, посвященный Изиде, имел в Египте то же значение, тогда как в христианском символе Лотос, не находимый ни в Иудее, ни в Европе, был заменен водяной лилией. В каждой греческой и латинской церкви, во всех картинах, изображающих Благовещение, архангел Гавриил изображен с этим символом тройственности в руке стоящим перед Марией, тогда как над главным алтарем или под куполом изображено Око Извечного в треугольнике, заменяющее еврейское Йод или Бога.

Истинно, говорит Рагон, было когда-то время, когда числа и буквы алфавита означали нечто большее, чем теперь – изображения только незначительных звуков.

Их миссия тогда была благороднее. Каждая из них представляла по своей форме завершенный полный смысл, который, кроме значения самого слова, имел двойное¹⁸⁶ истолкование, приспособленное к двойственной доктрине. Поэтому, когда мудрецы хотели написать что-либо такое, что должны были понять только ученые, они сочиняли рассказ, сновидение или какую-то другую выдумку с именами людей и названиями местностей, которая посредством буквенных особенностей раскрывала истинное значение того, что автор хотел сказать этим повествованием. Таковы были все их религиозные творения.¹⁸⁷

Каждое имя и термин имели свое *raison d'être*. Название растения или минерала раскрывало свою природу посвященному с первого взгляда. Сущность всего легко воспринималась им, раз уж она изображалась такими письменами. Китайские иероглифы до сегодняшнего дня многое сохранили из этого изобразительного и картинного характера, хотя секрет полной системы утерян. Тем не менее, даже теперь среди этого народа имеются такие, которые смогут написать длинное повествование, том, на одной странице; и символы, имеющие историческое, аллегорическое и астрономическое объяснение, дожили до наших дней.

Кроме того, среди посвященных существует один всеобщий язык, который адепт или даже ученик любого народа может понимать, читая его на своем собственном языке. Мы же, европейцы, наоборот, обладаем только одним изобразительным знаком, общим для всех – & (и): существует язык, который богаче метафизическими терминами; чем какой-либо другой на земле, в котором каждое слово выражено подобными простыми знаками. Так называемая

¹⁸⁴ Суммировано из Рагона, там же, стр. 428, примечание.

¹⁸⁵ Рагон упоминает любопытный факт, что первые четыре числа на немецком языке названы по стихиям. «*Ein*, или один, означает воздух, стихию, которая, находясь всегда в движении, пронизывает всю материю, и чьи постоянные приливы и отливы являются всеобщим носителем жизни. *Zwei*, два, производное от древнегерманского *Zweig*, означает зародыш, плодородность; оно означает землю, плодородную мать всего. *Drei*, три, это греческое *trienos*, означает воду, откуда произошли названия морских богов, Тритонов; и трезубца, эмблемы Нептуна – вода или море, в общем, называется Амфитрит (окружающие воды). *Vier*, четыре, число, на бельгийском языке означающее огонь... Именно в четверке можно найти первую трехмерную фигуру, всемирный символ бессмертия, Пирамид, «первый слог которой означает огонь». Лизис и Тимей из Локри заявили, что никто не в состоянии назвать вещи, корнем которой не была бы четверка... Остроумная и мистическая идея, которая привела к почитанию триады и треугольника, была применена и к числу четыре и его фигуре: говорилось, что она выражает живое существо, 1, носителя треугольника 4, носителя Бога; или человека, носящего в себе божественный принцип». Наконец, «древние представляли мир числом пять. Диодор объясняет это, говоря, что это число обозначает землю, огонь, воду, воздух и эфир, или спиритус. Отсюда происхождение Пенте (пять) и Пан (бог), означающего по-гречески – все». (Сравните Рагон, *op. cit.*, стр. 428-430.) Индусским оккультистам предоставляется объяснить, какую связь санскритское слово Панча (пять) имеет со стихиями, так как греческое Пенте имеет в качестве своего корня этот санскритский термин.

¹⁸⁶ Система так называемых письмен Сензара еще более чудесна и трудна, так как каждая буква может иметь несколько значений – *знак*, поставленный в начале, указывает истинное значение.

¹⁸⁷ Рагон, *op. cit.*, стр. 431, примечание.

Litara Pythagoras, греческая Υ (английская заглавная Y), если только ее одну проследить в каком-либо сообщении, была бы настолько же исчерпывающа, как целая страница, заполненная фразами, ибо она служила символом для целого ряда вещей, например, для белой и черной магии.¹⁸⁸ Предположим, что один человек осведомляется у другого по поводу третьего человека: к какой школе магии тот принадлежит? и к нему приходит ответ, в котором эта буква написана так, что правая ее ветвь толще, чем левая, что тогда означает: «К правой руке или божественной магии»; но если бы буква была написана в обыкновенном виде, так что левая ветвь толще правой, то это означало бы обратное; так правая или левая ветвь представляла собой целую биографию человека. В Азии, особенно в письменах деванагари, каждая буква имела несколько тайных значений.

Истолкования сокровенного смысла таких апокалиптических писаний можно найти в ключах, данных в «Каббале», и они причисляются к ее наиболее сокровенному учению. Св. Иероним уверяет нас, что они были известны школе пророков и там преподавались, что весьма вероятно. Ученый знаток еврейской письменности Молитор в своем труде о традициях говорит, что:

Двадцать две буквы еврейского алфавита рассматривались, как эманация или зримое выражение божественных сил, присущих непроницаемому имени.

Эти буквы находят свой эквивалент и заменяются числами таким же образом, как и в других системах. Например, двенадцатая и шестая буква алфавита в одном имени дают восемнадцать; другие буквы этого имени при добавлении всегда заменяются той цифрой, которая соответствует алфавитной букве, затем все эти цифры подвергаются некоему алгебраическому процессу, который опять превращает их в буквы; после чего последние расшифровывают искателю «наиболее сокровенные тайны божественного Постоянства (вечности в ее нерушимости) в Будущности».

¹⁸⁸ Экзотерически Y означает только два пути добродетели или порока, и означает также число 150, а со штрихом над буквой Y – 150000.

ОТДЕЛ XI ШЕСТИУГОЛЬНИК С ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТОЧКОЙ, ИЛИ СЕДЬМОЙ КЛЮЧ

Обсуждая силу имен (*Baalshem*), Молитор считает невозможным отрицать, что «Каббала» – несмотря на нынешние злоупотребления ею – покоится на очень глубоком и научном основании. И если это так, то он делает вывод, что если

Перед Именем Иисуса должны склониться все другие Имена, то почему
Тетраграмматон не обладает тою же властью? ¹⁸⁹

Это разумно и логично. Ибо, если Пифагор рассматривал шестиугольник, образованный двумя скрещенными треугольниками, как символ творения, а египтяне – как символ союза огня и воды (или порождения), ессеи видели в нем Печать Соломона, евреи – Щит Давида, индусы – Знак Вишну (по сей день); и даже если в России и Польше двойной треугольник рассматривается как могущественный талисман, – то такое широко распространенное применение говорит за то, что в нем что-то есть. Действительно, ясно, что такой древний и повсеместно почитаемый символ не следует просто отбросить, чтобы над ним надсмеялись те, кто ничего не знают о его силе и настоящем оккультном значении. Прежде всего, даже известный знак есть только заменитель знака, употребляемого посвященными. В тантрическом труде, хранящемся в Британском Музее, страшное проклятие призывается на голову того, кто когда-либо выдаст профану настоящий оккультный шестиугольник, известный под названием «Знак Вишну», «Печати Соломона» и т. п.

Великая сила шестиугольника – который вместе с его центральным мистическим знаком т, или со свастикой, представляет семеричность – хорошо объяснена в седьмом ключе «Сокровенностей», ибо там сказано:

Седьмой ключ есть иероглиф священной семеричности, царской власти, жречества (посвященного), восторжествования и истинного достижения путем борьбы. Это магическая власть во всей ее силе, истинное «Святое Царство». В герметической философии это есть квинтэссенция, получившаяся от союза двух сил великого магического посредника (акаши, астрального света) ... Это в равной степени Якин и Боаз, связанные волею адепта и преодоленные его всемогуществом.

Сила этого ключа абсолютна в магии. Все религии освящали этот знак в своих обрядах.

В настоящее время мы можем только поспешно взглянуть на длинный ряд допотопных трудов в их слепопотопной отрывочной и часто искаженной форме. Хотя все они являются наследием от четвертой Расы – ныне лежащей похороненной в неизмеримых глубинах океана – все же не следует их отвергать. Как мы уже говорили, на заре человечества была только одна единая наука и она была всецело божественна. И если человечество по достижении своего зрелого возраста злоупотребляло ею – в особенности последние суб-расы четвертой коренной расы – то это была ошибка и грех тех профессионалов, которые осквернили божественное знание, но не тех, кто остались верны ее первоначальным догмам. То, что современной римско-католической церкви, верной своей традиционной веронетерпимости, угодно видеть в оккультисте и даже в невинном спиритуалисте и масоне потомков «кидуфов», хамитов, каздымов, сефенов, офитов и хартумимов» – причем все они считаются «последователями Сатаны» – то вовсе не значит, что они в действительности таковыми являются. Государственная или

¹⁸⁹ «Tradition», гл. о «Числах».

национальная религия каждой страны всегда и во все времена легко разделялась с соперничающими школами путем объявления их опасными ересями – так поступала как старая римско-католическая государственная религия, так и современная.

Однако такая анафема не сделала публику сколько-нибудь умнее по части тайн оккультных наук. В некоторых отношениях такое невежество даже лучше для мира. Тайны природы, в общем, обоюдоострые, и в руках незаслуживающих людей они, во всей вероятности, станут смертоносными. Кто в нашей современности знает что-нибудь о действительном значении и силах, содержащихся в некоторых письменах и знаках-талисманах – для благотворных или вредоносных целей? Фрагменты рунического письма и писания кишуфов, находимые разбросанными по старым средневековым библиотекам; копии с эфисийских и милесийских букв или письмен; трижды знаменитая «*Книга Тома*» и страшные трактаты (все еще сохранившиеся) халдея Таргеса и его ученика этруска Тархона, который жил задолго до Троянской войны – все это только имена и названия, лишенные смысла (хотя и встречающиеся в классической литературе) для образованного современного ученого. Кто в девятнадцатом веке поверит в искусство – описанное в таких трактатах, как трактаты Таргеса – вызывания и направления ударов молнии? Однако то же самое описывается в брахманской литературе, и Таргес скопировал свои «удары молний» с Астры,¹⁹⁰ этих ужасных машин разрушения, которые были известны арийцам времен *Махабхараты*. Целый арсенал динамитных бомб побледнел бы перед этим умением – если только жители Запада когда-либо это поймут. Покойный лорд Булвер-Литтон получил идею о «Вриле» со старого фрагмента, который был ему переведен. Действительно, это счастье, что при наличии добродетелей и филантропии, которые украшают нам век беззаконных войн, анархистов и динамитчиков, секреты, содержащиеся в книгах, найденных в гробнице Нумы, должны были быть сожжены. Но наука Цирцеи и Медеи не утеряна. Ее можно обнаружить в кажущейся тарабарщине тантрических сутр, в *Куку-ма* бутанцев и сиккимских дугпи и «красных шапок» Тибета, и даже в колдовстве нигерийских мула-курумбов. Очень удачно, что кроме высоких степеней профессионалов левого пути и адептов правого пути – в чьих руках вещи секреты действительного значения находятся в сохранности – мало тех, кто понимают «черные» вызывания. Иначе как западные, так и восточные дугпы быстро расправились бы со своими врагами. Имя последних – легион, ибо прямые потомки допотопных колдунов ненавидят всех тех, кто не с ними, уверяя поэтому, что они против них.

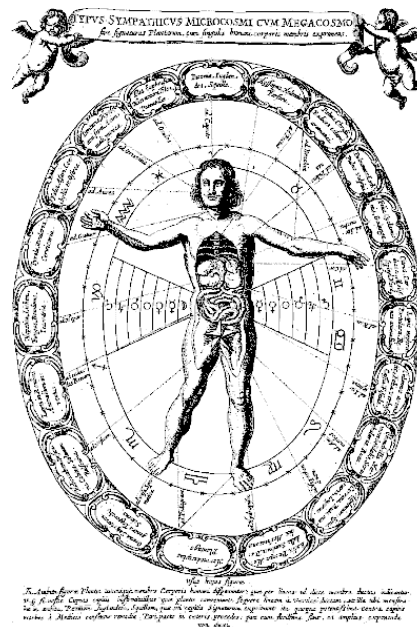
Что же касается «Малого Альберта» – несмотря на то, что этот маленький полуэзотерический томик стал литературной редкостью – и «Великого Альберта» или «Красного Дракона», вместе с бесчисленными старыми еще донныне существующими экземплярами, представляющими грустные остатки мифических Матерей-Шиптонов и Мерлинов – мы подразумеваем ложных – то все они являются вульгаризованными имитациями оригинальных трудов тех же названий. Так «*Petit Albert*» представляет собою искаженную имитацию великого произведения, написанного на латинском языке епископом Адалбертом, оккультистом восьмого века, осужденным вторым Римским Консилиумом. Его труд был перепечатан несколько веков спустя и назывался «*Alberti Parvi Lucii Libellus de Mirabilibus Naturae Arcanis*». Строгости римско-католической церкви всегда были спазматическими. В то время как мы узнаем об этом осуждении, которое поставило церковь, как это будет показано, в отношении семи архангелов, добродетелей или тронов Бога в весьма затруднительное положение на долгие века, – остается только удивиться, обнаружив, что иезуиты не уничтожили архивов со всеми их бесчисленными хрониками и летописями по истории Франции и Испанского Эскуриала. И история и хроники первой подробно повествуют о бесценном талисмানে, полученном Карлом Великим от папы Римского. Это был небольшой томик по магии – или, вернее. Колдовству, весь полон каббалистическими

¹⁹⁰ Это род магического лука и стрелы, рассчитанный на уничтожение целых армий в один миг; упоминается в «*Рамаяне*», «*Пуранах*» и др.

рисунками, знаками, таинственными сентенциями и вызываниями, обращенными к звездам или планетам. Это были талисманы против врагов короля (*les ennemis de Charlemagne*), каковые талисманы, по словам летописца, оказались очень полезными, так как «все они (враги) умерли насильственной смертью». Этот маленький томик «*Enchiridium Leonis Papas*» исчез, и к счастью больше его не достать. Опять-таки, алфавит Тота можно смутно проследить в современном Таро, которое можно приобрести почти в каждой книжной лавке Парижа. Что же касается того, как его понимают и как им пользуются, то многие предсказыватели судьбы в Париже, зарабатывающие посредством этого себе на жизнь, являют собой грустный пример провалов при попытках чтения, не говоря уже о правильном истолковании, символизма Таро без предварительного философского изучения этой науки. Настоящее Таро с полной своей символикой может быть обнаружено только в вавилонских цилиндрах, где любой может изучать его в Британском музее и в других местах. Каждый может посмотреть на эти халдейские допотопные ромбы или вращающиеся цилиндры, покрытые священными знаками, но секреты этих предсказательных «колес» или как де Мирвиль называет их, «вращающиеся шары Гекаты», придется оставить нерасказанными еще на некоторое время. Пока что имеются для младенцев «вращающиеся столы» современных медиумов, и для сильных – «Каббала». Это может дать некоторое утешение.

Люди весьма склонны употреблять термины, которых они не понимают и произносить суждения по *prima facie* впечатлению. Разницу между белой и черной магией очень трудно полностью опознать, так как обе должны быть судимы по их мотивам, от которых зависят их окончательные, хотя и не непосредственные следствия, даже если они годами не проявляются. Между «(магией) правой и левой руки только нить паутины», говорит восточная пословица. Давайте прислушаемся к ее мудрости и подождем, пока не узнаем больше.

Нам придется с большими подробностями возвратиться к теме связи «Каббалы» с гуптавидьей, и иметь дело далее с эзотерическими и числовыми системами, но мы сперва должны проследить линию адептов в послехристианские времена.

ОТДЕЛ XII

ДОЛГ ИСТИННОГО ОККУЛЬТИСТА ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИЯМ

Рассмотрев дохристианских посвященных и их мистерии – хотя о последних следует сказать больше – нужно сказать несколько слов о ранних послехристианских адептах, не взирая на их личные верования и доктрины, и последовательность их места в Истории, как в священной, так и светской. Наша задача – анализировать это адептство с его сверхнормальными тавматургическими или, как их теперь называют, психологическими силами; воздать каждому такому адепту должное, учитывая, во-первых, что представляют собою те исторические материалы, которые дошли до этих поздних времен, и во-вторых, рассмотреть законы вероятности в отношении упомянутых сил.

В начале, пишущей должно быть разрешено сказать несколько слов в оправдание того, что предстоит сказать. Было бы в высшей степени несправедливо усмотреть на этих страницах какой-либо вызов или неуважение к христианской религии и менее всего – желание уязвить чьи-либо чувства. Теософ не верит ни в божественные, ни в сатанинские чудеса. На таком расстоянии во времени он может добиться только *prima facie* свидетельства и судить о них по тем результатам, на которые претендуется. Для него нет ни святых, ни колдунов, ни пророков, ни предсказателей; а только адепты или знатоки по производству деяний феноменального характера, оцениваемые по их словам и деяниям. Единственное различие, которое он в состоянии сделать теперь, зависит от достигнутых результатов – по свидетельствам, были ли эти результаты благотворны или вредоносны по своему характеру воздействия на тех, за кого или против кого сила этого адепта была применена. Оккультист не может и ему *нельзя* руководствоваться произвольными суждениями последователей той или иной религии о чудодеях той или другой религии. Христианина – чья религия приказывает ему считать Петра и Павла святыми, и боговдохновенными апостолами, а Симона и Аполлония – кудесниками и некромантами, служащими Силам Зла и получающими от них помощь, – можно вполне оправдать, если он является истинным правоверным христианином. Но также и оккультист оправдан, если он хочет служить истине и только истине, отвергая такой односторонний взгляд. Ученику оккультизма нельзя принадлежать к какому-либо вероисповеданию или секте, но все же он обязан оказывать внешнее уважение каждому вероисповеданию и верованию, если он хочет стать адептом закона Добра. Он не должен быть связанным предвзятыми и сектантскими мнениями кого-либо, а должен сформировать свои собственные мнения и прийти к своим собственным заключениям в соответствии с правилами доказательств, доставляемых ему тою наукою, которой он посвятил себя. В качестве иллюстрации к сказанному: если оккультист является буддистом, то в то время как он будет рассматривать Гаутаму Будду как величайшего адепта, какой когда-либо жил, как воплощение самоотверженной любви, беспредельного милосердия и моральной благости, он будет рассматривать в том же свете и Иисуса, провозглашая Его другим таким же воплощением всех божественных добродетелей. Он будет чтить память этого великого Мученика даже в то время, когда будет отказываться признавать в нем воплощение на земле единого верховного божества, и «Самого Бога богов» на Небесах. Он будет лелеять образ этого идеального человека за его личные добродетели, а не за те претензии, какие возлагали на него фанатические мечтатели первых веков и хитроумно расчетливые церковь и богословие. Он даже поверит в большинство «приписываемых чудес», но только будет объяснять их в соответствии с правилами своей науки и по своему психическому распознаванию. Отвергая термин «чудо» – в смысле богословском, считающим это событием, совершившимся «вопреки установленным законам природы» – он, тем не менее, будет рассматривать его как отклонение от (до сих

пор) известных науке законов, что совсем другое дело. Кроме того, оккультист будет, основываясь на *prima facie* свидетельстве «Евангелий» – доказанных или нет – причислять большинство таких деяний к благотворной, божественной магии, хотя он будет оправдан, рассматривая такие события, как изгнание бесов с переселением их в стадо свиней,¹⁹¹ как аллегорические и пагубные для истинной веры по смыслу их мертвой буквы. Вот взгляды, которых придерживался бы настоящий беспристрастный оккультист. И в этом отношении даже фанатические мусульмане, которые рассматривают Иисуса из Назарета, как великого Пророка и оказывают Ему почитание, дают полезный урок милосердия христианам, которые учат и считают, что «религиозная веротерпимость нечестива и абсурдна»,¹⁹² и которые никогда не отзываются о пророке ислама иначе, как о «ложном пророке». Именно на этих принципах оккультизма мы теперь будем рассматривать Петра и Симона, Павла и Аполлония.

Имеется добрая причина, почему именно эти четыре адепта избраны, чтобы появиться на страницах этой книги. Они являются первыми адептами в периоде после появления христианства – как отмечено в светской, и в священной истории – которые задали основной тон в «чудесах», то есть психических и физических феноменах. Лишь богословское ханжество и веротерпимость могли так злобно и произвольно разъединить две гармонические части на два различных проявления божественной и сатанинской магии, на «благочестивые» и «неблагочестивые» деяния.

¹⁹¹ *Матфей*, VIII, 30-34.

¹⁹² «*Dogmatic Theology*», III, 345.

ОТДЕЛ XIII

АДЕПТЫ ПЕРИОДА ПОСЛЕ ПОЯВЛЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА И ИХ ДОКТРИНЫ

Что, вообще, мир знает о Петре и Симоне, к примеру? В светской истории нет записей об этих двух, тогда как то, что нам рассказывает о них так называемая священная литература, разбросано и содержится в нескольких фразах «Деяний». Что касается *Апокрифов*, то само их название запрещает критикам доверять их информации. Однако оккультисты заявляют, что как бы односторонни и предубежденны они ни были, эти апокрифические «Евангелия» содержат гораздо больше исторически правдивых событий и фактов, нежели Новый Завет, в том числе «Деяния». Первые являются голыми необработанными преданиями, последние же (официальные «Евангелия») представляют собою тщательно разработанные легенды. Святость Нового Завета – личное дело каждого и дело слепой веры, и тогда как каждый обязан уважать личное мнение своего соседа, никто не принуждается его разделять.

Кто был Симон Волхв и что о нем известно? Из «Деяний» мы только узнаем, что вследствие своих замечательных магических способностей он был прозван «Великая Божья Сила». Сказано, что Филипп крестил этого самаритянина, и впоследствии его же обвиняют в том, что он предлагал деньги Петру и Иоанну, чтобы они обучили его искусству творить настоящие «чудеса», при этом утверждается, что ложные – от Дьявола.¹⁹³ Это все, если мы пропустим слова оскорбительные, свободно бросаемые в него за сотворение «чудес» последнего рода. Ориген упоминает, что Симон посетил Рим во время царствования Нерона,¹⁹⁴ а Мошеим помещает его среди открытых врагов христианства,¹⁹⁵ но оккультная традиция обвиняет его не более как в отказе признавать «Симеона» наместником Бога, был ли этим «Симеоном» Петр или еще кто-нибудь другой – это все еще остается открытым вопросом для критиков.

То, что Иринея¹⁹⁶ и Епифаний¹⁹⁷ говорят о Симоне Волхве, а именно, что он выдавал себя за воплощенную троицу; что в Самарии он был Отец, в Иудее Сын, и что неевреям он выдавал себя за Святой Дух, – просто клевета. Времена и события меняются, человеческая натура остается такую же, неизменившейся под любым небом и во все века. Это обвинение является результатом и продуктом традиционного и теперь классического *odium theologicum*. Ни один оккультист – из которых все испытывали на себе в большей или меньшей степени воздействие затаенной богословской злобы – никогда не поверит таким обвинениям по одним только словам Иринея, если он действительно когда-либо это сам писал. Далее о Симоне рассказывается, что он держал при себе одну женщину, которую он выдавал за Троянскую Елену, которая прошла через сотню перевоплощений и которая еще раньше, в начале эонов, была Софией, божественной мудростью, эманацией собственного его (Симона) Вечного Разума, когда он (Симон) был «Отцом»; и наконец, что с нею он «зачал архангелов и ангелов, которые и создали этот мир», и т. д.

Но мы все знаем, какой степени преобразования и какой пышной поросли может быть подвержено любое голое изложение факта, если оно прошло хотя бы полдюжины рук. Кроме того, все эти заявления могут быть объяснены, и даже показаны, как истинные в основе своей. Симон Волхв был каббалист и мистик, который, подобно многим другим реформаторам, стре-

¹⁹³ VIII, 9, 10.

¹⁹⁴ «*Adv. Celsum*».

¹⁹⁵ «*Eccles. Hist.*», I, 140.

¹⁹⁶ «*Contra Hoereses*», X, XXIII, 1-4.

¹⁹⁷ «*Contra Hoereses*», II, 1-6.

мился основать новую религию, обоснованную на основных учениях Тайной Доктрины, все же не разглашая ее тайн больше, чем это необходимо. Почему же тогда Симон, мистик, глубоко проникнувшийся знанием факта серийных перевоплощений (мы можем оставить в стороне их число «сотню», как вероятное преувеличение его учеников), не мог говорить о ком-либо, кого он опознал психически как воплощение некоей героини с тем именем, если он, вообще, говорил это? Разве мы не находим в нашем собственном веке женщин и мужчин, не каких-то шарлатанов, но интеллигентных людей, занимающих высокое положение в обществе, внутренняя убежденность которых говорит им – одной, что она была королева Клеопатра, другому – что он был Александром Великим, третьей – что Жанной Д'Арк и кем только и чем только нет? Это – дело внутренней убежденности, и обосновано на большем или меньшем знакомстве с оккультизмом и верой в современную теорию перевоплощения. Последняя расходится с единой подлинной доктриной древности, как это будет показано, но ведь нет правила без исключения.

Что же касается того, что Волхв «един с Богом-Отцом, с Богом-Сыном, и с Богом Святым Духом», то это, опять-таки, вполне допустимо, если мы признаем, что мистик и провидец имеет право пользоваться аллегорическим языком; а в данном случае, кроме того, это вполне оправдано доктриной Вселенского Единства, преподаваемой эзотерической философией. Каждый оккультист скажет то же самое на (для него) научном и логическом основании, в полном согласии с учением, которое он исповедует. Нет ведантиста, который не говорил бы того же самого ежедневно: конечно, он Брахман, он и Парабрахман, раз он отвергает индивидуальность своего личного духа и признает божественный Луч, который обитает в его Высшем Я, лишь как отражение Вселенского Духа. Это – эхо во всех временах и веках от первоначальной доктрины об Эманациях. Первой Эманацией из Неизвестного является «Отец», второй – «Сын», и все и всё исходит из Единого, или того божественного духа, который «непознаваем». Отсюда и утверждение, что с нею (Софией, или Минервой, божественной мудростью) он (Симон), когда все еще пребывал в лоне Отца, сам являющийся Отцом (или первой коллективной Эманацией), зачал архангелов – «Сына» – которые стали творцами этого мира.

Сами римские католики, прижатые к стене неопровержимыми доказательствами своих оппонентов – ученых филологов и символогов, которые разносят в прах церковные догмы и их авторитетов, и указывают на множественность элохимов в Библии – ныне признают, что первое «творение» Бога, цаба или архангелы, должны были участвовать в сотворении вселенной. Разве нам нельзя думать, что:

Хотя «Бог один сотворил небеса и землю» ... однако, как бы они (ангелы) ни были непричастны к первоначальному *ex nihilo* творению, они могли получить задание завершить, продолжить и поддержать его? ¹⁹⁸

воскликает де Мирвиль в ответ Ренану, Лакуру, Мори и *tutti quanti* Французского Института. С некоторыми изменениями это как раз то, что утверждает Тайная Доктрина. На самом деле не было ни одной доктрины, проповедуемой многими Реформаторами первого и последующих веков нашей эры, которая не основывала бы свои первоначальные учения на этой универсальной космогонии. Справляйтесь у Мошеима и вы увидите, что ему приходится говорить по поводу многих «ересей», которые он описывает. Еврей Церинт

Учил, что Творец этого мира... Державный Бог еврейского народа, был Существом, который вел свое происхождение от Всевышнего Бога;

что это Существо, кроме того,

Постепенно отпало от своей природной добродетели и первоначального достоинства.

¹⁹⁸ Там же, XX, 337.

Василид, Гарпократ и Валентин, египетские гностики второго столетия придерживались тех же самых идей с немногими изменениями. Василид проповедовал, что было семь эонов (воинств или архангелов), которые изошли из субстанции Всевышнего. Двое из них, Сила и Мудрость, породили небесную иерархию первого класса и достоинства; эта эманировала вторую; последняя третью, и т. д.; причем каждая последующая эволюция была по своей природе менее возвышенная, чем предыдущая, и каждая творила для себя Небеса, как обиталище; натура каждого из этих небес соответственно уменьшалась в красоте и чистоте по мере приближения к состоянию земли. Таким образом количество этих Обиталищ дошло до 365; и над всеми ними главенствовал Высочайший Неизвестный, наименованный Абракасас, это имя по греческому методу исчисления дает число 365, которое в своем мистическом и числовом значении содержит число 355, или человеческую величину.¹⁹⁹ Это была одна из гностических Тайн, базирующаяся на Тайне первоначальной Эволюции, которая закончилась «человеком».

Сатурнил из Антиохии провозгласил ту же самую доктрину, слегка видоизмененную. Он учил о существовании двух вечных принципов: Добра и Зла, которые суть просто Дух и Материя. Семеро ангелов, которые управляют семью Планетами, являются Строителями нашей вселенной, что является чисто Восточной доктриной, так как Сатурнил был азиатский гностик. Эти ангелы являются естественными Хранителями семи Областей нашей Планетной Системы, причем одним из наиболее могущественных среди этих семи творящих ангелов *третьего* класса был «Сатурн», правящий гений этой Планеты и Бог еврейского народа: то есть Иегова, которого почитали среди евреев и которому они посвятили седьмой день недели, или саббат, субботу (*Saturday*) – «день Сатурна» среди скандинавов и также индусов.

Маркион, который также придерживался доктрины двух противоположных принципов Добра и Зла, утверждал, что между этими двумя имеется еще третье божество – «смешанной природы» – Бог евреев, Творец (вместе со своим Воинством) низшего или нашего Мира. Хотя он всегда находился в состоянии войны с Принципом Зла, все же это промежуточное Существо было также противопоставлено Принципу Добра, места и титула которого оно домогалось.

Таким образом Симон был только сыном своего времени, религиозным реформатором, подобно многим другим, и адептом среди каббалистов. Церковь, для которой вера в его действительное существование и в его великие силы является необходимостью – для того, чтобы лучше выделить «чудо», совершенное Петром, и его победу над Симоном – превозносит, не скупясь, удивительные магические деяния последнего. С другой стороны, скептицизм, проявленный специалистами и учеными критиками, пытается совершенно отделаться от него. Так, после отрицания самого существования Симона, они, наконец, считают подходящим слить его индивидуальность целиком с индивидуальностью Павла. Анонимный автор «*Сверхъестественной религии*» упорно старался доказать, что под именем Симона Волхва мы должны подразумевать апостола Павла, чьи *Послания* были тайно, так же как и открыто оклеветаны Петром, который осуждал их, как содержащих «слаборазумную ученость». Действительно, это кажется более чем вероятным, когда мы думаем об этих двух апостолах и сопоставляем их характеры.

Апостол неевреев был смелый, откровенный, искренний и очень ученый; апостол Обрезания же был трусливый, осторожный, неискренний и очень невежественный. Что Павел частично, если и не полностью, был посвящен в теургические мистерии, – почти нет сомнений. Его язык, фразеология, настолько своеобразная и присущая греческим философам, неко-

¹⁹⁹ Десять является совершенным числом всевышнего Бога среди «проявленных» божеств, так как число 1 есть символ Вселенской Единицы или мужского принципа в природе, а число 0 есть женский символ, Хаос, Глубь, таким образом эти двое образуют символ Андрогинной природы, так же как и полную величину солнечного года, который также являлся величиной Иеговы и Еноха. У Пифагора десять было символом вселенной, также *Enos*, Сына Сета, или «Сына Человеческого», который употребляется, как символ солнечного года в 365 дней, и годы которого поэтому также даются как 365. В египетском символизме Абракасас был Солнцем, «Владыкою Неба». Круг есть символ единого Непроявляющегося Принципа; плоскость этой фигуры есть бесконечность вечная, она пересекается диаметром только в течение манвантар.

торые выражения, употребляемые только посвященными – все это является верными отличительными признаками, ведущими к такому заключению. Наше подозрение было подкреплено талантливой статьей д-ра А. Уайлдера под заглавием «Павел и Платон», в которой автор выдвигает одно замечательное и для нас весьма ценное наблюдение. Он показывает, как изобилуют «Послания к Коринфянам» Павла выражениями, навеянными сабазийскими и элевсинскими посвящениями, и лекциями (греческих) философов. Он (Павел) характеризует себя как *idiotes*, т. е. как человека, неискующего в Слове, но не в *гнозисе*, или философской учености. «Мудрость же мы проповедуем между совершенными», – пишет он, – «но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую ... *никто из властей века сего не познал*». [1 Коринф., II, 6-8]

Что же другое мог этот апостол подразумевать под этими недвусмысленными словами, как не то, что он сам, как принадлежащий к *мистам* (посвященным), говорил о вещах, показываемых и объясняемых только в мистериях? «Премудрость Божия, которую *никто из властей века сего не познал*», очевидно, имеет какое-то непосредственное отношение к Базилею элевсинского посвящения, который *знал*. Этот Базилей принадлежал к окружению великого иерофанта и был одним из архонов Афин; в качестве такового он был одним из главных *мистов* и принадлежал ко *внутренним* мистериям, к которым только очень избранное и малое количество получало доступ.²⁰⁰ Должностные лица, заведовавшие элевсиниями, назывались архонами.²⁰¹

Однако сперва давайте разберемся с Симоном Волхвом.

²⁰⁰ См. «*Eleusinian and Bacchic Mysteries*» Тэйлора.

²⁰¹ «Разоблаченная Изида», II, гл. 2.

ОТДЕЛ XIV СИМОН И ЕГО БИОГРАФ ИППОЛИТ

Как уже было показано в наших более ранних томах, Симон был учеником танаимов Самарии, и та репутация, которую он оставил после себя, вместе с титулом «Великая Божья Сила», свидетельствует о талантливости и учености его Учителей. Но танаимы были каббалистами той же самой тайной школы, что и Иоанн «*Апокалипсиса*», чьей тревожной целью было скрывать по возможности больше из настоящего значения имен в *Книгах Моисея*. Все же клеветнические наговоры, так ревниво распускаемые против Симона Волхва неизвестными авторами и составителями «*Деяний*» и других писаний, не могли до такой степени затмить правды, чтобы скрыть тот факт что ни один христианин не мог состязаться с ним в тавматургических деяниях. Басня, которую рассказывают про его падение во время воздушного полета, когда он сломал обе ноги и затем покончил жизнь самоубийством, – смешна. Потомство услышало только одну сторону этого рассказа. Если бы ученики Симона имели возможность заговорить, то, возможно, оказалось бы, что это был Петр, кто сломал обе ноги. Но в противоположность такой гипотезе мы знаем, что этот апостол был слишком благоразумен, чтобы когда-либо рискнуть показаться в Риме. По признанию нескольких писателей из духовенства, ни один апостол никогда не совершал таких «сверхъестественных чудес», но, конечно, набожные люди скажут, что это тем более доказывает, что через Симона действовал Дьявол. Симона обвинили в кощунстве против Святого Духа только потому, что он ввел в качестве «Святого Духа» *Mens* (Разум) или «Матерь всего». Но мы обнаруживаем то же самое выражение в «*Книге Еноха*», в которой, в противоположность «Сыну Человеческому», он говорит о «Сыне Женщины». То же самое выражение употреблено в «*Кодексе назареев*», в «*Зогаре*», так же как и в *Книгах Гермеса*, и даже в апокрифическом «*Евангелии от Евреев*» мы читаем, что Иисус признавал женский пол Святого Духа, пользуясь выражением «Моя Мать, Святая Пневма».

Однако, после долгих лет отрицания, действительное существование Симона Волхва было окончательно доказано, будь он Савл, Павел или Симон. В Греции была найдена рукопись, говорящая о нем под последним именем, что и положило конец дальнейшим рассуждениям. В своей «*Histoire des Trois Premiers Siècles de l'Eglise*»²⁰² М. де Пресенз высказывает свое мнение по этому добавочному литературному памятнику раннего христианства. Вследствие многих мифов, которыми история Симона изобилует – он говорит – многие богословы (среди протестантов – ему следовало бы добавить) пришли к заключению, что эта рукопись не лучше, чем искусная ткань из легенд. Но он добавляет:

Она содержит положительные факты, которые, кажется, теперь подтверждаются единодушным свидетельством отцов церкви и повествованием Ипполита, недавно найденным.²⁰³

Эта рукопись далека от того, чтобы быть лестной для предполагаемого основателя западного гностицизма. Признавая великие силы Симона, она в то же время клеймит его жрецом Сатаны, что вполне достаточно, чтобы показать, что это писал христианин. Она также показывает, что подобно другому «слуге Злого Духа» – как церковь прозвала Манеса – Симон был *крещенный* христианин, но что оба, будучи слишком хорошо осведомленными в тайнах истинного *первичного* христианства, подвергались за это преследованиям. Секрет таких преследований как был тогда, так и теперь совсем прозрачен для тех, кто исследует этот вопрос беспристрастно. Стремясь сохранить свою независимость, Симон не мог подчиниться води-

²⁰² II, 395.

²⁰³ Цитировано де Мирвилем, там же, VI, I, 42.

тельству или авторитету кого-либо из апостолов, и менее всего авторитету Петра или Иоанна, фанатического автора «Апокалипсиса». Вот почему за обвинениями в ереси последовала «анафема маранафа». Преследования церкви никогда не были направлены против магии, когда она была ортодоксальная, ибо новая теургия, учрежденная и регулируемая отцами и теперь известная христианскому миру, как «милость» и «чудеса», была, и все еще есть, когда она случается, только магия – сознательная или бессознательная. Такие феномены, которые перешли к потомству под названием «божиих чудес», были сотворены посредством сил, приобретенных великою чистотою жизни и экстазом. Молитва и созерцание, добавленные к аскетизму, являются лучшими средствами дисциплины, чтобы стать теургом, когда нет регулярных посвящений. Ибо сильная молитва о совершении чего-либо желаемого есть только сильная *воля* и желание, имеющие своим результатом бессознательную магию. В наши дни Георг Мюллер из Бристоля это доказал. Но «божественные чудеса» творятся теми же самыми причинами, которые порождают последствия Колдовства. Разница целиком зависит от добрых или злых целей, какие имеются в виду, и от действующего, который их производит. Громы церкви были направлены только против тех, кто отступали от формул и приписывали самим себе сотворение чудодейственных следствий, вместо того; чтобы приписывать их авторство личному Богу; и так, в то время как те адепты магического искусства, которые действовали по ее прямым инструкциям и под ее покровительством были провозглашены для потомства и истории святыми и друзьями Бога, все другие с криком выгонялись из церкви и обрекались на вечное оклеветание и проклятия с их времени и доныне. Догма и власть всегда были проклятием человечества, великими гасителями света и истины.²⁰⁴

Вероятно, это было опознание зародыша того, что впоследствии в тогда только что зародившейся церкви выросло в вирус ненасытной власти и честолюбия, дошедшего в своей кульминации до догмы непогрешимости, что заставило Симона и многих других отколоться от нее при самом ее зарождении. Секты и отступничества начались с первого века. В то время как Павел открыто упрекает Петра, Иоанн клеветает, прикрываясь видением, на николаитов и заставляет Иисуса заявить, что он ненавидит их.²⁰⁵ Поэтому мы мало обращаем внимание на обвинения против Симона, имеющиеся в рукописи, найденной в Греции.

Она озаглавлена «*Philosophumena*». Ее автор, которым греческая церковь считает святого Ипполита, назван папистами «неизвестным еретиком» – только потому, что в ней он «очень клеветнически» отзываясь о папе Каллисте, тоже святом. Тем не менее и греки и латиняне согласно заявляют; что «*Philosophumena*» является необычным и весьма эрудированным трудом. За его древность и подлинность поручились лучшие авторитеты Тюбингена.

Кто бы ни был этот автор, о Симоне он выражается так:

Симон, человек, весьма сведущий в магических искусствах, обманул многих людей, частично посредством искусства Трасимидеса,²⁰⁶ и частично с помощью демонов²⁰⁷ ... Он решил выдавать себя за бога... пользуясь помощью

²⁰⁴ М-р Сен Джордж Лэйн-Фокс прекрасно выразил эту идею в своем красноречивом обращении ко многим соперничающим школам и обществам Индии. «Я уверен», сказал он, «что главным мотивом, хотя и смутно осозанным, которым вы, как зачинатели этих движений, были движимы, было возмущение против тиранического и почти всеобщего установления посредством всех существующих общественных и так называемых религиозных институтов узурпированной власти в какой-то внешней форме, вытеснившей и затемнившей единственную настоящую, максимальную власть – присущий дух истины, открытый для каждой индивидуальной души, истинное сознание, фактически, тог высший источник всей человеческой мудрости и силы, который поднимает человека над уровнем зверя». («К членам Арья Самадж, Теософскому обществу, Брахма и Инду Самадж и другим религиозным и прогрессивным обществам в Индии».)

²⁰⁵ *Откровение*, II, 6.

²⁰⁶ Это «искусство» не есть обыкновенный обман, как его теперь называют некоторые; это что-то вроде психологического фокуса, если вообще это фокус, где чары и волшебство применяются в качестве средств для создания иллюзий. Это гипнотизм в большом масштабе.

²⁰⁷ Тут автор проявляет свою принадлежность к христианам.

своих злых искусств, он использовал к своей выгоде не только учения Моисея, но и учения поэтов... Его ученики до сегодняшнего дня применяют его чары. Благодаря заклинаниям, зельям, своим притягательным ласкам,²⁰⁸ и тому, что они называют «спячками», они посылают демонов для воздействия на всех тех, кого они хотят зачаровать. С этой целью они пользуются теми, кого они называют «знакомыми демонами».²⁰⁹

Далее в этой рукописи мы читаем:

Волхв (Симон) велел тем, кто хотели о чем-либо справиться у демонов, записать их вопросы на куске пергамента; затем этот кусок, сложенный вчетверо, бросали в горящую жаровню, чтобы дым от него раскрыл содержание написанного Духу (демону) («*Philosophumena*», IV). Горстями бросались курения на раскаленные уголья, причем Волхв добавлял туда на кусках папируса еврейские имена Духов, к которым он обращался, и пламя пожирало все. Очень скоро казалось, что *божественный* Дух овладевал Волхвом, который произносил непонятные заклинания и погружался в такое состояние, что отвечал на каждый вопрос – часто при этом над пламенеющей жаровней появлялись фантастические привидения (*ibid*, III); иногда огонь спускался с неба на предметы, на которые Волхв перед тем указывал (*ibid*, III); или же вызванное божество, пересекая комнату в своем полете, прочерчивало огненные круги (*ibid*, IX).²¹⁰

До сих пор вышеприведенные данные согласуются с данными Анастасия Синаита:

Люди видели, как Симон заставлял статуи ходить; как он входил в пламя не обжигаясь; как превращал свое тело в различных животных (ликантропия); как на пирах вызывал привидения и фантомов; как с помощью невидимых *духов заставлял мебель двигаться по комнате*. Он объявил, что его сопровождает множество теней, которых он назвал «душами умерших». Наконец, бывало, что он летал по воздуху... (Анаст., «*Patrol. Grecque*», том LXXXIX, col. 523, *quaest.* XX).²¹¹

В своей книге «*Нерон*» Светоний говорит:

В те дни некий Икар упал при своем первом полете близ ложи Нерона и залил ее своею кровью.²¹²

Эта фраза, очевидно имевшая в виду неудачливого акробата, потерявшего опору и рухнувшего вниз, приведена как доказательство, что это был Симон, который упал.²¹³ Но имя последнего, если мы должны доверять отцам церкви, было слишком знаменито, чтобы историк мог о нем упомянуть просто как о «некоем Икаре». Пишущая эти строки вполне осведомлена о том, что в Риме имеется место, называемое Симионум, вблизи церкви святых Козьмы и Дамиана (*Via Sacra*), и развалины древнего храма Ромула, где по сей день показывают куски разбитого камня, на которых, как утверждают, отпечатались два колена апостола Петра во время благодарственной молитвы после приписываемой ему победы над Симоном. Но чего стоит этот

²⁰⁸ Очевидно, магнетические пассы, за которыми следует транс и сон.

²⁰⁹ «Элементаль», используемые высшими адептами для выполнения механической, не умственной работы; точно так же, как физик пользуется газами и другими составами.

²¹⁰ Цитата взята из де Мирвиля, там же, VI, 43.

²¹¹ Там же, VI, 45.

²¹² Там же, стр. 46.

²¹³ *Amedée Fleury*, «*Rapports de St. Paul avec Sénèque*», II, 100. Все это суммировано из де Мирвиля.

показ? Вместо кусков разбитого камня буддисты Цейлона показывают на Пике Адама целую скалу с другим отпечатком на ней. Утес стоит на его платформе, терраса которого служит опорой огромному валуну, и на этом валуне почти три тысячи лет видят священный отпечаток ступни длиною пять футов. Почему не поверить легенде последнего, если мы должны принять на веру легенду о Св. Петре? «Князь апостолов», «князь реформаторов», или даже «первородный сын Сатаны», как называют Симона, – все вправе на переход в легенды и выдумки. Однако человеку должно быть предоставлено право разбираться в этом.

Что Симон мог летать, т. е. подниматься в воздух на несколько минут, не представляет невозможного. Современные медиумы совершали то же самое, будучи поддерживаемы силой, которую спиритуалисты упрямо называют «духами». Но если Симон эти проделал, то проделал это с помощью самоприобретенной слепой силы, которая мало обращает внимания на молитвы и приказы соперников-адептов, не говоря уже о святых. Факт заключается в том, что логика противоречит приписываемому падению Симона по молитве Петра. Ибо, если бы Симон был публично побежден этим апостолом, его ученики покинули бы его после такого очевидного знака неполноценности и стали бы правоверными христианами. Но мы обнаруживаем, что даже автор «*Philosophumena*», как раз такой христианин, дает другие показания. Симон так мало потерял в глазах своих учеников и народных масс, что продолжал ежедневно проповедовать в Римской Кампанье после приписываемого ему падения с облаков «значительно выше Капитолия», причем в этом падении он сломал только ноги! Можно сказать, что такое счастливое падение само по себе уже является чудом.

ОТДЕЛ XV

СВ. ПАВЕЛ—ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ОСНОВАТЕЛЬ НЫНЕШНЕГО ХРИСТИАНСТВА

Мы можем повторить вместе с автором «Фаллицизма»:

Мы все стоим за *построение* – даже за *христианское*, хотя, разумеется, за философское *построение*. Мы не имеем никакого отношения к реальности в человеческом ограниченном, механическом, научном смысле, или к *реализму*. Мы беремся доказать, что мистицизм – сама жизнь и душа религий;²¹⁴ ... что «Библия только неправильно читается и неправильно представляется, когда ее отвергают, как преподносящую басни и противоречивые утверждения; что Моисей не ошибался, но говорил с «детьми людей» на единственном языке, на котором можно обратиться к *детям* в их младенчестве; что этот мир представляет собою нечто совсем другое, нежели то, чем его считают; что то, что высмеивается как суеверие, есть только истинное и единственное научное *знание* и, кроме того, что современное знание и современная наука является в большей мере не только *суеверием*, но суеверием очень разрушительным и смертоносным.²¹⁵

Все это совершенно правдиво и верно. Но также верно и то, что Новый Завет, «Деяния» и «Послания» – как бы ни была исторически правдива фигура Иисуса – все представляют собою символические и аллегорические высказывания, и что «то был не Иисус, но Павел, кто являлся настоящим основателем христианства»;²¹⁶ но, во всяком случае, это не было официальное церковное христианство. «Ученики впервые были названы христианами в Антиохии», говорится в «Деяниях Апостолов»,²¹⁷ и они так не назывались ни до этого, ни долго после этого, а просто – назаряями.

Такой взгляд мы находим не только у одного писателя, как настоящего, так и прошлых столетий. Но до сих пор он всегда откладывался, как недоказанная гипотеза, как кощунственное предположение, хотя, как автор труда «Павел – основатель христианства»²¹⁸ правильно говорит:

Такие люди, как Ириней, Епифаний и Евсевий оставили потомству репутацию о такой бесчестной и полной лжи деятельности, что тошнит при повествованиях о преступлениях того периода.

Это тем более так, потому что вся христианская система обоснована на *их* высказываниях. Но у нас теперь имеется другое подтверждение, и на этот раз обоснованное на совершенном чтении библейских глифов: В «Источнике мер» мы читаем следующее:

Следует помнить, что наше нынешнее христианство есть христианство Павла, а не Иисуса. В своей жизни Иисус был еврей, подчиняющийся закону; даже более того, Он говорит: «Книжники и фарисеи сидят на седалище

²¹⁴ Но мы никогда не согласимся с автором, «что обряды, ритуалы и формальное богослужение и молитвы являются абсолютно необходимыми», так как внешнее может развиваться и расти, и получать преклонение только за счет и во вред внутреннего, единственно реального и истинного.

²¹⁵ Х. Дженнингс, *op. cit.*, стр. 37, 38.

²¹⁶ См. «Разоблаченная Изида», II, гл. 11.

²¹⁷ XI, 26.

²¹⁸ Ст. д-ра А. Уайлдера в «*Evolution*».

Моисея; поэтому, что бы они ни повелели вам делать, вы это соблюдайте и делайте». И опять: «Я пришел не для того, чтобы нарушать закон, но чтобы исполнить его». Поэтому Он находился под властью закона до дня своей смерти и, пока жив, не мог отменить ни йоты из него. Он был обрезан и велел совершать обрезание. Но Павел сказал, что обрезание ничего не дает, *он* (Павел) отменил этот закон. *Савл* и *Павел* – то есть Савл под властью закона, и Павел, освобожденный от обязательств закона – были в одном человеке, только параллелизмами *во плоти*, Иисуса, человека, находящегося под властью закона и соблюдающего его, который таким образом умер в *Chrestos* и поднялся освобожденным от своих обязательств в духовном мире как *Christos*, или восторжествовавший Христос. Это был Христос, который был освобожден, но Христос был в Духе. Савл во плоти был функцией и параллелью Хрестоса. Павел во плоти был функцией и параллелью Иисуса ставшего Христом в духе, как первоначальная реальность, чтобы соответствовать и действовать для *анофеоза*: и так облеченный всею властью во плоти; чтобы отменить человеческий закон.²¹⁹

Истинная причина, по которой Павел обрисован, как «отменяющий закон», может быть найдена только в Индии, где до сегодняшнего дня сохранились в полной чистоте наиболее древние обычаи и привилегии, несмотря на злоупотребления, тоже в такой степени. Существует только один класс людей, которые могут безнаказанно попирают законы брахманских установлений, в том числе и кастовых, и это – *совершенные* «Свами», йоги – которые достигли или про которых думают, что они достигли первой степени на пути к состоянию Дживанмукта – или полностью посвященные. А Павел бесспорно был посвященный. Мы процитируем один или два отрывка из «*Разоблаченной Изиды*», так как лучше сказать об этом, чем было сказано тогда, мы не можем.

Возьмем Павла: прочтите то малое подлинное, что осталось от него в писаниях, приписываемых этому смелому, честному, искреннему человеку, и вы увидите, может ли кто-либо обнаружить в них хотя бы одно слово, которое означало бы, что Павел подразумевал под словом Христос что-либо больше, нежели абстрактный идеал личной божественности, обитающей в человеке. Для Павла Христос не есть личность, но воплощенная идея. «Если какой-либо человек пребывает в Христе, он есть новое творение», *он возродился* как после посвящения, ибо Господь есть дух человека. Павел был единственный из апостолов, кто понял сокровенные идеи, лежащие в основе учений Иисуса, хотя он никогда не встречался с ним.

Но сам Павел не был непогрешимым или совершенным.

В своем стремлении к осуществлению новой и широкой реформы, охватывающей все человечество, он искренне ставил свои собственные доктрины значительно выше мудрости веков, выше древних мистерий и заключительных откровений эпоптам.

Другим доказательством, что Павел принадлежал к кругу «посвященных», является следующий факт. У апостола голова была пострижена в Сенхрее, где был посвящен Люций (*Анулей*), так как «он дал обет». Назары – или отделенные – как мы читаем в еврейских священных писаниях, должны были срезать свои волосы, которые они носили длинными и которых «бритья не должна была касаться» во всякое другое время, и приносить их в жертву на алтарь посвящения. А назары представляли собой класс халдейских теургов или посвященных.

В «*Разоблаченной Изиде*» доказано, что Иисус принадлежал к этому классу.

Павел заявляет, что: «По милости Божией, которая дана мне, как мудрому *мастеру-строителю*, я заложил основание» [*1 Коринф.*, III, 10].

²¹⁹ Указанное издание, стр. 262.

Это выражение, мастер-строитель, употребленное только *один раз* во всей Библии, и употребленное Павлом, может рассматриваться, как целое откровение. В мистериях третья часть священных ритуалов называлась Эпоптейя или откровение, допуск к тайнам. В сущности это означает высшую стадию ясновидения – божественную; ... но действительное значение этого слова будет «надсмотр» от *óλτοσα* – «я вижу сам». В санскритском языке корень *ал* первоначально имел то же значение, хотя теперь его понимают как «обретать».²²⁰

Слово *эпоптейя* есть составное слово от *ели*, «на», и *óλτοσα*, «смотреть», или надсмотрщик, надзиратель, также употребляющееся как мастер-строитель. Титул мастера-каменщика в масонстве произошел от этого слова в том смысле, как оно применялось в мистериях. Поэтому, когда Павел титулуется себя как «мастер-строитель», то он употребляет слово преимущественно каббалистическое, теургическое и масонское, которое не употреблял ни один другой апостол. Таким образом он объявляет себя *адентом*, имеющим право посвящать других.

Если мы будем производить поиски в этом направлении с греческими мистериями и «Каббалой» перед нами в качестве верных путеводителей, то будет легко раскрыть тайную причину, почему Петр, Иоанн и Иаков так преследовали и ненавидели Павла. Автор «Откровения» был еврейский каббалист, *purosang*, со всею ненавистью, унаследованною им от своих праотцов по отношению к языческим мистериям.²²¹ Его зависть в течение жизни Иисуса простиралась даже на Петра, и только после смерти их общего Учителя мы видим как эти два апостола – первый из них носил митру и петалун еврейского раввина – яростно стали проповедовать обряд обрезания. В глазах Петра Павел, который унижил его, и который, как он чувствовал, намного превосходил его по части «греческой учености» и философии, естественно должен был показаться магом, человеком, осквернившимся «Гнозисом», «мудростью» греческих мистерий – следовательно, возможно, «Симоном Волхвом» в качестве сравнения, а не прозвища.²²²

²²⁰ В своем наиболее пространном значении это санскритское слово имеет то же буквальное значение, что и греческое слово, оба подразумевают «откровение», но не от человека, а путем «приема священного питья». В Индии посвященные принимали «Сому», священное питье, которое помогало освободить душу от тела; в элевзинских же мистериях это было священное питье, даваемое в Эпоптейе. Греческие мистерии целиком возникли из брахмано-ведических ритуалов, а последние от доведических религиозных мистерий – от первоначальной философии мудрости.

²²¹ Нет надобности констатировать, что «Евангелие от Иоанна» не было написано Иоанном, но платоником или гностиком, принадлежащим к неоплатонической школе.

²²² Там же. Тот факт, что Петр преследовал «нееврейского апостола» под этим именем, необязательно означает, что не было Симона Волхва, как отдельной личности от Павла. Оно могло стать именем нарицательным, оскорбительным. Теодорет и Златоуст, наиболее ранние и плодотворные из комментаторов по гностицизму тех дней, кажется в самом деле делают из Симона какого-то соперника Павла, причем констатируют, что они оба часто обменивались посланиями. Первый, как прилежный пропагандист того, что Павел называет «антитезисом Гнозиса» («1 Послание Тимофею»), должно быть, был как бельмо на глазу у апостола. Имеется достаточно доказательств, что Симон действительно существовал.

ОТДЕЛ XVI ПЕТР – ЕВРЕЙСКИЙ КАББАЛИСТ, А НЕ ПОСВЯЩЕННЫЙ

Что касается Петра, критика Библии показала, что, по всей вероятности, он не имел никакого другого отношения к основанию Латинской церкви в Риме, как только то, что он дал этой церкви предлог, за который так охотно ухватился коварный Ириней – предлог наделения этой церкви новым именем для этого апостола – Петра или Киффа – именем, которое путем легкой игры словами могло удачно быть связано с «Петрома». Петрома – это была пара каменных дощечек, употребляемых иерофантами при посвящениях во время завершающей мистерии. В этом кроется секрет претендования Ватикана на трон Петра. Как уже было процитировано в «Разоблаченной Изиде», II, гл. 2:

«В восточных странах название *ⲡⲉⲧⲣ* Петер (на финикийском и халдейском языках – истолкователь), очевидно, было титулом этого персонажа (иерофанта)...²²³

Постольку, и как «истолкователи» нео-христианства, папы римские совершенно бесспорно обладают правом называться наследниками титула Петер, но они едва ли имеют право называться наследниками и, менее всего, истолкователями доктрин Иисуса Христа, ибо существует Восточная церковь, более старая и намного более чистая, нежели римская иерархия, которая всегда преданно придерживалась первоначальных учений апостолов и, как известно из истории, отказалась следовать за латинскими отступниками от первоначальной Апостолической церкви; однако, довольно любопытно, что ее римская сестра до сих пор именует ее «раскольнической» церковью. Бесплезно повторять здесь причины изложенного выше, так как все они находимы в «Разоблаченной Изиде»,²²⁴ где слова петер, патар и питар объяснены, и показано происхождение «Сиденья Питы». После изучения вышеизложенных страниц, читатель узнает, что на гробу царицы Ментухепты одиннадцатой династии (2250 г. до Р. Х. по Бунзену) была найдена надпись, эта надпись, в свою очередь, оказалась списанной с семнадцатой главы «Книги Мертвых», относящейся не позднее как к 4500 году до Р. Х., или к 496 году до Сотворения Мира по хронологии *Книги Бытия*. Тем не менее барон Бунзен показывает группу данных иероглифов (*Петер-реф-су*, «Слово мистерий») и священную формулу, перемешанную с целым рядом пояснительных заметок и различных толкований на памятнике 4000-летней давности.

Это равносильно высказыванию, что запись (правильное истолкование) в то время уже перестала быть понятной... Мы просим наших читателей понять, что священный текст, гимн, содержащий слова ушедшего духа, существовал в таком виде около 4000 лет тому назад и был полностью непонятным царским писцам.²²⁵

«Непонятным» для непосвященных – это несомненно; это доказывается запутанными и противоречивыми пояснительными заметками. Все же не может быть сомнения, что это было – ибо *еще продолжает быть* – словом мистерий. Барон далее поясняет:

Мне кажется, что наш ПТР есть буквально старый арамейский и еврейский «Патар», который встречается в повествовании об Иосифе в качестве специального слова для понятия *истолкование*, откуда и слово

²²³ «*Eleusinian and Bacchic Mysteries*» Тэйлора, ред. Уайлдера, стр. 17.

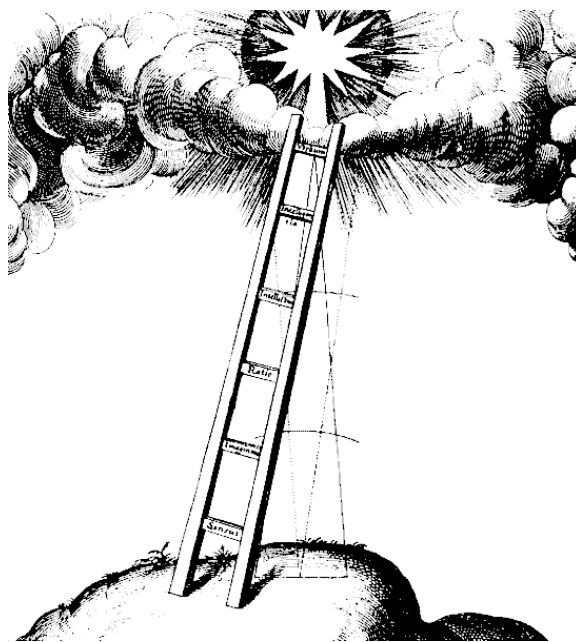
²²⁴ II, гл. 2.

²²⁵ Бунзен, «*Место Египта во всемирной истории*», V, 90.

пйтрум представляет термин для обозначения истолкования какого-либо текста или сна.²²⁶

Это слово, ПТР, было частично истолковано благодаря другому слову, подобным же образом написанному в другой группе иероглифов на стеле, глифом ему служило изображение открытого глаза, истолкованного Де Руже²²⁷ как «показаться», а Бунзенем – как «осветитель», что более правильно. Как бы то ни было, слово Патар или Петер поместило бы обоих, как учителя, так и ученика, в круг посвящения и соединило бы их с Тайной Доктриной, тогда как в «Сиденье Петра» мы едва ли можем усмотреть какую-либо связь с Петромой, двойными каменными дощечками, употребляемыми иерофантом при высшем посвящении в течение завершающей мистерии, как уже упоминалось, так же и с питха-стхана (сиденье или место сиденья) – термином, употребляемым в мистериях тантриков в Индии, в которых конечности Сати разбрасываются и затем снова соединяются, как конечности Озириса Изидой.²²⁸ Питха – санскритское слово, оно также употребляется для обозначения сиденья ламы-посвятителя.

Разобраться, являются ли все вышеприведенные термины просто «совпадением» или чем-то другим, предоставляем нашим ученым символогам и филологам. Мы констатируем факт и ничего больше. Многие, другие писатели, намного более ученые и заслуживающие быть выслушанными гораздо больше, чем автор данных строк когда-либо претендовал, достаточно наглядно доказали, что Петр никогда не имел какого-либо отношения к основанию Латинской церкви; что его предполагаемое имя Петра или Киффа, так же как и его апостольство в Риме является ничем иным, как просто игрой с термином, который в каждой стране означал, в той или иной форме, иерофанта, или истолкователя мистерий; и, наконец, что он вовсе и не умер мученической смертью в Риме, где он, по всей вероятности, никогда не был, а умер, дожив до почтенной старости в Вавилоне. В «*Сефер Толдот Иешу*», еврейской рукописи великой древности – это, очевидно, подлинник и очень драгоценный документ, судя по тому, как заботливо евреи скрывали его от христиан – Симон (Петр) упоминается как «верный слуга Бога», который проводил свою жизнь в аскетизме и медитации, как каббалист и назарей, который жил в Вавилоне «наверху башни, составлял гимны, проповедовал благотворительность», и там умер.

²²⁶ Там же.

²²⁷ «*Stela*», стр. 44.

²²⁸ См. «*Hindu Classical Dict.*», sub voc., «*Pitha-sthanam*».

ОТДЕЛ XVII АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ

В «*Разоблаченной Изиде*» сказано, что величайшие учителя богословия согласны в том, что почти все древние книги написаны символически на языке, понятном только посвященным. Примером тому является биографический очерк об Аполлонии Тианском. Как известно каждому каббалисту, он охватывает всю герметическую философию, являясь во многих отношениях двойником преданий, оставленных нам о царе Соломоне. Он читается, как сказка, но как и в случае последнего, иногда факты и исторические события преподносятся миру под окраской выдумки. Путешествие в Индию во всех своих стадиях представляет собою, конечно, аллегорически, испытания неопфита, давая в то же время географическое и топографическое представление об определенной стране в таком виде, какова она и теперь, если только знаешь, где ее искать. Долгие беседы Аполлония с брахманами, их мудрые советы, и диалоги с коринфянином Менипом дали бы, если их истолковать, Эзотерический Катехизис. Его посещение царства мудрецов, его беседы с их царем Хиархом, оракулом Амфиарауса, символически объясняют многие из сокровенных догм Гермеса – в нарицательном значении этого имени – и оккультизма. Это звучит поразительно, и если бы это утверждение не было бы поддержано многочисленными уже проделанными вычислениями, и тайна не была бы уже наполовину раскрыта, пишущая эти строки никогда не осмелилась бы это сказать. Путешествия великого мага описаны правильно, хотя и аллегорически – то есть все рассказанное Дамисом действительно имело место – но повествование обосновано на знаках Зодиака. Как *транслитерированное* Дамисом под руководством Аполлония и *переведенное* Филостратом, это и впрямь чудо. В заключение того, что теперь можно рассказать об этом чудесном адепте из Тианы, значение наших слов станет яснее. Пока что достаточно сказать, что упомянутые диалоги раскрыли бы наиболее значительные тайны природы, если бы они были правильно поняты. Элифас Леви указывает на великое сходство, которое существует между царем Хиархом и знаменитым Хирамом, от которого Соломон достал ливанские кедры и золото Офира. Но он сохраняет молчание по поводу другого сходства, о котором, как ученый каббалист, он не мог не знать. Кроме того, по своему неизменному обычаю, он больше вводит читателя в заблуждение, чем учит, ничего не выдавая и уводя с правильного следа.

Как и большинство исторических героев седой древности, чьи жизни и труды сильно отличаются от жизней и трудов обычного человечества, Аполлоний до сегодняшнего дня остается загадкой, для которой еще не нашлось своего Эдипа. Его существование окружено такою завесою тайны, что его часто принимают за миф. Но по всем законам логики и разума совершенно ясно, что Аполлония нельзя рассматривать в таком свете. Если этого Тианского Теурга зачислить в мифические герои, то у истории также нет права и на ее Цезарей и Александров. Совершенно правильно, что этот мудрец, который до нынешнего дня стоит непревзойденным по своим тавматургическим силам – историей засвидетельствованным – появился на арене общественной жизни неизвестно откуда и также исчез с нее, как кажется, никто не знает куда. Но причины этого очевидны. Все средства были пущены в ход – особенно в течение четвертого и пятого столетий нашей эры – чтобы вытравить из людских мозгов память об этом великом и святом человеке. Циркулированию его жизнеописаний, которых было много и которые были полны восторженных отзывов, препятствовали христиане, и не без основательной причины, как мы увидим. Дневник Дамиса уцелел чудом и остался единственным, чтобы рассказать эту повесть. Но не следует забывать, что Юстин Мученик часто говорит об Аполлонии, и характер и правдивость этого доброго человека безупречны, тем более, что в этом у него были причины чувствовать себя смущенным. Также нельзя отрицать, что едва ли найдется какой-либо отец церкви первых шести веков, который оставил бы Аполлония незамеченным. Только

в соответствии с неизменным христианским обычаем милосердия, их перья были обмокнуты, как обычно, в чернейшие чернила *odium theologicum*, нетерпимости и односторонности. Св. Иероним подробно излагает повествование о якобы состоявшемся состязании Св. Иоанна с мудрецом из Тианы – состязании по совершению «чудес» – и в этом повествовании, разумеется, правдивый святой²²⁹ в ярких красках изображает поражение Аполлония, стремясь при этом найти подтверждение в «*Апокрифе*» Св. Иоанна, которое было объявлено сомнительным даже церковью.²³⁰

Поэтому получилось так, что никто не может сказать, где и когда Аполлоний родился, и никто не знает, когда и где он умер. Некоторые думают, что во время смерти ему было восемьдесят или девяносто лет, другие – что сто или даже сто семнадцать. Но закончил ли он свои дни в Эфесе в 96 г. н. э., как говорят некоторые, или же это событие имело место в Линде в храме Паллас Афины, или он исчез из храма Диктинны, или же, как утверждают другие, он совсем не умер, но, будучи столетним, возобновил свою жизнь с помощью магии и продолжал свою работу на благо человечества, – никто этого сказать не может. Только в Сокровенных Записях отмечено его рождение и дальнейшая жизнь, но – «кто же верит в *такое* сообщение?»

Все, что история знает, заключается в том, что Аполлоний был полным энтузиазма основателем новой школы созерцания. Может быть, менее метафоричный и более практичный, чем Иисус, он все же прививал ту же самую квинтэссенцию духовности, те же самые высокие истины нравственности. Его обвиняют в том, что он ограничил свою деятельность высшими классами общества вместо того, чтобы поступать так, как поступали Будда и Иисус, которые проповедовали бедным и обездоленным. О причинах, почему он поступил таким исключительным образом, невозможно теперь судить, когда прошло так много лет. Но, кажется, что тут замешан кармический закон. Родившись, как нам говорят, среди аристократии, весьма вероятно, он захотел закончить работу, недоделанную в этом особом направлении его предшественником и потому стремился дать «мир на земле и доброжелательство» *всем* людям, а не только отверженным и преступным. Поэтому он общался с царями и сильными мира своего века. Тем не менее, все три «чудотворца» проявили удивительное сходство в целенаправленности. Подобно Иисусу и подобно Будде Аполлоний был непримиримый враг всякого внешнего показа набожности, всего показного блеска бесполезных религиозных церемоний, ханжества и лицемерия. Что его «чудеса» были более удивительными, разнообразными и лучше засвидетельствованными историей, чем какие-либо другие, это тоже правда. Материализм отрицает, но свидетельство и подтверждение даже со стороны самой церкви, сколько она ни поносила его, доказывает, что это факт.²³¹

Клеветнические сплетни, распушенные против Аполлония, были настолько многочисленны, насколько они были лживы. Еще спустя такое долгое время, как восемнадцать веков

²²⁹ См. «Предисловие к Евангелию Св. Матфея» Барония, I, 752, приведенное у де Мирвиля, VI, 63. Иероним – это тот отец церкви, который, обнаружив в библиотеке Цезаря подлинное «Евангелие» (еврейский текст) от Матфея, апостола-мытаря, «написанное рукою Матфея» (Иероним: «*De Viris*», *Illust.*, гл. III.), – как он сам признает – посчитал его еретическим и заменил его своим греческим текстом. Он также переделал текст «*Книги Иова*», чтобы придать силу верованию в воскресение во плоти. (См. «Разоблаченная Изида», том II, глава 4), цитируя в поддержку наиболее ученых авторитетов.

²³⁰ Де Мирвиль дает следующее волнующее описание этого «состязания». «Иоанн, понуждаемый, как Св. Иероним нам рассказывает, всеми церквями Азии провозгласить (перед лицом совершаемых Аполлонием чудес) более торжественным образом божественность Иисуса Христа, после долгой молитвы вместе со своими учениками на горе Патмос, будучи погружен в экстаз божественным Духом, сделал так, что все услышали среди грома и молний его знаменитое *In Principio erat Verbum*. Когда возвышенный экстаз, вследствие которого его называли «Сыном Грома», прошел, Аполлоний был вынужден удалиться и исчезнуть. Таково было его поражение, менее кровопролитное, но такое же тяжкое, как у Симона Волхва». («*The Magician Theurgist*», VI, 63.) Что касается нас, то мы никогда не слышали об экстазе, вызывающем грома и молнии, и мы затрудняемся понять смысл этого.

²³¹ Это старая, старая история. Кто из нас, теософов, не узнал по горькому опыту, до чего в этом направлении может дойти ненависть, злоба и преследование со стороны духовенства, до какой степени фальши, клеветничества и жестокости эти чувства могут доходить даже в дни нашей современности, и какими образчиками *Христо-подобного* милосердия самозванные слуги Его только не показали себя!

после его смерти, он был оклеветан епископом Дугласом в его труде против чудес. В этом труде достопочтимый епископ разбилась об исторические факты. Если мы будем изучать этот вопрос беспристрастно, мы вскоре поймем, что этика, проповедуемая Гаутамой Буддой, Платоном, Аполлоном, Иисусом, Аммонием Саккасом и их учениками, была обоснована на одной и той же мистической философии. Что все они поклонялись одному Богу независимо от того, считали они его «Отцом» человечества, который живет в человеке, как человек живет в Нем, или же Непостижимым Творческим Принципом; все они вели Богоподобные жизни. Аммоний, говоря о своей философии, учил, что их школа ведет свое начало со дней Гермеса, который принес свою мудрость из Индии. Это было полностью то же самое мистическое созерцание, как у йогов: общение брахмана со своим собственным сияющим Я – «Атманом».²³²

Таким образом показано, что основа эклектической школы тождественна с доктринами йогов – индусских мистиков; доказано, что они имеют общее происхождение из того же источника, что и ранний буддизм Гаутамы и его архатов.

Несказуемое имя, в поисках которого так много каббалистов – незнакомых ни с одним из восточных или даже европейских адептов – напрасно тратят свои знания и жизни, обитает латентным в сердце каждого человека. Это волшебное имя, которое, согласно самым древним оракулам «устремляется в бесконечные миры *αχοινητω σροφαλιγγι*», может быть обретоено двояко: путем регулярных посвящений и – через «слабый голос», который Илия услышал в пещере Хореба, горы Бога. И «когда Илия услышал его, он закутал *лицо в плащ* и встал у входа в пещеру. И вот раздался *этот* голос».

Когда Аполлоний Тианский желал услышать «слабый голос», он обычно закутывался весь целиком в плащ из тонкой шерсти, на который он ставил обе свои ступни, после совершения неких магнетических пассов, и произносил не «имя», а призыв, хорошо известный каждому адепту. Затем он натягивал плащ поверх головы и лица, и его полупрозрачный или астральный дух был свободен. В обычной жизни он носил шерстяную одежду не больше, чем жрецы храмов. Обладание сокровенной комбинацией «имени» давало иерофанту верховную власть над каждым существом, человеческим или другим, стоящим ниже его самого по силе души.²³³

К какой бы школе он не принадлежал, несомненным остается тот факт, что Аполлоний Тианский оставил за собою бессмертное имя. Сотни трудов были написаны об этом удивительном человеке; серьезно обсуждали его историки; претенциозные глупцы, не будучи в состоянии прийти к какому-либо заключению по поводу этого мудреца, пытались отрицать само его существование. Что касается церкви, то она, хотя и проклинает его память, всегда стремилась представить его, как историческое лицо. Ее политика теперь, кажется, заключается в том, чтобы оставленное им впечатление направить по другому каналу – это известная и очень старая стратегия. Иезуиты, например, признавая его «чудеса», пустили в ход два потока мысли, и они были успешны, как во всем, что они предпринимают. Одна из партий обрисовывает Аполлония, как послушного «посредника Сатаны», окружая при этом его теургические силы самым чудесным и ослепительным блеском, тогда как другая партия заявляет, что все это рассматривает, как ловкую выдумку, написанную, имея в виду заранее определенную цель.

В своих многотомных Мемуарах о Сатане маркиз де Мирвиль по ходу своих выступлений за признание врага Бога в качестве творца спиритуалистических феноменов, посвящает целую главу этому великому адепту. Нижеприведенный перевод отрывков из его книги раскрывает весь этот заговор. Просим читателя не забыть, что каждый труд маркиза написан под покровительством и по уполномочиям папского престола в Риме.

Было бы оставлением картины первого века неполной и нанесением оскорбления памяти Св. Иоанна, если бы мы обошли молчанием имя человека, который имел честь быть его осо-

²³² «Разоблаченная Изида», II, гл. 7.

²³³ Там же.

бенным противником, как Симон был противником Св. Петра, Элимас – Павла, и т. д. В первые годы христианской эры... в Тиане, в Каппадокии появился один из тех необычных людей, которыми так обильна была пифагорейская школа. Великий путешественник, как и его учитель, посвященный во все тайные доктрины Индии, Египта и Халдеи, наделенный поэтому всеми теургическими силами древних магов, он изумлял, по очереди, все страны, которые он посещал и которые – наш долг это признать – кажется, благословляют его память. Мы не можем сомневаться в этом факте, не вступая в противоречие с подлинными записями истории. Подробности его жизни переданы нам историком четвертого века (Филостратом), который сам переводил дневник – куда день за днем заносились события жизни этого философа – написанный Дамисом, его учеником и близким другом.²³⁴

Де Мирвиль допускает возможность *некоторых* преувеличений как со стороны ведущего дневник, так и со стороны переводчика; но он «не думает, что они занимают много места в повествовании». Поэтому он сожалеет, обнаружив, что аббат Фреппель «в своих прекрасных «Очерках»²³⁵ называет дневник Дамиса выдумкой». Почему?

(Потому) что оратор основывает свое мнение на совершенном сходстве – рассчитанном, как он думает – этой легенды с жизнью Спасителя. Но изучая данный предмет более глубоко, он (аббат Фреппель) может убедиться, что ни Аполлоний, ни Дамис, ни даже Филострат никогда не претендовали на большую честь, чем уподобиться Св. Иоанну. Эта программа сама по себе была достаточно увлекательна и пародия достаточно скандальная, так как Аполлонию, благодаря магическим искусствам, удалось уравновесить, по внешнему виду, несколько чудес в Эфесе (сотворенных Св. Иоанном), и т. д.²³⁶

Anguis in herba показала свою голову. Именно совершенное, удивительное сходство жизни Аполлония с жизнью Спасителя ставит церковь между Сциллой и Харибдой. Отрицать жизнь и «чудеса» первого значило бы отрицать достоверность свидетельств тех же самых апостолов и писателей – отцов церкви, на свидетельствах которых построена жизнь самого Иисуса. Приписывать благотворные деяния этого адепта, такие как совершенные им воскрешения мертвых, поступки милосердия, его способность исцелять больных и т. п., «древнему врагу», на этот раз было бы довольно опасно. Отсюда стратегия – спутать представления тех, кто полагается на авторитеты и критиков. У церкви зрение гораздо острее, чем у любого из наших великих историков. Церковь *знает*, что отрицание существования этого адепта повело бы ее к отрицанию императора Веспасиана и *его* историков, императоров Александра Севера и Аурелиана и *их* историков, и, наконец, к отрицанию Иисуса и всякого свидетельства о Нем, подготавливая таким образом свое стадо, наконец, к отрицанию *самой себя*. Становится интересно узнать, что она в этом критическом положении говорит через свой избранный рупор – де Мирвиля. Она говорит следующим образом:

Что же тут такого нового и невозможного в повествовании Дамиса относительно их путешествия в страны халдеев и гимнософов? – он спрашивает. Прежде чем отрицать, постарайтесь припомнить, что представляли в те дни эти страны чудес *par excellence*, и также свидетельства таких людей, как Пифагор, Эмпедокл и Демокрит, про которых следовало бы думать, что они знали, о чем писали. В конце концов, в чем мы можем упрекнуть Аполлония? В том ли, что он произнес – как произносили Оракулы – ряд пророчеств и предсказаний, исполнившихся чудеснейшим образом? Нет; ибо, лучше изучивши, теперь мы *знаем*, что они такое.²³⁷ Оракулы теперь

²³⁴ «Pneumatologie», VI, 62.

²³⁵ «Les Apologistes Chrétiens au Second Siècle», стр. 106.

²³⁶ «Pneumatologie», VI, 62.

²³⁷ Много таких, которые *не знают*, следовательно, не верят в них.

стали для нас тем, чем они были для каждого в течение прошлого века, от Ван Дэйла до Фонтенелла. В том ли, что он обладал вторым зрением и имел видения на далеких расстояниях? ²³⁸ Нет; ибо такие феномены в настоящее время свойственны половине Европы. В том ли, что он хвастался, что знает все языки, какие только существуют под солнцем, хотя никогда ни одного из них не учил? Но кто же не знает того факта, что это является лучшим критерием ²³⁹ присутствия и помощи духа, какого рода он бы ни был? В том ли, что он верил в переселение (реинкарнацию)? Но в это все еще верят (миллионы) в наши дни. Никто не имеет представления о количестве ученых, которые хотели бы восстановить религию друидов и мистерии Пифагора. Или в том, что он изгонял демонов и чуму? Это и прежде делали египтяне, этруски и все римские папы.²⁴⁰ В том ли, что он беседовал с умершими? Сегодня мы делаем то же самое или верим, что делаем; это все одно и то же. В том ли, что он верил в существование эмпуз? Где тот демонолог, который не знает, что эмпуз есть «южный демон», упоминаемый в «Псалтыре» Давида, и которого страшились как тогда, так и теперь, во всей Северной Европе? ²⁴¹ В том ли, что по собственному желанию он мог стать невидимым? Это одно из достижений месмеризма. В том ли, что после (предполагаемой) своей смерти, он явился императору Аурелиану над городскими стенами Тианы и этим заставил его снять осаду города? Такова была миссия каждого героя, перешедшего в загробную жизнь, и это была причина, почему люди поклонялись манам.²⁴² Или в том, что он спустился в знаменитую пещеру Трофония и вынес оттуда старую книгу, которая после этого долго хранилась императором Адрианом в его библиотеке в Антиуме? Достоверный и трезво рассуждающий Павзаний спустился в ту же самую пещеру до Аполлония и возвратился оттуда не менее верующим. В исчезновении после смерти? Да, подобно Ромулу, подобно Вотану, подобно Ликургу, подобно Пифагору,²⁴³ всегда при весьма таинственных обстоятельствах, всегда сопровождаемых привидениями, откровениями и т. п. Остановимся и повторим еще раз: если бы жизнь Аполлония была просто *выдумкой*, он никогда не достиг бы такой известности в течение своей жизни и не создал бы такой многочисленной секты, оставшейся полной энтузиазма после его смерти.

И добавим к этому, если бы все это была выдумка, никогда Каракалла не стал бы возводить негои́н в его память,²⁴⁴ и Александр Север не поместил бы его бюст между бюстами двух

²³⁸ Совершенно верно. Во время лекции, которую Аполлоний произносил в Эфесе перед многотысячной аудиторией, Аполлоний воспринял совершаемое в Риме убийство императора Домициана и в этот же самый момент оповестил об этом весь город. Также и Сведенборг, таким же образом, находясь в Готенбурге, видел большой пожар в Стокгольме и сразу рассказал об этом своим друзьям, никакого телеграфа в те дни еще не было.

²³⁹ Это вовсе не критерий. Индусские садху и адепты приобретают этот дар святостью своих жизней. Йога-видья учит этому, и никаких «духов» не требуется.

²⁴⁰ Что касается римских пап, то это дело довольно сомнительное.

²⁴¹ Но это одно не может служить основанием для веры в существование такого класса духов. Для такой веры имеются авторитеты получше.

²⁴² Цель де Мирвиля заключается в том, чтобы показать, что все такие привидения манов или развоплощенных духов являются работой Дьявола, «сатанинскими подобиями».

²⁴³ Он мог бы прибавить: подобно великому Шанкарачарье, Цонг-к'а-па, и многим другим настоящим адептам – даже его собственному Учителю Иисусу; ибо это действительно есть критерий истинного адептства, хотя для того, чтобы «исчезнуть», вовсе нет надобности взлетать на облака.

²⁴⁴ См. «Lion Cassius», XXVII, XXVIII, 2.

ОТДЕЛ XVIII ФАКТЫ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВАНИИ БИОГРАФИЙ АДЕПТОВ

Дерево познается по плодам, натура адепта – по его словам и деяниям. Эти слова милосердия и сострадания, благородный совет, исходящий из уст Аполлония (или его сидерального фантома), как это изложено у Вописка, раскрывает оккультистам, кто был Аполлоний. Почему же тогда семнадцать веков спустя называть его «Посредником Сатаны»? Должна быть причина и притом весьма веская причина, чтобы оправдать и объяснить тайну такой сильной враждебности церкви против одного из благороднейших людей своего века. Причина для этого имеется и мы дадим ее словами автора книги *«Ключ к еврейско-египетской Тайне в Источнике мер»*, и профессора Сейфарта. Последний анализирует и объясняет выдающиеся даты жизни Иисуса и таким образом проливает свет на заключения первого. Мы цитируем обоих, сливая вместе.

По солнечным месяцам (по тридцать дней в каждом: один из календарей, употребляемый среди евреев) все замечательные события Ветхого Завета выпадают на дни равноденствий и солнцестояний: например, основание и освящение храмов и алтарей (и освящение скинии). В эти же самые кардинальные дни произошли наиболее замечательные события Нового Завета, например, благовещение, рождение и воскресение Христа, также рождение Иоанна Крестителя. Таким образом мы узнаем, что все замечательные эпохи Нового Завета типично освещались задолго до того Ветхим Заветом, начиная со дня, последовавшего за завершением Творения, который являлся днем весеннего равноденствия. Во время распинания на кресте, в 14 день нисана, Дионисий Ареопагит видел в Эфиопии солнечное затмение, и он сказал: «Теперь Господь (Иегова) чем-то страдает». Затем, Христос воскрес из мертвых 22-го марта, 17 нисан, в воскресенье, в день весеннего равноденствия [Сейфарт цитирует Филона де Септена] – то есть на Пасхе или в тот день, когда Солнце дает новую жизнь Земле. Слова Иоанна Крестителя: «Он должен увеличиваться, а я должен уменьшаться», служат доказательством, как подтверждено отцами церкви, что Иоанн родился в самый долгий день года, а Христос, который был моложе на шесть месяцев, в самый короткий, 22-го июня и 22-го декабря, в солнцестояниях.

Это сводится только к тому, чтобы показать, что в качестве другой фазы Иоанн и Иисус были только олицетворениями истории того же солнца, при различных аспектах и кондициях, и так как, по необходимости, одна кондиция следует за другой, то сообщение *«Луки»*, IX, 7, не только не было пустым, но было истиной, что «некоторые говорили, что (в Иисусе) Иоанн был воскрешен из мертвых». (И это соображение служит объяснением, почему Филостратова *«Жизнь Аполлония Тианского»* так упорно не допускалась к переводу и широкому распространению. Те, кто читали ее в оригинале, были вынуждены сказать, что или *«Жизнь Аполлония»* взята из Нового Завета, или же повествования Нового Завета из *«Жизни Аполлония»*, вследствие явного тождества *методов построения* этих повествований. Объяснение становится довольно простым, когда принимается во внимание, что имена *Иисус*, еврейское ω , и Аполлоний, или Аполлон, одинаково являются названиями *солнца в небесах*, и неизбежно, что история одного, поскольку это касается его путешествий через *знаки* с олицетворениями его страданий, восторжествований и чудес, может быть только *историей другого*, где применен широко распространенный обычный метод описания этих путешествий посредством олицетворения.) Также кажется, что впоследствии в течение долгого времени было известно, что все это покоится на астрономическом основании, ибо мирская церковь, так сказать, была основана Константином, и объективным условием установленного богослужения была та часть его декрета, в которой было утверждено, что почитаемый день *солнца* должен быть днем, отве-

денным для поклонения Иисусу Христу, как день *Солнца (Sun-day)*.²⁴⁹ Что-то таинственное и поразительное кроется в некоторых других фактах по поводу этого предмета. Пророк Даниил (*истинный пророк*, как говорит Грег),²⁵⁰ посредством чисел пирамиды, или астрологических чисел, предсказал отсечение Meshias, как оно и произошло (что могло бы послужить доказательством точности его астрономических познаний, если в то время было солнечное затмение) ... Однако храм был уничтожен в 71 году, в месяц Девы, и 71 есть число Голубя, как показано, или $71 \times 5 = 355$, и с *рыбой*, число Иеговы.

«Возможно ли», спрашивает далее автор, отвечая на тайную мысль каждого христианина и оккультиста, кто читает и вникает в его труд:

Возможно ли, что события человечества протекают сообразно с этими числовыми формами? Если это так, то, тогда как в качестве астрономического образа Иисус Христос соответствовал всему, что было выдвинуто, и возможно и более, – как человек Он мог заполнить, под числами, ответы в море жизни на предназначенный тип. Личность Иисуса не кажется уничтоженной, потому что, как *условие*, он отвечал астрономическим формам и отношениям. Арабы говорят: «Судьба твоя написана в звездах».²⁵¹

Также и «личность» Аполлония не «уничтожается» по той же самой причине. Случай Иисуса прокладывает дорогу для той же самой возможности в отношении случаев всех других адептов и аватаров, таких как Будда, Шанкарачарья, Кришна и т. д., всех настолько же великих и исторических для последователей в их странах, как Иисус из Назарета теперь для христиан и в этой стране.

Но имеется еще нечто в старой литературе первых веков. Ямвлих написал биографию великого Пифагора.

Последняя настолько близко напоминает жизнь Иисуса, что она может быть принята за пародию. Диоген Лаэртский и Плутарх излагают биографию Платона в подобном же стиле.²⁵²

Почему в таком случае удивляться о тех сомнениях, которые охватывают каждого ученого, изучающего все эти жизни? Церковь сама знала все эти сомнения в ранних своих периодах; и хотя только один из ее пап был публично и открыто известен, как язычник, сколько еще было таких, которые были слишком честолюбивы, чтобы открыть истину?

Эта «тайна», ибо действительно это есть тайна для тех, которые, не будучи посвященными, не могут найти разгадки совершенного подобия между жизнями Пифагора, Будды, Аполлония, и т. д., – является только естественным следствием для тех, которые знают, что все эти великие личности были посвященными одной и той же школы. Для них нет ни «пародии», ни «копии» одного с другого; для них они все «оригиналы», только нарисованные для того, чтобы изобразить один и тот же предмет: мистическую и в то же время общественную жизнь посвященных, посланных в мир спасти части человечества, если невозможно спасти всех. Отсюда – одна и та же программа для всех. Каждому приписанное «непорочное происхождение», имеющее в виду их «мистическое рождение» во время мистерий посвящения и принятое в буквальном смысле толпой, подбадриваемой в этом лучше осведомленным, но честолюбивым духовенством. Таким образом мать каждого из них была объявлена девственницей, зачавшей своего сына непосредственно от Святого Духа Бога; и сыновья, следовательно,

²⁴⁹ *Sunday* на англ. языке *воскресенье*. – Прим. перев.

²⁵⁰ «Истинный пророк», потому что посвященный, человек, совершенно владеющий оккультной астрономией.

²⁵¹ «*Key to Hebrew-Egyptian Mystery*», стр. 259 *et seq.* Астрономия и физиология суть тела, астрология и психология – оживляющие их души. Первые изучаются глазами чувственных восприятий; последние же – внутренним или «душевым зрением»; и обе – *точные науки*.

²⁵² «*New Platonism and Alchemy*», стр. 12.

были «Сыны Божии», хотя, по правде, никто из них не был более вправе на такое признание, чем его остальные посвященные-братья, ибо все они являются – поскольку это касалось их мистических жизней – лишь «олицетворениями истории того же солнца», каковое олицетворение является другою тайною в Тайне. Биографии внешних личностей, носящих имена таких героев, не имеют никакого отношения и являются совершенно независимыми от частных жизней этих героев, будучи только мистическими записями их общественной и, параллельно с ней, их *внутренней* жизни, в их состояниях как неофитов и посвященных. Отсюда явное тождество средств построения их соответственных биографий. С начала человечества крест, или человек с горизонтально вытянутыми руками, указывающими на его космическое происхождение, был связан с его психической природою и с борьбою, которая ведет к посвящению. Но, если раз доказано, что *а)* каждый истинный адепт должен был, и все еще должен, пройти через семь и двенадцать испытаний посвящения, символизированных двенадцатью трудами Геркулеса; *б)* что днем его действительного рождения рассматривается тот день, когда он рождается в этом мире духовно, причем сам возраст его начинает исчисляться с часа его второго рождения, которое делает его «дважды рожденным», Двиджа или посвященным, в который день он действительно рождается от Бога и непорочной Матери; и *в)* что испытания всех этих персонажей приводятся в соответствие с эзотерическим значением посвячительных обрядов – которые все соответствуют двенадцати знакам Зодиака, – тогда каждый поймет значение путешествий всех этих героев через знаки Солнца на Небе; и что они в каждом отдельном случае суть персонификация «страданий, торжеств и чудес» адепта, до и после его посвящения. Когда это будет подробно разъяснено миру, тогда и тайна всех этих жизней, которые так близко походят одна на другую, что история одной кажется историей другой и наоборот, подобно всему остальному станет ясной.

Возьмем, например, легенды – ибо *все* они легенды для эзотерических целей, каковы бы ни были отрицания в одном случае – о жизнях Кришны, Геркулеса, Пифагора, Будды, Иисуса, Аполлония, Чайтаньи. На мирском плане их биографии, если бы они были написаны кем-либо вне круга, при чтении весьма различались бы от тех повествований, которые сохранены о их мистических жизнях. Тем не менее, как бы они ни были замаскированы и сокрыты от непосвященного взгляда, все главные черты таких жизней там находимы общими. Каждая из этих личностей представлена, как божественно зачатый Сотер (Спаситель), титул, возлагаемый на божества, великих царей и героев; каждого из них или при рождении или впоследствии разыскивает и угрожает смертью (но никогда не убивает) противодействующая сила (мир Материи и Иллюзии), будь то царь Канса, царь Ирод или царь Мара (Злая Сила). Всех их искушают, преследуют и наконец, как утверждается, убивают в конце обряда посвящения, т. е. в их *физических* личностях, от которых, как полагают, они избавлены навсегда после *духовного* «воскрешения» или «рождения». И пришедшим таким образом к концу путем этой предполагаемой насильственной смерти, все они спускаются в Преисподнюю, Бездну или Ад – в Царство Соблазна, Похоти, и Материи, поэтому – в царство Тьмы, возвратившись оттуда, и преодолев «состояние Хреста», они прославляются и становятся «Богам».

Это великое сходство следует искать не в ходе их каждодневной жизни, но в их внутреннем состоянии и в наиболее важных событиях их деятельности, как учителей религии. Все это связано с астрономическим базисом и построено на нем, который служит в то же самое время основой для представления степеней и испытаний посвящения: спуск в Царство Тьмы и Материи *в последний раз*, чтобы потом появиться оттуда как «Солнца Праведности», является наиболее важным из них, и поэтому его находят в истории всех Сотеров – от Орфея и Геркулеса вплоть до Кришны и Христа. Эврипид говорит:

Геракл, который ушел из палат земли,

Оставив нижний дом Плутона.²⁵³

И Virgilius пишет:

Перед тобою Стягийские озера трепетали; тебя пес Орка
Боялся... Ты не боялся даже Тифона...
Привет тебе, *истинный сын Юпитера*,
слава богов умножилась.²⁵⁴

Орфей разыскивает в Царстве Плутона Эвридику, свою потерянную Душу; Кришна спускается в адские области и освобождает оттуда своих шесть братьев, сам будучи седьмым Принципом, это прозрачная аллегория его становления «совершенным посвященным» – все шесть Принципов погружаются в седьмой. Иисуса изображают спустившимся в царство Сатаны, чтобы спасти душу Адама, или символ материального, физического человечества.

Задумывался ли кто-нибудь из наших ученых востоковедов о поисках происхождения этой аллегории, об исходном «Семени» этого «Древа Жизни», давшего такое обилие ветвей с тех пор, как оно впервые было посажено на земле рукою ее «Строителей»? Боимся, что нет. И все же его можно найти, как теперь показано, даже в экзотерических искаженных толкованиях Вед – «Ригведы», самой старой и самой достоверной из всех четырех – этот корень и семя всех будущих посвященных-спасителей называется в ней Вишвакармой, «Отцовским» Принципом, «находящимся вне постижения смертных»; во *второй* стадии это Сурья, «Сын», который приносит Себя в жертву Себе; в третьей это посвященный, который жертвует *Свое физическое* Своему *духовному Я*. В Вишвакарме, «всетворящем», который становится (мистически) Виккартана, «солнцем, лишенным своих лучей», которое страдает из-за своей слишком пылкой натуры и затем прославляется (посредством очищения), – вот где был задан основной тон посвящения в величайшую тайну природы. Вот откуда секрет удивительного «сходства».

Все это аллегорично и мистично, и все же вполне понятно и ясно любому изучающему Восточный оккультизм, даже поверхностно знакомому с тайнами посвящения. В нашей объективной вселенной из материи и обманчивых внешностей Солнце является наиболее подходящей эмблемой дающей жизнь, благодетельного божества. В субъективном, беспредельном мире духа и действительности это яркое светило имеет другое и притом мистическое значение, которое полностью не может быть выдано публике. Так называемые «идолопоклоннические» парсы и индусы в своем религиозном почитании Солнца несомненно ближе к истине, нежели холодная, всегда анализирующая и настолько же ошибающаяся публика готова верить в настоящее время. Теософам, которые единственно в состоянии это усвоить, можно сказать, что Солнце есть внешнее проявление седьмого Принципа нашей Планетной Системы, тогда как Луна является ее четвертым Принципом, светящая в занятых одеждах своего хозяина, напитанная и отражающая каждый страстный импульс и злое желание своего грубо материального тела, Земли. Весь цикл адептства и посвящения и все его тайны связаны с этими двумя и с семью Планетами, и подчинены им. Духовное ясновидение происходит от Солнца; все психические состояния, болезни и даже сумасшествие происходят от Луны.

Даже по данным Истории – ее выводы весьма ошибочны, тогда как предпосылки большею частью правильны – существует чрезвычайная согласованность между «легендами» о каждом основателе религии (и также между обрядами и догмами их всех) и названиями и течением созвездий, возглавляемых Солнцем. Из этого, однако, вовсе не вытекает, что вследствие этого и Основатели их религии должны быть: одни – мифы, другие – суеверия. Они суть, каждая и

²⁵³ «Геракл», 807.

²⁵⁴ «Энеида», VIII, 274.

все, различные версии одной и той же природной изначальной Тайны, на которой была основана религия мудрости, и затем разработано развитие ее адептов. А теперь нам приходится еще раз просить читателя не слушать обвинений – против теософии вообще, и против пишущей эти строки в частности – о неуважении в отношении одного из величайших и благороднейших деятелей в истории адептства – Иисуса из Назарета – и даже о ненависти к церкви. Высказывание правды и фактов едва ли можно рассматривать, хоть сколько-нибудь придерживаясь справедливости, как кощунство или ненависть. Весь вопрос зависит от разрешения одного единственного пункта: был ли Иисус, как «Сын Божий» и «Спаситель» человечества, единственным в Мировой истории? Являлся ли Его случай – среди столь многих похожих претензий – единственно исключительным и беспрецедентным; Его рождение – единственным сверхъестественно беспорочным; и были ли все другие, как это утверждает церковь – лишь кощунственными сатанинскими копиями и плагиаторством при помощи предвидения? Или же Он был только «сыном своих деяний», особенно святым человеком и реформатором, одним из многих, кто заплатили Своею жизнью за дерзновенность в усилиях перед лицом невежества и деспотической власти просветить человечество и облегчить его бремя Своею этикой и философией? Первое требует слепой, всему противоборствующей веры, последнее же поддается каждому логикой и разумом. Более того, верила ли церковь сама всегда так, как она теперь верит – или, вернее, притворяется, что верит, чтобы таким образом оправдаться в своем бросании анафемы против тех, кто с нею не соглашается – или же она прошла через те же самые муки сомнений, нет, тайного отрицания и неверия, подавляемого только силою честолюбия и властолюбия?

На этот вопрос мы должны ответить утвердительно по отношению ко второй альтернативе. Это неопровержимое заключение и естественный вывод, обоснованный на фактах, известных из анналов истории. Оставляя пока что нетронутыми жизни многих пап и святых, которые громко выставляли свои лживые претензии на непогрешимость и святость, пусть читатель обратится к истории церкви, к записям о росте и прогрессе христианской церкви (а не христианства), и он найдет ответы на тех страницах. Один писатель говорит:

Церковь слишком хорошо познала выводы свободной мысли, возникшие в результате исследования, а также все те сомнения, которые вызывают ее гнев в настоящее время; и те «святые истины», которые она упорно провозглашает, по очереди допускались и отвергались, преобразались и переделывались, увеличивались и обрезались сановниками церковной иерархии, даже по отношению к наиболее фундаментальным догмам.

Где тот бог или герой, чье происхождение, жизнеописание и генеалогия были бы более туманными или более трудными для определения и, наконец, для соглашения, чем у Иисуса? Как этот ныне окончательный догмат относительно истинной природы Его был в конце концов решен? По Своей матери, согласно изложению евангелистов, Он был человек – простой смертный; по Своему Отцу Он – Бог! Но как? Человек Он тогда или Бог, или Он тот и другой в одно и то же время? – спрашивает озадаченный читатель. По истине, утверждения, выдвинутые по этому пункту учения, послужили причиной потоков чернил и крови, пролитых поочередно на бедное человечество, и все же сомнения остались неуспокоенными. В этом, как и во всем остальном, мудрые церковные Соборы противоречили самим себе и изменяли свои решения неоднократно. Давайте будем суммировать и бросим взгляд на тексты, предъявляемые нам для обзора. Это – История.

Епископ Павел из Самосаты отрицал божественность Христа на Первом Соборе в Антиохии; при самом начале и рождении богословского христианства Его называли «Сыном Божиим» просто по причине Его святости и добрых деяний. Его кровь была поддающейся тлению в Таинстве Евхаристии.

На Никейском Соборе, состоявшемся в 325 году нашей эры, Арий выступил со своими предпосылками, которые почти раскололи Католический Союз.

Семнадцать епископов защищали доктрины Ария, который из-за них был сослан. Тем не менее, тридцатью годами позже, в 355 г., на Миланском Соборе триста епископов подписали послание, выражающее верность взглядам Ария, несмотря на то, что за десять лет до этого, в 345 г., на новом Антиохийском Соборе евсевiane провозгласили, что Иисус Христос был Сын Божий и Един со Своим Отцом.

На Сардикийском Соборе в 357 г. «Сын» перестал быть единосущным. Аномаэнисты, которые отрицали эту единосущность, и арианцы восторжествовали. Годом позднее на Втором Анкирском Соборе было объявлено, что «Сын не был единосущ, но только подобен Отцу по своей сущности». Папа Либерий утвердил это решение.

В течение нескольких столетий Соборы боролись и ссорились, поддерживая наиболее противоречивые и оппозиционные взгляды; плодом их тяжелых родовых мук была Святая Троица, подобно Минерве появившаяся из богословских мозгов, вооруженная всеми громами церкви. Новая тайна была введена в мир среди ужасающей борьбы, где пускались в ход убийства и другие преступления. На Соборе в Сарагоссе, в 380 г., было провозглашено, что Отец, Сын и Святой Дух суть одно Лицо, а Христова человеческая натура только «иллюзия» – эхо индусской доктрины аватаров. «Раз попавши на этот скользкий путь, отцам пришлось скатиться вниз *ad absurdum*, что они и не преминули сделать». Как отрицать человеческую натуру в том, кто родился от женщины? Единственное мудрое замечание, высказанное в течение одного из Константинопольских Соборов, шло от Евтихия, который оказался достаточно смелым, чтобы сказать: «Пусть Бог сохранит меня от мудрствования о естестве моего Бога» – за что он был изгнан папой Флавием.

На Эфесском Соборе, в 449 г., Евтихий получил реванш. Когда Евсевий, правдивый епископ Цезареи, принуждал его к признанию в Иисусе Христе *двух* различных натур, Собор восстал против него, и было предложено сжечь Евсевия живьем. Епископы встали, как один человек, и с сжатыми кулаками и с пеной ярости требовали, чтоб Евсевий был разорван на две части и чтобы с ним поступили так, как он хотел поступить с Иисусом, чье естество он делил. Евтихий был снова восстановлен в сане и должности, а Евсевий и Флавий смещены. Затем обе партии яростно атаковали друг друга и вступили в драку. Со Св. Флавием епископ Диодор так плохо обошелся, так оскорблял и пинал его, что тот умер несколько дней спустя от нанесенных ему побоев.

Всякие нелепости получали одобрение на этих Соборах, и результатом являются ныне существующие живые парадоксы, называемые церковными догмами. Например, на Первом Никейском Соборе, в 314 г., был выдвинут вопрос: «При крещении беременной женщины распространяется ли это крещение также и на ее еще неродившееся дитя?» Собор ответил отрицательно на том основании, что «лицо, принимающее крещение, должно, как одна из сторон, выразить на то свое согласие, что невозможно для ребенка, находящегося в чреве матери». Таким образом несознательность является каноническим препятствием к крещению, и поэтому ни одно дитя, крещенное в нынешнее время, фактически не является крещенным. А что же тогда получается из этих десятков тысяч голодающих ребятишек язычников, окрещенных миссионерами во время голода или иначе тихонько «спасенных» слишком яркими падрэ? Проследите одно за другим прения и решения бесчисленных Соборов и увидите, на каком беспорядке противоречий построена нынешняя непогрешимая и Апостольская церковь!

А теперь мы видим, насколько парадоксальным, если взять в буквальном смысле, является утверждение *Книги Бытия*: «Бог создал человека по своему образу». Кроме яркого факта, что это не есть Адам из праха (2-ой главы), который был сотворен по божественному образу, но божественный андрогин (главы 1-ой), или Адам Кадмон, – каждый может убедиться, что

Бог – во всяком случае Бог христиан – был создан человеком по своему собственному образу, среди пинков, ударов и убийств ранних Соборов.

Любопытный факт, проливающий массу света на утверждение, что Иисус был посвященный и замученный адепт, дан в сочинении (уже так часто цитированном), которое может быть названо «математическим откровением» – в «*Источнике мер*».

Обращаем внимание к той части 46-го стиха 27-ой главы Матфея, а именно: «*Eli, Eli, Lama Sabachthani?*» – то есть, «Мой Бог, мой Бог, почему ты оставил меня?» Разумеется, наши версии взяты из оригинальных *греческих* рукописей (причина, почему у нас нет оригинальных еврейских рукописей относительно этих события заключается в том, что загадки в еврейском языке выдали бы себя после сравнения с источниками их происхождения, Ветхим Заветом). Греческие рукописи, без исключения, передают эти слова так —

Ηλι ηλι λεμα σαβαχθανι

Это *еврейские слова*, воспроизведенные *по-гречески*, и на еврейском языке представляют: למה שפחתני

Священное писание об этих словах говорит – «Мой Бог, мой Бог, почему ты оставил меня?», в их правильном переводе. Вот они, эти слова, бесспорно; и вне всякого сомнения таково их толкование, данное им Священным Писанием. Но к этим словам неприменимо такое толкование, и это – фальшивый перевод. Истинное значение их *как раз противоположно тому, которое дано*, и гласит —

Мой Бог, мой Бог, как ты прославил меня!

Но даже больше, ибо, несмотря на то, что *lama* означает *почему* или *как*, как отглагольное оно связывается с понятием *ослепить*, и в качестве наречия оно могло бы читаться «*как ослепительно*» и т. п. Это толкование навязано неосведомленному читателю и сделано соответствующим, как бы то ни было, исполнению пророческого изречения со ссылкой на полях на *первый стих двадцать второго псалма*, где написано:

«Мой Бог, мой Бог, почему ты оставил меня?»

На еврейском языке слова этого стиха суть —

אלי אלי למה שפחתני

ссылка на которых правильна, и толкование также правильно и хорошо, но с одним совершенно другим словом. Эти слова суть —

Eli, Eli, lamah asabxthani?

Никакое человеческое остроумие любой учености не в состоянии спасти этот отрывок от наличия в нем *фальшивого перевода*; а раз так, он превращается в страшнейший удар по священности этого изложения.²⁵⁵

В течение десяти или более лет заседали ревизионные корректоры (?) Библии, весьма внушительное собрание ученых страны, величайших знатоков еврейского и греческого языков в Англии, задавшиеся целью исправить неправильности и грубые ошибки, погрешности в пропусках и в добавлениях их менее ученых предшественников, переводчиков Библии. Неужели нам скажут, что никто из них не заметил бросающейся в глаза разницы между еврейскими

²⁵⁵ *App.*, VII, стр. 301.

словами в «Псалтыре» XXII, *asabxthani*, и *sabachthani* в «Матфее»; что они не сознавали эту умышленную фальсификацию?

Ибо это была «фальсификация». И если нас спросят о причине, почему ранние церковные отцы к ней прибегли, то ответ ясен: потому что эти *Сакраментальные* слова в правильном переводе принадлежали обрядам языческих храмов. Они произносились после страшных испытаний посвящения, и были еще свежи в памяти некоторых из «отцов», когда «Евангелие от Матфея» редактировалось на греческом языке. Наконец, потому что многие из иерофантов мистерий, а еще больше из посвященных в те дни были еще живы, и указанная сентенция, будучи изложенной в правильных словах, свела бы Иисуса непосредственно в класс простых посвященных. Слова: «Мой Бог, мое Солнце, ты излил свой свет на меня!» – являлись заключительными словами, которыми заканчивалась благодарственная молитва посвященного, «сына и прославленного Избранника Солнца». В Египте мы и поныне находим рельефы и картины, изображающие этот обряд. Кандидат находится между двумя божественными поручителями: один – «Озирис-Солнце» с головой ястреба, представляющий жизнь; другой – Меркурий, – с головой ибиса, психопомпный гений, который ведет Души после смерти к их новой обители, Гадесу, – образно представляющий смерть физического тела. Оба изображены изливающимися «струи жизни», воду очищения, на голову посвящаемого, обе эти струи, пересекаясь, образуют крест. Чтобы лучше сокрыть истину, этот *basso-relievo* также объяснялся, как «языческое предвидение христианской истины». Шевалье де Мюссе называет этого Меркурия:

Советник Озириса-Сола, так же как Св. Михаил является советником, Феруэром, Слова.

Монограмма Хрестоса и Лабарум, стандарт Константина – который, кстати сказать, умер язычником и никогда не был крещен – есть символ, происшедший из вышеупомянутого обряда, и также означает «жизнь и смерть». За долго до того, как крест был принят как христианский символ, он применялся как тайный знак опознавания среди неопитов и адептов. Элифас Леви говорит:

Знак креста, адаптированный христианами, не принадлежит исключительно им. Он – каббалистический, и изображает противоположения и четверичное равновесие стихии. Посредством оккультного стиха из «*Pater*», на который мы обращали внимание в другом сочинении, видим, что вначале существовало два способа сотворения его или, по крайней мере, две весьма различающиеся формулы для выражения его значения: одна – сохраненная для жрецов и посвященных; другая – даваемая неопитам и профанам.²⁵⁶

Теперь можно понять, почему «Евангелие от Матфея», Евангелие эбионитов, на его еврейском языке было навсегда исключено от мирского любопытного взора.

Иероним нашел достоверное и подлинное *Евангелие*, написанное по-еврейски Матфеем Мытарем; он нашел его в библиотеке, собранной в Кесарее мучеником Памфилием. «Я получил разрешение от назареев, которые в Берое, в Сирии, пользуются этим (евангелием), на его перевод», – пишет Иероним к концу четвертого века.²⁵⁷ – «В евангелии, которое назареи и эбиониты употребляют», – говорит он, – «которое недавно я переводил с еврейского на греческий и которое многими людьми называется *подлинным* «Евангелием от Матфея», и т. д.²⁵⁸

²⁵⁶ «*Dogme et Rituel de la Haute Magia*», II, 88.

²⁵⁷ (Иероним, «*De Viris Illust.*», III.) «Замечательно, что несмотря на то, что все отцы церкви говорят, что Матфей писал на еврейском языке, сами же они пользуются греческим текстом, как подлинным апостолическим писанием, без упоминания, какое отношение еврейское Евангелие от Матфея имеет к нашему греческому! Оно имело много *особого рода добавлений*, которые отсутствуют в нашем (греческом) Евангелии». (Олсхаузен, «*Jachweis der Echtheit der Sammllichen Schriften des Weuen fest.*», стр. 32; Данлэп. «*Sod, the Son of the Man*», стр. 44.)

²⁵⁸ «Комментарии к Матфею» (XII, 13), книга 11. Иероним добавляет, что оно было написано на халдейском языке, но

Что апостолы получали «сокровенное учение» от Иисуса и что он сам преподавал такое, очевидно из дальнейших слов Иеронима, который признался в этом в момент неосторожности. В письмах к епископам Хроматию и Хелиодору он жалуется, что ему «достался тяжелый труд с тех пор, как ваши преподобия приказали мне (перевести) то, что *Св. Матфей сам, апостол и евангелист, не захотел открыто писать*. Ибо, если бы оно не было *сокровенным*, он (Матфей) добавил бы к этому *евангелию*, что то, что он выдал, было его; но он составил эту книгу запечатанной в еврейские буквы, которые он расположил *даже таким образом*, чтобы эту книгу, написанной еврейскими буквами и *рукою его самого*, могли бы владеть *наиболее религиозные люди*, каковые также, с течением времени, получили ее от тех, кто предшествовали им. Но самую эту книгу они никогда не давали кому-либо переписывать, а *ее текст* они передавали одни по-одному, другие – по-другому».²⁵⁹ И далее он на этой же странице добавляет: «И случилось, что эта книга, будучи опубликованной одним последователем Манихея, по имени Селевк, который также фальшиво написал «*Деяния Апостолов*», выявила материал не для назидания, но для разрушения; и что эта книга была одобрена на синоде, к которому уши церкви правильно отказались прислушиваться».²⁶⁰

Иероним сам допускает, что книга, подлинность которой он свидетельствует, как написанной «*рукою Матфея*», тем не менее была книгой, которая, несмотря на тот факт, что он переводил ее дважды, была почти непонятна для него, ибо она была сокровенной или – *тайной*. Тем не менее Иероним хладнокровно относит все комментарии на нее, кроме своих собственных, к *еретическим*. Более того, Иероним знал, что это *Евангелие* было единственное *подлинное*, и все же он становится более ярым, чем когда-либо, в своем преследовании «еретиков». Почему? Потому что принятие его было равносильно прочтению смертного приговора установленной церкви. Уж слишком хорошо было известно, что «*Евангелие от евреев*» было единственным евангелием, признаваемым в течение четырех веков еврейскими христианами, назаряями и эбионитами. И никто из последних не признавал *божественности* Христа.²⁶¹

Эбиониты были первыми, самыми ранними христианами, чьим представителем являлся гностический автор «*Clementine Homilies*», и, как указывает автор «*Supernatural Religion*»,²⁶² эбионистический гностицизм когда-то был чистейшей формой христианства. Они были учениками и последователями ранних назареев – каббалистических гностиков. Они верили в эонов, как керинфяне, и в то, что «Мир был сложен ангелами» (дхиан-коганами), как об этом жалуется Епифаний («*Contra Ebionitas*»): «У Эбиона взгляды назареев, а форма керинфян». «Они решили, что Христос от семени человеческого», он сетует.²⁶³ Таким образом опять:

Эмблема Дан-Скорпион есть *смерть-жизнь* в символе

✠

, как *скрещенные кости и череп...* или *жизнь-смерть...* стандарт Константина, римского императора. Авель показан, что он Иисус, а Каин-Вулкан, или Марс, проткнул его. Константин был римский император, чьим богом войны был Марс, и римский солдат проткнул Иисуса на кресте...

еврейскими буквами.

²⁵⁹ «Св. Иероним», V, 445; Данлэп, «*Sod, the Son of the Man*», стр. 46.

²⁶⁰ Этим объясняется также отвержение сочинений Юстина Мученика, который признавал только это «*Еврейское Евангелие*», как по всей вероятности поступал и Тациан, его ученик. В каком позднем периоде божественность Христа была полностью учреждена, мы можем судить по тому простому факту, что даже в четвертом веке Евсевий не осуждал эту книгу как подложную, но только относил ее к такому, как «*Апокалипсис*» Иоанна; и Креднер («*Zur Gesch. des Kan.*», стр. 120) указывает на Никифора, внесшего ее вместе с «*Откровением*» в свою «*Стихометрию*» среди *Антилегомен*. Эбиониты, *истинные* первые христиане, отвергая все остальные апостолические писания, признавали только это Евангелие («*Adv. Ноег.*», I, 26), и они, как сообщает Епифаний, вместе с назаряями непоколебимо верили, что Иисус был только человек, «от человеческого семени».

²⁶¹ «Разоблаченная Изиды», II, гл. 4.

²⁶² II, 5.

²⁶³ См. также «Разоблаченная Изиды», II, гл. 4.

Но протыкание Авеля было завершением его союза с Каином, и это было подходяще под видом Марса Зародителя; отсюда двойной глиф – Марса-Зародителя (Озирис-Солнце) и Марса-Разрушителя (Меркурий, бог смерти, на египетском барельефе) в одном; означающий, опять-таки, первичную идею живого космоса или рождения и смерти, как необходимых для продолжения потока жизни.²⁶⁴

Цитируем еще раз из «Разоблаченной Изиды»:

При разрушении Серапеума, после того как кровавая схватка между христианской чернью и приверженцами язычества закончилась вмешательством императора, на одной гранитной плите стены внутреннего святилища был обнаружен «латинский крест» совершенно христианской формы. Это, действительно, было удачное открытие, и монахи не преминули заявить, что этот крест был высечен язычниками «в духе пророчества». По крайней мере, Созомен с торжествующим видом отмечает этот факт.²⁶⁵ Но археология и символика, эти неутомимые и непримиримые враги лживых претензий церковников, нашли в иероглифах надписи, обрамляющей этот знак, по меньшей мере частичное объяснение его значения.

Согласно Кингу и другим нумизматам и археологам, этот крест был помещен там в качестве символа вечной жизни. Такой «тау», или египетский крест, употреблялся в вакхических и элевсинских мистериях. В качестве символа двойственной порождающей мощи он возлагался на грудь посвященного после того, как «новое рождение» было завершено и мисты вернулись с крещения в море. Это был мистический знак, что его духовное рождение возродило и объединило его астральную душу с его божественным духом, и что он готов вознестись в духе в благословенные обители света и славы – в Элевсину. Тау был магическим талисманом и в то же время религиозной эмблемой. Он был принят христианами через гностиков и каббалистов, которые широко его применяли, как свидетельствуют их многочисленные геммы, и которые, в свою очередь, получили тау (или крест с рукояткой) от египтян, а латинский крест от буддийских миссионеров, которые принесли его из Индии (где он встречается и теперь) за два или три столетия до Р. Х. Ассирийцы, египтяне, древние американцы, индусы и римляне имели его в различных, но очень незначительных видоизменениях формы. До самого последнего времени в средних веках он считался могущественным чудодейственным средством против эпилепсии и демонической одержимости; и «печать Бога Живаго», принесенная в видении Св. Иоанна ангелом, поднявшимся с Востока, чтобы наложить «печати на чела рабов Бога нашего» – была тем же самым мистическим тау – египетским крестом. На витражах Св. Дионисия (Франция) этот ангел изображен отпечатывающим этот знак на лоб избранников; надпись гласит: *SIGNUM TAУ*. В книге Кинга «Гностики» автор напоминает нам, что «этот знак обычно носит Св. Антоний, египетский отшельник».²⁶⁶ Каково было действительное значение Тау, это поясняют христианский Св. Иоанн, египетский Гермес и индусские брахманы. Слишком уж очевидно, что, по крайней мере, у апостола тау означал «несказуемое Имя», так как про эту «печать Бога Живаго» несколькими главами дальше²⁶⁷ он говорит: «*имя Отца Его написано на челах*».

У Брахматмы, главы индусских посвященных, имелись на головном уборе два ключа, помещенные крестообразно – символ раскрытой тайны жизни и смерти; и в некоторых буддийских пагодах Татари и Монголии вход в помещение внутри храма, обычно содержащий лест-

²⁶⁴ «*Source of Measures*», стр. 299. Этот «поток жизни» на философском барельефе, только что упомянутом, эмблематизирован водою, изливаемой крестообразно на посвящаемого кандидата Озирисом – *Жизнью* и Солнцем, и Меркурием – *Смертью*. Это был *финал* обряда посвящения после того как *семь и двенадцать* мучений были успешно пройдены в криптах Египта.

²⁶⁵ Это еще один незаслуживающий доверия, лживый и невежественный писатель и историк духовенства пятого века. Его так называемая история о раздоре между язычниками, неоплатониками и христианами Александрии и Константинополя, охватывающая период с 324 по 439 г., посвященная им Феодосию младшему, – полна умышленных фальсификаций. – Edition of «*Reading*», Cantab, 1720, fol. Перевод Plon frères, Paris.

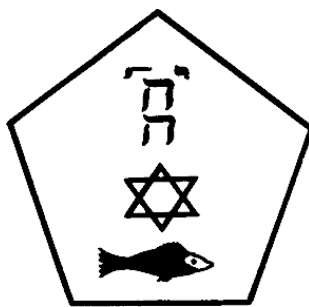
²⁶⁶ «*Gems of the Orthodox Christians*», v. I, p. 135.

²⁶⁷ *Откровение*, XIV, 1.

ницу, ведущую во внутреннюю дагобу,²⁶⁸ и портики некоторых прачид²⁶⁹ украшены крестом, образованным двумя рыбами, каковые также находимы на некоторых буддийских зодиаках. Нам совсем не следует удивляться, узнав, что священная эмблема в гробницах и катакомбах Рима «*Vesica piscis*» произошла от упомянутого буддийского зодиакального знака. Насколько всеобща должна быть эта геометрическая фигура в мировых символах, можно заключить из того факта, что существует масонское предание о том, что Храм Соломона был построен на трех фундаментах, образуя «тройное тау», или три креста.

В своем мистическом значении египетский крест обязан своим происхождением, как эмблема, пониманию самой ранней философией андрогинного дуализма каждого проявления в природе, который происходит от абстрактного идеала подобного же андрогинного божества, тогда как христианская эмблема обязана просто случайности. Если бы восторжествовал закон Моисея, Иисус был бы побит камнями.²⁷⁰ Распятие было приспособлением пытки, настолько же обычным у римлян, насколько оно было неизвестным среди семитских народов. Оно называлось «Древом Позора». Только позднее оно было принято как христианский символ, но в течение первых двух десятилетий апостолы взирали на него с ужасом.²⁷¹ Несомненно, Иоанн, говоря о «печати Бога Живаго» имел в виду не христианский крест, но мистический тау – тетраграмматон, или мощное имя, которое на самых древних каббалистических талисманах было представлено четырьмя еврейскими буквами, составлявшими святое слово.

Знаменитая леди Элленбороу, известная среди арабов Дамаска и в пустыне после ее последнего брака как *Hanoum Medijouyé*, стала обладательницей талисмана, преподнесенного ей неким другом с Ливанской горы. По определенному знаку на левом углу он был опознан как принадлежащий к тому классу гемм, которые известны в Палестине как «мессианские» амулеты второго или третьего века до Р. Х. Это зеленый камень пятиугольной формы; внизу выгравирована рыба; выше – печать Соломона;²⁷² еще выше – четыре халдейских буквы – *Jod, He, Vau, He*, JHVH, которые образуют имя божества. Они расположены совершенно необычно, располагаясь снизу кверху, в обратном порядке, и образуя египетский тау. Вокруг них имеется надпись, которую, поскольку гемма не наша, мы приводить не вправе. Тау в своем мистическом значении, так же, как и *Cruх Ansata*, есть *Древо Жизни*.

Хорошо известно, что самыми ранними христианскими эмблемами – прежде, чем были совершены попытки изобразить телесный вид Иисуса – были Агнец, Добрый Пастырь и Рыба. Происхождение последней эмблемы которая так смущала археологов, становится таким образом понятным. Весь секрет заключается в том легко улавливаемом факте, что, несмотря на то,

²⁶⁸ Дагоба – маленький храм шарообразной формы, в котором сохраняются реликвии Гаутамы.

²⁶⁹ Прачиды – строения всяких размеров и форм, подобно нашим мавзолеям, предназначенные для приносимых по обету приношений мертвым.

²⁷⁰ Талмудистские записи утверждают, что после того как он был повешен, он был побит камнями и похоронен под водой на месте слияния двух потоков. «*Mishna Sanhedrin*», v. VI, p. 4; «*Талмуд*» Вавилона, тот же параграф, 43а, 67а.

²⁷¹ «*Коптские легенды о распятии*», рукопись, XI.

²⁷² На приведенной гравюре талисман изображен в двойном размере. Мы недоумеваем, почему Кинг в «*Gnostic Gems*» изобразил Соломонову печать в виде пятиконечной звезды, тогда как она шестиконечна и является знаком Вишну в Индии.

что в «Каббале» царь-мессия называется «Толкователем», или Раскрывателем тайны, и указан, как *пятая* эманация, в «Талмуде» – по причинам, которые мы сейчас объясним – мессия очень часто обозначается как «Даг», или рыба. Это – наследие от халдеев, и относится – как показывает само имя – к вавилонскому Дагону, человеку-рыбе, который был наставником и толкователем для людей, которым он показывался. Абарбанель объясняет это имя, утверждая, что знаком времени прихода его (мессии) «является соединение Сатурна и Юпитера в знаке [зодиака] Рыб».²⁷³ Поэтому, так как христиане намеревались отождествить своего Христа с мессией Ветхого Завета, – они приняли его столь охотно, что забыли, что его истинное происхождение можно проследить еще дальше назад, чем вавилонский Дагон. С каким пылом и подробностями ранние христиане объединяли идеал Иисуса с каким только можно каббалистическим и языческим учением, можно заключить из слов Климента Александрийского, обращенных к своим единоверцам.

Когда они обсуждали выбор наиболее подходящего символа, который напоминал бы им об Иисусе, Климент посоветовал им следующими словами: «Пусть резьба на гемме вашего кольца изобразит или *голубя* или *лодку, гонимую ветром* (аргха), или *рыбу*». Находился ли этот добрый отец, когда писал это, под впечатлением воспоминания об Иошуа, сыне Навина (называемом *Иисусом* в греческой и славянской версиях), или же он забыл действительное толкование этих языческих символов?²⁷⁴

А теперь с помощью всех этих отрывков, разбросанных то тут, то там по «Изиде» и другим такого рода трудам, читатель увидит и сможет судить сам, которое из двух объяснений – христианское или объяснение оккультистов – ближе к истине. Если бы Иисус не был посвященным, почему тогда были бы даны все эти *аллегорические* события его жизни? Почему принимать на себя столько хлопот и тратить столько времени, стараясь подвести вышесказанное, чтобы оно: а) отвечало и совпадало с преднамеренно подобранными изречениями в Ветхом Завете, чтобы продемонстрировать их, как *пророчества*; и б) чтобы сохранить в них посвященные символы, эмблемы, так насыщенные оккультным значением, причем все они принадлежат *мистической* философии язычников? Автор «Источника мер» выдает это *таинственное* намерение, но только еще раз и опять в его одностороннем, числовом и каббалистическом значении, не обращая никакого внимания и не касаясь его первичного и более духовного происхождения; и он занимается им постольку, поскольку оно имеет отношение к Ветхому Завету. Он приписывает *намеренное* изменение в изречении «*Eli, Eli, lama sabachthani*» уже упомянутому принципу скрещенных костей и черепа в Лабаруме,

Как эмблеме смерти – помещенной над дверью смерти и означающей *рождение* – или взаимовмещения двух противоположных принципов в одном, точно так же, как, мистически. Спаситель считался муже-женщиной.²⁷⁵

Идея автора заключается в том, чтобы показать, как евангельские писатели мистически сливают Иегову, Каина, Авеля и т. д. с Иисусом (соответственно еврейскому каббалистическому исчислению); чем более он в этом успевает, тем более ясно он демонстрирует, что то было *навязанное* слияние, и что у нас нет записей о действительных событиях жизни Иисуса, рассказанных очевидцами или апостолами. Все повествование обосновано на знаках Зодиака:

Каждый был двойной знак или муже-женский (в древней астрологической магии) а именно: это был Телец-Ева, и Скорпион был Марс-Луна, или Марс с волчицей (в отношении

²⁷³ Кинг («Гностики») приводит фигуру христианского символа, весьма обычную в Средние века, состоящую из трех рыб, образующих треугольник, на котором выгравированы ПЯТЬ букв (очень священное пифагорейское число) I, X, Θ, Υ, Σ. Число пять относится к тому же каббалистическому вычислению.

²⁷⁴ «Разоблаченная Изиде», II, гл. 6.

²⁷⁵ См. указанное издание. Все это связывает Иисуса с великими посвященными и солнечными героями; все это чисто языческое, в нововведенном варианте, по христианской схеме.

Финикийская космогония связала *Boхu Βααv* в олицетворенное выражение, означающее *первичную субстанцию*, а в качестве божества – *мать племен богов* (что есть Адити и Вак). Арамейское имя Βαώθ, Βυθ-ός, Буто, для *матери богов*, которое перешло к гностикам, вавилонянам и египтянам, *является тогда идентичным с Мот מוֹט*, нашей *Мут*), (Βώθ) произошло в финикийском языке вследствие обмена *б* на *м*.²⁷⁹

Предпочтительнее – нужно сказать – идите к истокам. Мистическая евгемеризация мудрости и разума, действующие в труде космической эволюции, или *Буддхи* под именами Брахмы, Пуруши и т. д., как мужской силы, и Адити-Вак и т. д., как женской, откуда и Сарасвати, богиня мудрости, которая под завесами эзотерической сокровенности стала Бутос, Битос-Глубь, грубо материальная, личностно женская, называемая Евой, «первичная женщина» Ириная, и мир, появившийся из *Ничего*.

Разработка этого глифа 4-ой кн. «Бытия» помогает понять разделение одного образа на формы двух личностей; например – Адам и Ева, Каин и Авель, Авраам и Исаак, Иаков и Исав и т. д. (все мужские и женские) ... Далее, как связывающее вместе несколько наиболее ярких мест в библейской структуре: 1) которые касаются Ветхого и Нового Заветов; с касающимся 2) Римской империи; 3) подтверждения значений и применения символов; и также 4) подтверждения всего объяснения и чтения глифов; также как 5) признания и положения основы великой пирамиды в качестве *квадрата основания* конструкции Библии; 6) так же как нового римского обращения при Константине – дается следующее:²⁸⁰

Каин оказался... 360 кругом Зодиака, совершенным и точным образом, путем квадратного деления; отсюда имя его – Мелхиседек... (Следуют геометрические и числовые демонстрации.) Неоднократно указывалось, что целью построения Великой Пирамиды было измерение *небес и земли*... (мы просим разрешения добавить – объективных сфер, которые эволюционировали из субъективного, чисто духовного космоса); поэтому содержимое ее измерения указало бы всю сущность меры *небес и земли*, или согласно древним обозначениям – *Земли, Воздуха, Воды и Огня*.²⁸¹ (Сторона основания этой пирамиды была диаметром к окружности в 2400 *футов*. Характерной чертой этого является 24 фута, или $6 \times 4 = 24$, или тот же квадрат Каин-Адама.) Теперь, когда великий ученый иезуитский священник отец Афанасий Кирхер восстановил лагерное расположение израильтян в том виде, как оно было введено Моисеем, – вышеприведенное в точности представляет собою метод, по библейским источникам и традициям, раскладывания этого лагеря. *Четыре внутренних четырехугольника* были посвящены 1) Моисею и Аарону; 2) Кохату; 3) Гершому; 4) Мерари – при этом трое последних являлись главами левитов. Атрибуты этих четырехугольников были *первоначальными* атрибутами Адам-Марса и были сгущены из стихий *Земли, Воздуха, Огня, Воды*, или $\text{א} = \text{Иам} = \text{Вода}$, $\text{א} = \text{Ноур} = \text{Огонь}$, $\text{א} = \text{Руах} = \text{Воздух}$ и $\text{א} = \text{Иабеша} = \text{Земля}$. Начальные буквы этих слов составляют INRI – символ, который обычно переводится как *Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum* – «Иисус из Назарета, царь иудейский». Этот квадрат INRI есть *квадрат Адама*, который служил основанием четырех других $144 \times 2 = 288$, до стороны большого квадрата $288 \times 4 = 1152 =$ целой окружности. Но этот квадрат есть проявление также элементов круга и 115-2 могут это означать. Поставьте

²⁷⁹ Стр. 295, 296.

²⁸⁰ Если бы мы знали этого ученого автора до того, как была напечатана его книга, может быть нам удалось бы убедить его, чтобы он добавил седьмое звено, из которого возникли все другие; это седьмое задолго предшествовало во времени вышеперечисленным звеньям и превосходило их во всеобщем-философском значении, и даже относительно великой пирамиды, квадрат основания которой, в свою очередь представляет великие арийские мистерии.

²⁸¹ Мы бы сказали, космической Материи, Духа, Хаоса и божественного Света, так как египетское представление в этом отношении было идентично с арийским. Однако автор прав в отношении оккультного символизма евреев. Они во все времена были очень сухим, недуховным народом, все же, даже у них «Руах» был божественный дух, но не «воздух».

INRI в круг или читайте его, как буквы стоят в квадрате, по отношению к его величинам 1521, и у нас будет

, которые читаются как 115-2.

Но, как было видно, Каин обозначает это как, или в, 115 своего имени; это 115 было тем самым дополнением, которое было нужно, чтобы составить год из 360 дней для согласования с уравновесиями стандартного круга, которые были Каин. Угловые квадраты большего квадрата суть А = Лев, и В = Дан-Скорпион; и видно, что Каин протыкает Авеля в пересечении равноденственной линии с линией солнцестояния, проведенной от Дан-Скорпиона на небесный круг. Но Дан-Скорпион граничит с Весами, с чашами, чьим знаком является

(каковой знак является знаком *подушки* в древности, на которой покоился *затылок головы до ушей* ²⁸² – это подушка Иакова), и представлен в качестве одного символа как

... Также знак Дан-Скорпиона есть смерть-жизнь, в символе . Крест есть эмблема *источника мер* в форме *Иеговы* прямой линии с обозначением 20612, совершенного круга; следовательно, Каин был этим, как Иегова, так как в тексте говорится, что *он был* Иегова. Но прикрепление человека к этому кресту было прикреплением 113 : 355 к 6561 : 5153 x 4 = 20612, как показано. Далее, над *головой* распятого Иисуса была помещена надпись, начальные буквы каждого слова которой всегда считались символическими и были истолкованы и применены в качестве монограммы Иисуса Христа – а именно, INRI или *Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum*; но эти буквы расположены на *Кресте*, или кубической *форме* кругового источника мер, которыми измеряются субстанции *Земли, Воздуха, Огня и Воды*, или INRI=1152, как показано. Вот он – человек на кресте, или 113 : 355 в сочетании с 6561 : 5153 x 4 = 20612. Это числа *основания пирамиды*, как происходящие из 113 : 355 как еврейский источник; отсюда – квадрат Адама, который является основанием пирамиды и центральным квадратом более обширного квадрата *лагерного расположения*. Согнем INRI в круг и у нас будет 1152, или окружность последнего. Но Иисус умирающий (или Авель в союзе) пользовался теми же словами, которые необходимы, чтобы все объяснить. Он говорит – *Eli, Eli, Lama Sabachthani*

²⁸² М-р Ральстон Скиннер доказывает, что символ , скрещенные кости и череп, содержит букву *P Koph*, половину головы за ушами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.